

Александр Беззубцев-Кондаков
Илья Дроканов

Надо ли России бояться Китая?

 ПИТЕР

Annotation

Мир меняется. И в этом новом мире все большую роль начинает играть Китай. Все громче звучат угрожающие голоса, предсказывающие России полное исчезновение под «тьмой с Востока». Не надо никаких войн. Просто русских станет гораздо меньше, чем китайцев. Все это случится мирно, почти незаметно: на российских улицах, в кафе и магазинах зазвучит китайская речь, появятся вывески на китайском, в киосках будут лежать китайские газеты. Базы НАТО у наших границ покажутся детскими игрушками в сравнении с глобальной экспансией Китая, надвигающейся подобно лавине. Противостоять стихии бесполезно? Мощное экономическое развитие и прагматический политический курс уже не одно десятилетие считаются слагаемыми небывалого китайского успеха.

Вместе с восхищением китайским экономическим чудом в мире множатся страхи. В этой книге авторы постарались показать со всех сторон загадочное Срединное государство и найти ответы на вопросы. Как поведет себя «сильный Китай», когда он осуществит свои грандиозные планы модернизации? Нужно ли России бояться Китая? Ждать ли нам новой войны? И не станет ли расхожий анекдот о «китайско-финской границе» печальной реальностью?

-
- [Александр Беззубцев-Кондаков, Илья Дроканов](#)
 -
 - [Тьма с Востока?](#)
 - [Пролог](#)
 - [Тень Черного Дракона](#)
 - [2012-й — год вооруженных конфликтов?](#)
 - [Шаг за шагом мы достигнем великой цели! \(«Ибу ибудэ дэдао вэйдадэ муди!»\)](#)
 - [Идет Китай — земля трясется](#)
 - [«Где нет свободы — там Китай»](#)
 - [«На китайско-афинской границе все спокойно»](#)
 - [Китайская армия: реальная угроза или «бумажный тигр»?](#)

- Куда ведет «бесконечный путь хитрости»?
 - Эмиграция — не измена
 - «Китай не там, Китай на нашей стороне»
 - Страхи давние и новые
 - Здесь была Россия
 - Кто спасет Дальний Восток?
- Падет ли Великая Китайская стена?
 - Политика и тайна стратагем
- Китайский юань против американского доллара
 - Китай может «взорвать» экономику США
- Непобежденная коррупция.
- Годится ли Владимир Путин на роль «русского Дэн Сяопина»?
- У Китая — собственная «Чечня», и не одна
 - Будущее Китая — гражданская война?
 - Как Америка боролась против пекинской Олимпиады
 - Атака клонов. О будущем китайского автопрома
- Контрафакт «в законе»
- Смерть «made in China»
- Пятый братец Лю пьет и пьет воду.
- Вредный-вредный-вредный Китай
- Столица России должна быть перенесена на Дальний Восток?
- Россия и «китайское счастье». Подводим итоги
- Основные источники и литература
- notes
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
 - 9
 - 10

- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)

- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)

- [85](#)
 - [86](#)
 - [87](#)
 - [88](#)
 - [89](#)
 - [90](#)
 - [91](#)
 - [92](#)
 - [93](#)
 - [94](#)
 - [95](#)
 - [96](#)
 - [97](#)
-

**Александр Беззубцев-Кондаков, Илья
Дроканов
Надо ли России бояться Китая?**

Тъма с Востока?

Пролог

*Эта местность мне знакома как окраина
Китая!*

Иосиф Бродский

Россия боится Китая.

«России не станет. Здесь скоро будет провинция Китая!» — такую точку зрения сегодня высказывают уже открыто.

Столетие назад поэт и философ Владимир Соловьев провозгласил: «С Востока свет, с Востока силы...» Сегодня гораздо большее распространение в России получает обратная мифологема — тьма с Востока. Тьма, неотвратно надвигающаяся на российские города и веси. Как известно, в русском языке слово «тьма» имеет двойное значение. Под «тьмой» понимается не только мрак, но и — неисчислимое множество, «тьма тьмущая». Поэтому столь уместным кажется выражение «тьма с Востока» применительно к современному Китаю — державе огромной, неисчислимой и пугающей.

Нам говорят, что русские постепенно становятся вымирающей нацией. А значит, как утверждают авторы апокалипсических прогнозов, русские обречены на поражение в «тайной войне» с мигрантами, которых — *тьма тьмущая*. Как ни странно, дружеские отношения с Китаем могут оказаться еще более опасными для России, чем враждебные. Многие уже смирились с тем, что в течение ближайших лет в результате «ползучей экспансии» китайцев Россия потеряет Дальний Восток: не надо никаких войн, китайцев попросту там станет на порядок больше, чем русских. На улицах российских городов появятся вывески с иероглифами, зазвучит китайская речь в магазинах и ресторанах, в школах и вузах будут преобладать желтолицые ученики и студенты, в киосках будут лежать пекинские газеты. И главное — с этим, кажется, ничего не поделать, как нельзя повлиять на природные катаклизмы, — китайская экспансия сродни цунами или урагану. Бунт против стихии не имеет смысла. Сегодня Россия «глазами Китая» выглядит как неплохой рынок сбыта ширпотреба, а завтра, возможно, — как территория потенциального

заселения. У нас нет никаких веских доказательств того, что якобы бы правительство Китая всячески стимулирует нелегальное переселение своих граждан на российские земли, однако миф об этом уже несколько лет широко распространяется в России и даже обсуждается в отечественных средствах массовой информации. И невольно у многих наших соотечественников возникает мысль: что же нас пугают расширением НАТО, американскими базами у российских границ, если все это — детские игрушки по сравнению с глобальной экспансией Китая, которую ни одна армия мира не способна остановить?..

Позволим себе напомнить, как во времена позднего СССР в нашем обществе возникло два примитивных мнения о Западе. Одни говорили об «ужасах капитализма», а другие — о «капиталистическом рае». Одни смотрели в сторону Европы с вожделием, другие — в священном трепете. Как выяснилось, ошибались и первые и вторые. Примерно то же самое сегодня мы видим на примере отношения россиян к Китаю. Нас то прельщают «китайским экономическим чудом», призывают учиться у китайцев, во всем следовать их мудрому примеру, то рассказывают об агрессивных и воинственных жителях Поднебесной, которые, если уж не захватят Россию в ходе грядущей войны, скорее всего, постепенно ассимилируют русских. Вновь два стереотипа, которые воздействуют на массовое сознание. Сегодня россияне видят западную цивилизацию такой, какая она есть — без страхов и «розовых очков». Европа стала близкой, для большинства россиян является уже привычным делом ездить туда на отдых и в командировку, а времена «железного занавеса» нам вспоминаются как «преданья старины глубокой». А вот до Поднебесной нам по-прежнему далеко «как до небес». И удивительно современно сегодня звучат слова, сказанные в далеком 1852 году автором журнала «Московитянин»: *«Теперь мы начинаем верить, что не шутя есть страна, называемая Китаем...»*

На наш взгляд, помощник президента России Сергей Приходько недавно совершенно резонно заметил, что «общий источник таких стереотипов — неуверенность относительно того, как поведет себя на международной арене „сильный Китай“, когда он осуществит свои грандиозные планы модернизации, превратится в экономическую, научно-техническую и военную сверхдержаву». Проще говоря,

«сильный Китай» кажется россиянам совершенно непредсказуемым, а потому пугающим.

Словом, китаефобия — болезнь многих наших соотечественников. И лекарство от этой болезни пока не найдено. Когда в марте 2010 года радиостанция «Эхо Москвы» провела среди слушателей опрос на тему, кого они считают главным врагом России, США или Китай, большинство выразило мнение, что гораздо опаснее для нас Китай.

Как обмолвился недавно американский профессор Питер Наварро, сегодняшний Китай только на вид добрая панда, а на самом деле — голодный дракон. Очевидно, россияне готовы принять это суждение за истину.

Вам уже страшно?..

Давайте все-таки разберемся: что за тьма идет на нас с Востока? Да и тьма ли это?..

Тень Черного Дракона

*Разве вам нужен синоптик, чтобы знать,
откуда дует ветер?*

Боб Дилан

Писать о будущем одновременно и легко и сложно. С одной стороны, никто ведь не упрекнет тебя в фальши и неправде, так как речь заведомо идет о том, *чего нет*, а с другой — велик риск погрузиться в пустые фантазии, которые не обузданы реальностью. Кроме того, предсказание, пророчество — дело очень неблагодарное, так как имеет большие шансы не сбыться. Но у человеческой памяти есть великолепное свойство сохранять лишь те предсказания, которые подтвердились исторически. Несбывшиеся же быстро стираются из исторической памяти, поэтому во все времена хватало претендентов на лавры великих пророков.

Сейчас мы попытаемся заглянуть в будущее и поразмышлять о том, каким для всего человечества и для России в частности может стать «далекий-близкий» 2012 год.

По китайскому календарю 2012-й будет годом Черного Дракона. Как известно, Дракон — национальный символ Китая. То ли в шутку, то ли всерьез китайцы любят говорить, что их народ — потомок Дракона. Жители Поднебесной воспринимают это грозное существо не как свирепое чудовище, а как своего защитника и покровителя. У китайского народа даже существует крылатое выражение *«желать, чтобы дети стали драконами»*, то есть выросли сильными и мудрыми. Кстати, и защищавшую Срединную империю Великую Китайскую стену, которая то «ползет», подобно змее, вниз по склонам горы, то взлетает на ее вершины, можно сравнить с образом этого мифического животного. Однажды Наполеон сказал про Китай: *«Это спящий гигант. И пусть себе спит! Потому что, проснувшись, он перевернет миры. И многим кажется, что именно в 2012 году китайский Дракон проснется. Не исключено поэтому, что 2012-й войдет в историю как «год Китая». Возможно, мы убедимся в справедливости наполеоновских слов. Британский политолог Марк*

Леонард недавно сказал, что Китай вовсе не стоит в стороне от глобализации, просто он «разрабатывает новую модель глобализации» — попросту стремится к тому, чтобы перелицевать мир «по-китайски»^[1], то есть *перевернуть* его. Российский автор Владимир Попов справедливо отмечает: «Сторонний наблюдатель даже при поверхностном взгляде не может не заметить, что страна обладает огромным запасом социального и морального здоровья. Китайцы дружелюбны, деликатны, расторопны, услужливы без подобострастия, произносят тысячу слов в минуту и всегда улыбаются. Запас жизненной энергии у каждого такой, что его, кажется, хватило бы на десятерых европейцев»^[2]. Об этом же размышляет и бывший посол России в Пекине Игорь Рогачев: «Когда приедете в Китай и пройдетесь рано утром по улицам, вы увидите тысячи людей, занимающихся традиционной китайской гимнастикой. Часов в одиннадцать утра миллионы служащих занимаются производственной гимнастикой. В стране строятся сотни стадионов и спорткомплексов, все спортплощадки переполнены»^[3]. Жизненная активность китайцев, их воля к победе, уверенность в своих силах, патриотизм — все эти качества становятся чрезвычайно важными слагаемыми общего успеха или *«китайского чуда»*, которое уже потрясло мир. **У китайцев сегодня сформирован менталитет победителей.** Они выросли драконами. В отличие от европейцев китайцы готовы *служить* своему Отечеству и умереть за него. Возможно, в современных китайцах россияне увидят своих дедушек и бабушек, которые твердо знали, что живут в самой свободной и счастливой стране, во имя и ради которой, если понадобится, можно без колебаний пожертвовать собственной жизнью.

Но сначала о том, почему именно эту дату — 2012 год — мы считаем рубежной и для России и для Китая. И чем интересен 2012 год с точки зрения нашего сегодняшнего представления о будущем?

Прежде всего, в 2012 году состоятся выборы президентов Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки. В 2012 году пройдет XVIII съезд Коммунистической партии Китая, который по своей значимости вполне может быть равноценен смене лиц на посту руководителей сверхдержав планеты. А всего этого уже вполне достаточно для того, чтобы считать 2012 год временем возможных

перемен в жизни и наших государств, и международного сообщества в целом.

Не нужно быть Нострадамусом, чтобы предвидеть эти изменения. Можно лишь дискутировать о том, насколько масштабными и долгосрочными они окажутся.

В декабре 2009 года на экраны вышел блокбастер Мела Гибсона «Апокалипсис», который напомнил зрителю о великой цивилизации майя, павшей под ударом конкистадоров. Благодаря фильму во многих странах мира произошел всплеск общественного интереса к тайным учениям майя и их календарю. Жрецы майя считали, что Вселенная развивается в рамках глобальных циклов. Ныне, согласно этому календарю, человечество переживает эпоху Пятого Солнца, которая должна завершиться 23 декабря 2012 года. Майя якобы полагали, что по завершении нынешнего цикла произойдет некое движение Земли, которое повлечет за собой уничтожение всей нашей цивилизации. Дополнительную таинственность пророчеству майя придает тот факт, что 21 декабря 2012 года начнется «парад планет». Сатурн, Юпитер, Марс и Земля выстроятся в одну линию. Конечно, подобные «парады планет» происходили и раньше, но в 2012 год выстроятся в одну линию не только планеты нашей Солнечной системы, но и планеты других звездных систем, образовав тем самым линию от центра галактики. Предстоящая вселенская катастрофа легла в основу сюжета голливудского фильма-катастрофы режиссера Роланда Эммериха «2012». Фильм повествует о том, как природные катаклизмы охватывают весь земной шар, а люди пытаются спастись на построенных в Гималаях гигантских кораблях, по-библейски названных «ковчегами». Картины гибнущих городов в фильме выглядят столь натурально, что несметное множество впечатлительных зрителей завалили Американское космическое агентство тоннами писем, в которых просили спасти их с обреченной на гибель Земли.

Всемирная ассоциация календарей недавно выступила с неожиданной инициативой замены нынешнего григорианского календаря, который был введен в 1582 году Папой Римским Григорием XIII. Недостаток действующего календаря, по мнению ассоциации, в том, что кварталы имеют различное количество дней и таким образом затрудняют экономическую деятельность и прочие расчеты.

Предлагаемый календарь также содержит 365 дней, однако в каждый год, который начинается с воскресенья, имеет один дополнительный день — вторую субботу. А ближайший год, начинающийся с воскресенья, — как раз 2012-й.

Астролог Борис Пясик утверждает: «12 декабря 2012 года — это день, когда конфигурация на небесном своде складывается не из легких. Это последний день лунного месяца, считающийся „сатанинским“: происходят соединение Юпитера с Черной Луной, планетой негативной кармы, и наблюдается напряженный планетарный аспект Плутона с Ураном. Кроме того, все это будет происходить в то время, когда Уран меняет направление своего движения, что чревато сильными разрушительными процессами. Не знаю, станет ли указанный день „последним днем Помпеи“, но, по всей видимости, хлопот он доставит немало»^[4].

Насколько вероятны природные и космические катаклизмы — вопрос куда как спорный. Но вот более или менее сильные политические «встряски» в 2012-м нас всех ждут однозначно. Возможно, это будет год глобальной нестабильности, которая изменит соотношение сил самых мощных держав планеты. Эти мировые трансформации зреют уже сегодня, мы можем различать их примерные очертания.

Уже не первый год во многих странах мира пристально изучают прогнозы американского астролога Эрика Алана Миса, который говорит, что в 2012 году в Америке возможна революция, а в 2025-м США, возможно, распадутся на отдельные штаты по «югославскому сценарию». В этом году правительство США может принять решение в очередной раз активно вмешаться в конфликт, разгорающийся на Ближнем Востоке или в Центральной Европе. Увязнув в чужестранных проблемах, США рискуют получить внутривнутриполитические осложнения, чреватые революционной ситуацией или длительным кризисом, который в конце концов приведет к децентрализации государственной власти. Под воздействием экономических проблем и внутренней розни американская сверхдержава падет, пророчит Алан Мис. Трудно все-таки сказать наверняка, основаны ли эти прогнозы исключительно на астрологических наблюдениях или же Алан Мис выстраивает свою теорию на фактах реальной политики и пытается выстроить долгосрочную перспективу. Ведь о том, что Соединенные Штаты,

несмотря на внешне безупречный статус сверхдержавы, находятся сегодня в весьма уязвимом положении, можно говорить, не обращаясь к астрологии. А ведь ослабевшую Америку никто не пощадит. Любая трещина в стене неприступной цитадели может стать роковой.

Нынешнего президента США Барака Обаму уже назвали «новым Горбачевым». А в мировую историю первый и последний президент СССР вошел как правитель, который признался в том, что сознательно вел свое государство к распаду. *«Целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма»*, — сказал бывший Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии СССР на семинаре в Американском университете в Турции. Горбачев не мог не понимать, что разрушение социалистической системы, к которому он якобы стремился, равносильно краху страны, ибо это отнюдь не косметическая ретушь, а слом станового хребта державы. Вскоре после избрания Обамы Михаил Горбачев неоднократно заявлял, что с деятельностью нового главы Соединенных Штатов будет связана «перестройка». В России само понятие «перестройка» стало почти синонимом слова «катастрофа», и не случайно социолог Александр Зиновьев даже употреблял термин «катастрофа». Весьма показательным является то, что сегодня Михаил Горбачев видит в Бараке Обаме «родственную душу». 21 марта 2009 года Обама принял первого и последнего президента СССР в Белом доме, и хотя подробности беседы не разглашаются, известно, что обе стороны остались довольны встречей.

Политический обозреватель Петр Романов отмечает: «... некоторое сходство между СССР времен прихода к власти Горбачева и США времен прихода к власти Обамы действительно существует. Имидж СССР эпохи геронтологического Политбюро и имидж США эпохи энергичного Буша-младшего выглядят одинаково плачевно. В этом смысле задачи Обамы и Горбачева — поменять имидж своего государства в лучшую сторону — во многом совпадают. Причем и в том и в другом случае для исправления ситуации одних слов мало, хотя, конечно же, никто не отменял закона Божьего о том, что „в начале было слово“. И Горбачев и Обама с этого „слова“ свой политический путь и начали. Есть и другие совпадения. Обе страны — СССР 1985-го и США 2009-го никак не могли завершить крайне неудачные и непопулярные войны, которые не нравились не только своим собственным гражданам, но и всему остальному миру: у нас

был Афганистан, у США — Ирак. У Вашингтона на сегодня гирей на ноге дополнительно висит еще все тот же Афган. И когда американцы завершат там свою „галльскую войну“, еще неизвестно. Наконец, не стоит забывать о серьезных экономических проблемах, хотя, разумеется, тогдашние советские и нынешние американские проблемы были по своей природе очень разными»*[5]. Сегодня Барак Обама усиленно создает иллюзию стабильного положения своей страны и уверяет, что разработанный его командой пакет антикризисных мер для американской экономики общей стоимостью 787 миллиардов долларов позволил Штатам с минимальными потерями прожить первый год глобального кризиса. Он, в частности, заявил: «Нам еще предстоит пройти долгий путь, но мы уже сумели уберечь нашу экономику от самого тяжелого кризиса в истории». Насчет «самого тяжелого кризиса в истории» — это, конечно, забавное преувеличение. Пока еще никто не доказал, что нынешний экономический кризис — явление более катастрофическое, чем Великая депрессия 1929-1933 годов. При этом хозяин Овального кабинета смело утверждает, что именно его грамотные действия уберегли США от повторения Великой депрессии. Однако на сегодняшний день за этими декларациями не стоят указания на реальные достижения администрации Обамы в экономическом развитии страны. Многие американцы полагают, что 767 миллиардов «антикризисных» денег были потрачены попросту «на ветер». Не будем забывать, что в 1930-е годы именно Великая депрессия стала главным фактором увеличения численности «протестного электората» в странах Европы и Америки. В нынешних условиях мировой экономический кризис — самая благодатная почва для усиления антиглобалистского движения, исламского экстремизма, для прихода к власти «левых» сил в разных уголках планеты. А возможно, и в США...

И сегодня уже высказываются самые различные предположения относительно того, какой будет передавать Америку Барак Обама следующему президенту: сверхдержавой или колоссом на глиняных ногах? «**мировым жандармом**» или страной либеральной внешней политики? благополучным и стабильным обществом или страной социальной напряженности, живущей на грани революционных потрясений?.. Крах Америки, «плоский штопор» американской экономики в последние годы пророчили очень часто, но в этих

прогнозах крайне трудно отделить банальную антиамериканскую пропаганду от серьезного стратегического анализа.

Может быть, реальные цели Барака Обамы так же далеки от официальных высказываний президента США, как были далеки тайные устремления Михаила Горбачева от доктрин советской идеологии?

По крайней мере, из уст Обамы мы уже услышали слова, которые ставят под сомнение ту программу вооруженного насаждения демократии в разных частях света, которую Штаты неукоснительно выполняли и при президентах-республиканцах, и при президентах-демократах. Выступая 23 сентября 2009 года на сессии Генассамблеи ООН, Обама сказал: «**Демократия** не может быть привнесена в какую-либо страну извне. Каждая страна должна искать свой собственный путь, и ни один путь не является совершенным. Каждая страна будет следовать по пути, который коренится в культуре ее народа, и в прошлом Америка слишком часто была избирательна в своей пропаганде демократии». Может быть, и вправду это признание — знамение американской Перестройки? Американцы по-прежнему видят мир в виде Великой шахматной доски, где играют «черные» и «белые». Неслучайно именно так называется знаменитая книга американского политолога Збигнева Бжезинского, который считает, что ни у одной страны мира нет шансов перехватить мировое лидерство. Но современный Китай делает «расклад сил» мировой политики гораздо более причудливым и многоцветным, чем его привыкли видеть американцы.

Ослабление Соединенных Штатов дает колоссальные преимущества их основному геополитическому сопернику — Китаю, который занял место «противовеса» американской гегемонии, освободившееся с распадом Советского Союза. Марк Леонард совершенно справедливо замечает, что сегодня «почти в каждом событии мирового масштаба угадывается влияние китайского фактора. Китайская позиция сказывалась на динамике целого ряда проблем — от вопросов развития африканского континента до реформы системы Организации Объединенных Наций, от переговоров в Дохе по глобализации торговли до иранской ядерной проблемы, от геноцида в Дарфуре до цен на нефть в Венесуэле. Китай перестал быть просто большой страной, партнером по бизнесу или субъектом

дипломатических отношений. Стартовал процесс превращения Китая в реальный фактор мировой политики...»^[6] А тем самым Поднебесная очень сильно «действует на нервы» американцам. Эксперты Пентагона из года в год обвиняют Китай в сокрытии своих истинных расходов на «оборонку». В свою очередь, власти КНР требуют от Вашингтона отменить заключенную многомиллиардную сделку по поставкам Тайваню военных вертолетов, ракет и кораблей, а американцы тем временем настаивают, чтобы китайцы поддержали санкции против Ирана. Во вторую очередь Вашингтон обеспокоен экономической экспансией Китая. Соперничество Дракона и Орла уже сегодня во многом определяет конфигурацию международной политики, и в дальнейшем оно будет только усиливаться. Очевидно, что Пекин никогда не примет вашингтонские правила игры, а на американские заявления о нарушениях прав человека в Китае из Поднебесной звучат резонные рекомендации не вмешиваться во внутренние дела Китая. Вашингтон, несмотря на все свои непомерные амбиции, скорее всего, вынужден будет все более смягчать свою позицию в отношении Поднебесной. При этом антикитайская риторика в выступлениях политической элиты США не должна нас вводить в заблуждение — за ней чаще всего скрывается стремление найти компромисс с Китаем на принципах обоюдной пользы. А это говорит, что Орел пасует перед Драконом. Миллиардер Джордж Сорос — человек, которому никак не откажешь в проницательности, — недавно высказал мнение о том, что мировой экономический кризис дает большие преимущества Китаю: «Китай может легко оказаться страной, получившей наибольшую выгоду от происшедшего, — тамошние руководители должны только повести себя умно. Но могут они оказаться и главным проигравшим — если не найдут решения проблем. Случись так, что пекинский режим наделает ошибок, это может вызвать в Китае настоящий политический кризис»^[7]. К сегодняшней мировой финансовой нестабильности Китай подошел, имея более значительный запас прочности, чем Соединенные Штаты Америки. И когда кризис закончится, Америка, возможно, с удивлением обнаружит, что центр мировой экономики переместился в долину реки Янцзы.

И Россия и США в 2012 году в очередной раз окажутся на перепутье. Им придется делать выбор не между кандидатами в

президенты, а между стратегиями развития страны. И эти стратегии во многом будут противоречить друг другу.

Российские политологи уже говорят о проблеме 2012 года. Владимир Путин уверяет, что он и ныне действующий глава государства Дмитрий Медведев не будут составлять друг другу конкуренцию на президентских выборах. Однако просуществует ли тандем «Путин-Медведев» до 2012 года? Смогут ли два политика сесть за стол и мирно договориться о переделе власти? А то, что передача президентского поста, — это *передел колоссальных властных ресурсов*, очевидно каждому. Если в 2012 году Путин вновь возглавит нашу страну и будет занимать президентский пост два срока подряд, то его преемник будет избран только в 2020 году — а это будет означать, что время, в которое мы живем, войдет в историю как «эпоха Путина», где небольшой промежуток руководства Дмитрием Медведевым будет выглядеть как не самый яркий эпизод, связанный в основном с преодолением последствий мирового экономического кризиса. Сегодня Дмитрий Анатольевич Медведев говорит, что готов вновь баллотироваться на президентский пост. 25 сентября 2009 года, выступая перед студентами и преподавателями Питтсбургского университета в США, Медведев сказал: «Что касается планов Владимира Путина — *лучше*, конечно, этот вопрос адресовать ему. Мы с ним разные люди, но, по-моему, он недавно на эту тему говорил. Мы — как минимум политики, которым доверяют российские граждане, сможем обсудить этот вопрос вместе».

Действительно, Медведев и Путин «разные люди». И в глазах россиян олицетворяют они отнюдь не одну и ту же стратегию будущего. Приоритеты Владимира Путина лежат в сфере укрепления обороноспособности и национальной безопасности, поддержки международного имиджа России как мощной державы имперского типа, усиления роли государства в экономической жизни страны. Дмитрий Медведев — сторонник экономических свобод, воспринимающий Россию как одну из европейских демократических держав современного многополярного мира, политик, склонный искать поддержку скорее в промышленном и банковском секторе, чем среди «силовиков», с которыми он отнюдь не всегда может найти общий язык. Даже при соотношении *Медведев-президент* и *Путин-премьер* первый действует как топ-менеджер, а второй — как самодержец.

Дмитрий Медведев, судя по всему, не видит необходимости в сакрализации государственной власти, а Владимир Путин четко следует парадигме российского монархического сознания, хотя, возможно, не всегда отдает себе в этом отчет. Если внешнеполитические приоритеты Медведева всегда будут расположены на Западе — в странах европейской демократии, то Путин ищет стратегическое партнерство для России преимущественно на Востоке. Этим объясняется характерное для Владимира Путина стремление к нормализации отношений с Китаем.

Вспомним, что буквально с первых шагов работы Медведева на посту президента высказывались предположения, будто он может покинуть Кремль еще до окончания срока и передать власть вновь Владимиру Путину как более сильному и жесткому политику, чье управление может стать более эффективным в условиях стремительно развивающегося экономического кризиса. С другой стороны, ряд экспертов, а в их числе и вице-премьер Игорь Шувалов, прогнозируют, что именно к 2012 году Россия сможет окончательно преодолеть последствия мирового финансового кризиса. Именно эту дату как возможную конечную точку кризисного периода назвал Шувалов во время своего выступления в Государственной Думе 16 сентября 2009 года. Согласен с Шуваловым и глава Сбербанка Герман Греф. Первыми из кризисной ямы должны выбраться предприятия нефтегазового и металлургического комплекса как наиболее ориентированные на зарубежных партнеров. А европейский бизнес уже явно увидел «свет в конце тоннеля». Это означает, что «жесткая рука» в экономической жизни России может и не понадобиться.

2012-й — год вооруженных конфликтов?

Именно 2012 годом ряд аналитиков датируют две возможные военные кампании — Китая и России или же Китая и Индии. Так, в 2009 году Бхарат Верма, главный редактор журнала «Indian Defence Review», выступил с прогнозом того, что Пекин, обеспокоенный развивающимся сближением Дели с Соединенными Штатами Америки, в 2012 году может решиться на агрессию против Индии. На этот прогноз незамедлительно последовала реакция китайской стороны. Журналист Чэнь Сяочэнь ответил своему индийскому коллеге, что имеющиеся противоречия с Индией Китай стремится разрешать за столом переговоров, однако вооруженный конфликт все-таки потенциально возможен в том случае, если Индия займет *«агрессивную позицию в отношении Китая»*. Весьма показательно, что обе стороны дискуссии все-таки не назвали возможность китайско-индийской войны невозможной^[8]. Это и понятно — редко кто может признаться в собственных агрессивных намерениях. Причем как индийский журналист, так и китайский недвусмысленно намекают, что повод к столкновению может дать их потенциальный противник, тем самым полностью снимая ответственность за конфликт со своих государств. Кстати, в начале 2009 года Индия провела успешные испытания собственной системы противоракетной обороны — индийская противоракета «Прадьюмна», предназначенная для уничтожения баллистических ракет, сбита над водами Бенгальского залива ракету-мишень «Дхануш», запущенную с корабля и летевшую на высоте 80 километров. «Прадьюмна» должна стать основой нового комплекса противоракетной обороны Индии, который планируется принять на вооружение все в том же 2012 году. Военные аналитики также не исключают возможности и русско-китайского вооруженного столкновения, и именно в 2012 году: «В конце февраля 2012 года Китай начнет масштабные боевые действия по оккупации Сибири, Дальнего Востока и Забайкалья. Основным направлением удара будет Центральная и Западная Сибирь, а второстепенными, по численности ударной группировки войск, — Приморье, Дальний Восток и Забайкалье. В первые 24 часа боевых действий под оккупацией

окажутся все регионы Забайкалья, Дальнего Востока и Приморья. Более длительное время будут идти бои в Центральной и Западной Сибири, но к концу-середине апреля китайские войска выйдут на линию Урала. Десантными операциями начала войны будут оккупированы Якутск, Магадан, Иркутск и Красноярск и перерезан БАМ. По завершении выхода на линию Урала и захвата нефте- и газоносных месторождений Китай практически блокирует действия НАТО по поддержке России. Единственным союзником в этой войне будут США, для которых усиление Китая представляет реальную угрозу. В конце апреля воздушно-десантными операциями будут захвачены Камчатка и Чукотка. Темпы наступательных операций будут достаточно высокими — от 200 до 500 километров в сутки, что объясняется отсутствием на направлениях главных ударов китайской армии войск России, готовых оказать сколь-нибудь серьезное противодействие. Так как, в отличие от тактики предыдущих войн, Китай не будет проводить сосредоточение войск у российской границы, то получившие боевые задачи и расписания движения войска в походном порядке с наступлением темноты из мест своего постоянного расквартирования ускоренным маршем выйдут прямо в место выполнения боевой задачи. Подразделения и части, увязнувшие в бою с российскими войсками, самостоятельно будут выполнять свою задачу. Основные же силы маршем будут выходить к местам уже своих боевых задач. Таким образом, общей задержки наступления не будет. Темпы развития операции будут плановыми. Применение ядерного оружия, как стратегического, так и тактического, станет невозможным в первые сутки войны, так как ударная группировка окажется полностью на территории России. [...] Для успешной войны, исключаяющей какое-либо сопротивление со стороны местного населения, Китай будет вести массированную пропаганду типа: *„Мы поможем нашим русским братьям освободиться от воров чиновников и грабителей олигархов“*, *„Сибирь мы отдаем сибирякам“* и т. д. И они действительно расстреляют наиболее известных как населению, так и китайской разведке взяточников и казнокрадов. Что будет красноречиво свидетельствовать об их намерениях»^[9].

В далеком 1776 году на русский язык было переведено сочинение побывавшего в Китае шотландского врача Джона Белла, который в числе прочего рассуждал о возможности покорения Китая Россией: «Я

знаю только одну нацию, которая может попытаться завоевать Китай, имея некоторые шансы на успех, это — Россия». С тех пор много воды утекло. Однако до сих пор проблема гипотетического вооруженного конфликта России и Китая будоражит умы европейцев. В последние годы нас достаточно пугали тем, что мир в условиях глобализации движется к созданию единого наднационального «мирового правительства», которое вероятнее всего будет расположено в Вашингтоне. Но есть на сей счет и другие, достаточно парадоксальные прогнозы. Например, председатель Совета директоров Фонда социально-правовых исследований (а в прошлом — руководитель Управления по борьбе с экономическими преступлениями по Санкт-Петербургу и Ленинградской области) Геннадий Сергеевич Водолеев полагает, что «мировое правительство» будет расположено не в Вашингтоне, а в Пекине. Европейцы, считает он, «не смогут в обозримом будущем консолидированно приступить к планомерной последовательной работе по обустройству мира на свой манер»^[10]. Действительно, обороноспособность европейских держав при, казалось бы, высочайшем технологическом потенциале и весьма достойном уровне жизни многими ставится под сомнение. Как заметил один из героев Милана Кундеры, война в сегодняшней Европе стала «антропологически невыносимой. Европейцы уже не способны воевать»^[11]. В то же время «китайский солдат и офицер обязан выполнить (и выполнит!) любой приказ. Солдаты и офицеры самой технически мощной армии мира — американской — на это не способны. Посему по состоянию воинского духа, способности к массовой жертвенности во имя победы азиатские армии подавляюще превосходят европейские и американскую»^[12].

Европейцы и американцы начали глобализацию, стали ее идеологами и апологетами, но, по логике Геннадия Водолеева, **именно глобализация станет для Европы «крестным путем», дорогой на историческую Голгофу, где белого человека будет распинать желтолицый.**

Впрочем, на протяжении всего XX века разные философы и политики неоднократно говорили о том, что белый человек, европеец — уходящая натура. Его исторический век близится к закату.

Немецкий мыслитель-консерватор Освальд Шпенглер пророчил: *«Западный человек не исчезнет, но его присутствие на планете*

рано или поздно перестанут замечать...» А французский поэт Поль Валери после Первой мировой войны задавался вопросом, *«станет ли Европа тем, чем она действительно является, то есть малой оконечностью Азиатского материка?»*.

Словом, катастрофические для Европы и России сценарии имеются в избытке. Нам пророчат как минимум два вооруженных конфликта: во-первых, Китая с Индией и, во-вторых, Китая с Россией. Кажется, весь мир замер в тревожном ожидании, когда пронесется над нами тень Черного Дракона, затмевающая свет солнца.

Насколько реальны такие события?

Шаг за шагом мы достигнем великой цели! («Ибу ибудэ дэдао вэйдадэ муди!»)

Есть ощущение, что Китай, да и вся Восточная Азия, базирующаяся в основном на китайской культуре, знает что-то такое, что неведомо европейской цивилизации.

В. В. Попов. Три капельки воды: заметки некитаиста о Китае

Жители многих стран, представленных на современной политической карте мира, вполне могут считать, что Китай существовал всегда. Кажется, мир без Китая вообще невозможен. Поднебесная словно бы стоит на страже вечности.

Большинство западноевропейских государств ведет свою историю с начала первого тысячелетия нашей эры. Славянские государства, в том числе и Россия, образовались еще позже. Соединенным Штатам Америки — чуть больше трехсот лет... История Срединного же царства («Чжунго»), то есть нынешнего Китая, насчитывает почти пять тысяч лет! В Азии много древних государств, но лишь Индия и Иран могут составить конкуренцию китайской истории. А о появлении доисторических княжеств Японии мы и вовсе узнаем из знаменитого древнекитайского трактата «Троецарствие».

Пожалуй, Китай — единственная страна в мире, где древность непосредственно смыкается с современностью. Государства на иных территориях рождались и погибали, исчезая во тьме минувших столетий. На их месте появлялись новые. Так, например, сегодняшняя Италия очень мало напоминает цивилизацию Древнего Рима. В отличие от европейского прошлого история Китая не знает перерывов, она как бесконечная линия тянется из глубины тысячелетий и устремлена в будущее. Жители Поднебесной когда-то опережали другие народы, определяя сам вектор мирового прогресса. Они первыми дали человечеству бумагу, книгопечатание, порох, компас. 4800 лет непрерывной истории китайской письменности выглядят

весомо в сравнении с тем фактом, что Европа чуть более тысячи лет назад принадлежала племенам варваров и почти утратила письменность. Китайская культура заложила мощный фундамент исторического опыта, включающего незыблемость народных традиций. Жители этой страны точно знают, что камни прошлого — это ступени на пути в будущее.

Китайский народ — единственный из живущих сегодня на Земле самостоятельно создал собственную государственность. Европейцы, к примеру, взяли за образец разрушенную Римскую цивилизацию, Россия во многом заимствовала государственность у Византии, США — у Великобритании. Даже современная Индия, и та воспользовалась испытанным британским опытом. У китайцев государство образовалось тогда, когда другие народы об этом еще и не помышляли. В силу этого китайцы истари привыкли считать себя мировым центром, а на прочие народы взирать как на дикарей, от которых благодразумнее отгородиться Великой стеной.

До определенного периода развития истории такое положение было оправданным. Территория Китая, конечно, подвергалась нашествиям извне, однако большинство захватчиков рано или поздно ассимилировались в китайский этнос, буквально в нем растворясь. Страна, отгороженная от всего мира просторами морей, горными хребтами, мертвыми пустынями и рукотворной стеной, смогла сохранить свою идентичность и пронести ее сквозь века. Однако в дальнейшем эгоцентризм и изоляционизм китайцев привели их страну к губельным последствиям. В середине XIX века поражение в «опиумных войнах» низвело Срединное государство к положению полуколоний. Англичане, французы, немцы, японцы распоряжались в китайских городах как у себя дома. Национальная гордость китайцев казалась сломленной.

Правители из последней императорской династии Цин, фактически потерявшие контроль над собственными землями, были сметены революционной бурей в начале XX века. Государственный суверенитет был утрачен, Юг и Север страны жили независимо друг от друга под властью местных властителей-милитаристов, располагавших собственными армиями. В 1920-1930-е годы предпринимались попытки воссоздать единое китайское государство, но японская оккупация значительной части Китая не позволила Китаю возродиться.

К тому же страна пребывала в хаосе борьбы за власть, которая продолжалась почти 40 лет.

Лишь в конце 1940-х годов Коммунистической партии Китая (КПК) во главе с Мао Цзэдуном не без участия Советского Союза удалось воссоздать утраченную государственность. В день провозглашения Китайской Народной Республики, 1 октября 1949 года, Мао Цзэдун произнес: **«Отныне китайский народ поднялся с колен и расправил плечи».**

Первое десятилетие новое государство активно развивалось при широкой помощи Советского Союза. Фундаментом китайской индустриализации стали 156 новых предприятий черной металлургии, станкостроения, авто- и тракторостроения. При помощи советских специалистов создавались главные объекты транспортной инфраструктуры страны. Китайская армия и флот были оснащены самым мощным и современным советским оружием. При поддержке «Большого старшего брата» Пекин обзавелся основами для создания собственной атомной промышленности.

1960-1970-е годы в истории КНР стали периодом хаоса, внутренней смуты и агрессивности во внешней политике. Председатель Мао прекратил контакты с Советским Союзом и провозгласил политику «опоры на собственные силы». Неоправданные экономические эксперименты, «казарменный коммунизм», вооруженные конфликты на всех границах страны вновь повергли Китай в нищету. Китайский лидер решил получить деньги у стран Запада. В обмен на деньги и технологии он предложил им услуги Китая в борьбе с Советским Союзом. Крупная военная провокация у острова Даманский имела целью продемонстрировать готовность Китая бороться с Москвой. Сразу после конфликта эмиссары «мировой олигархии» потянулись с визитами в Пекин. С ними согласовывались вопросы выделения финансовой помощи Китаю. В страну пошли инвестиции и технологии, положившие начало «мировой фабрике» XXI века.

Смерть Мао Цзэдуна привела к войне за власть в руководстве Коммунистической партии Китая. Сложный период истории завершился в 1979 году приходом к власти Дэн Сяопина, который сумел показать необходимость кардинальных реформ в стране и провозгласил курс «четырех модернизаций». Поток денег с Запада

способствовал успеху. Целью всеобъемлющей модернизации стало превращение отсталой страны в современное открытое государство. В самом начале движения по пути реформ новый лидер подчеркивал, что предстоит не только преобразовать плановую экономику в рыночную, но и модернизировать промышленность, сельское хозяйство, науку и оборону. КПК конкретизировала: «К середине XXI века в основном завершить модернизацию и превратить Китай в богатую, могучую, демократическую, цивилизованную социалистическую страну».

Дэн Сяопин наметил три стратегических рубежа реализации реформ. Первый — за 1980-е годы удвоить ВВП страны, поднять его с 250 до 500 долларов на душу населения. На втором этапе в 1990-е годы требовалось вновь удвоить ВВП и достичь показателя 1000 долларов на душу населения. На третьем этапе в XXI веке, к столетию КНР, увеличить ВВП еще в четыре раза — до 4 тысяч долларов при полутора миллиардном населении.

Дэн Сяопин выдвинул знаменитый лозунг: *«Неважно, какого цвета кошка — черного или белого, лишь бы она ловила мышей»*. Тем самым закрывался вопрос, означает ли создание рыночной экономики поворот от социализма к капитализму. Важен конкретный результат реформ. По мнению «мудрого старца Дэна», они имеют смысл лишь в том случае, если ведут к росту производства, повышают жизненный уровень народа и умножают совокупную мощь государства. В марте 1992 года на пленарном заседании Политбюро ЦК КПК Дэн Сяопин сказал: «Не стоит сковывать себя идеологическими и практическими абстрактными спорами о том, какое имя все это носит — социализм или капитализм». То есть, по мысли Дэн Сяопина, не стоит спорить о понятиях, необходимо отодвинуть идеологию на второй план и исходить из соображения блага собственной страны. Социалистические или капиталистические методы хозяйствования сами по себе ни хороши, ни плохи — все дело в конкретной практике их применения. Китайские иероглифы *«сяо кань»* означают «малое благополучие», или «малое процветание». Впервые это понятие было употреблено в литературном памятнике «Шицзин» («Книге песен»), объединяющем порядка трехсот народных текстов, созданных в XI- VI веках до н. э. и впоследствии отредактированных Конфуцием. Это древнее понятие обрело новую жизнь при Дэн Сяопине. Выражение

«сяо канн», вернувшееся в массовый обиход, стало обозначать государственный курс на формирование в Китае «среднего класса»^[13].

Идет Китай — земля трясется

Великая Китайская стена — значительней марсианских каналов. Она — воплощение китайского глобализма, чудо имперской геополитики, венец организационных усилий, на которые способен народ, мыслящий категориями континентов.

Александр Проханов

Разговор о китайской экономике хотелось бы начать с примечательного исторического факта: первые в истории человечества бумажные деньги появились именно в Поднебесной. Это хороший контраргумент в споре о том, насколько «отстали» китайцы от европейцев в освоении рыночных механизмов.

В 2009 году ВВП КНР достиг 4,9 триллиона долларов — 3546 долларов на человека. Реально достигнутый результат относится к году 60-летия Китайской Народной Республики. У народов Дальнего Востока 60-летие принято считать самым знаменательным юбилеем. Полностью пройдя календарный цикл из двенадцати зодиакальных животных и пяти стихий, человек как бы начинает следующую жизнь. Шестьдесят лет можно считать столь же рубежным событием в истории государства.

В период до начала реформ Дэн Сяопина каждый четвертый китаец жил впроголодь, ходил если не в лохмотьях, то в заплатах.

Ниже черты абсолютной бедности, которую в Китае определяют как доход менее 5 долларов в месяц, пребывало 250 миллионов из миллиарда жителей страны. По состоянию на 2009 год количество их уменьшилось до 24 миллионов. Иными словами, нищими можно назвать уже не четверть населения, а менее 2% жителей КНР. Даже ООН, не привыкшая расточать похвалы в адрес Пекина, назвала достигнутый рубеж беспрецедентной победой над нищетой в современной истории.

В марте 2010 года в Вене опубликовали статистический доклад Организации ООН по промышленному развитию (ЮНИДО), где сообщалось, что в 2009 году Китай превзошел Японию по валовому

объему промышленного производства и вышел на второе место в мире по этому показателю. Согласно оценкам авторитетной международной организации, доля Китая в мировом промышленном производстве возросла по итогам 2009 года до 15,6%, а доля Японии составила 15,4%. Первое место по этому показателю по-прежнему удерживают США — 19%. Вместе эти три страны обеспечивают ровно половину мирового промышленного производства.

Вместе с тем хотя Китай и обошел Японию по валу производимой продукции, в пересчете валовой стоимости данной продукции на душу населения пропасть между этими государствами остается огромной. Доход от промышленного производства на каждого японца достиг 9 тысяч долларов. С этой точки зрения Япония остается пока недостижимой для других государств. Доход от промышленного производства на душу населения в Китае составляет лишь 700 долларов.

В Китае год от года увеличивается валовой сбор зерна, в 2009-м он составил 530,8 миллиона тонн. С 1995 по 2008 год протяженность автомобильных дорог в Поднебесной выросла на 880 тысяч километров, железных дорог — на 29 тысяч километров. За минувшие пять лет введено в строй более 3 миллиардов квадратных метров жилья (цифра в 13 раз превышает российский показатель). Рынок продаж автомобилей в Китае в годы кризиса не уменьшился, как в других странах, а вышел на первое место в мире.

В свободных экономических зонах Китая построено огромное количество заводов. Там развернули свои мощности две трети крупнейших производственных корпораций мира, на долю которых приходится более четверти его промышленного производства. Цифры, характеризующие достижения китайской экономики, можно перечислять долго. Но и без них ясно, что сегодняшний Китай продемонстрировал огромный рост. Это признано во всем мире.

Китай располагает крупнейшей армией. Немногие страны на планете до сих пор могут позволить себе запуск пилотируемых космических кораблей, китайцы же вошли в число избранных. Экономическая мощь государства, подкреплённая мощью военной, вывела КНР в мировые лидеры. Остальные страны взирают на Поднебесную с уважением и опаской. Часто ей приписывают коварные

планы по завоеванию соседних территорий и достижению мирового господства.

К 2012 году, году Черного Дракона, у Китая есть цель — за счет активного и ускоренного расширения связей во внешнем мире обеспечить подавляющее преимущество в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако китайцы, которые уже скупили пол-Африки и выдавили США из многих стран Латинской Америки, все время повторяют: «Не надо считать нас мировым лидером — это провокационное американское утверждение, направленное против Китая. Мы пока не можем стоять в одном ряду с развитыми экономиками мира — у нас слишком много бедных, мы еще развивающаяся страна. Мы, может быть, там будем, но это дело очень отдаленного будущего». Китайский дипломат, посол КНР на Украине Чжоу Ли в одном интервью сказал: «Китай никогда не считал и не считает себя сверхдержавой. Китай никогда не будет сверхдержавой. Китай развивающаяся страна. Но при этом очень большая и с очень сильной экономикой»^[14]. **Примечательно, что если российскому и американскому менталитету свойственно подчеркивать свою имперскость, то китайцы, наоборот, избегают подобных амбиций.** Впрочем, это можно считать «восточной хитростью».

Выступая на сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) в марте 2010 года, премьер Госсовета Вэнь Цзябао заявил, что Китаю потребуется еще 100 лет, чтобы завершить модернизацию. За 30 лет экономических реформ страна получила право претендовать на роль второй экономики мира, однако из-за низкого показателя ВВП на душу населения она по уровню экономического развития оказалась в конце первой сотни государств, рядом с Албанией и Иорданией. Этот разрыв предстоит преодолеть.

Депутаты сессии ВСНП, зная о величине разрыва между богатыми и бедными, спровоцировавшей быстрое развитие страны, одобрили выделение значительной части бюджетных средств на социальные нужды. Пекин решил увеличить расходы на здравоохранение, образование, строительство жилья, сельское хозяйство, создание новых рабочих мест и социальную политику, чтобы сгладить существующее неравенство и способствовать формированию среднего класса, чья потребительская способность позволит экономике избавиться от экспортной зависимости.

Еще недавно, в 2007 году, на съезде Компартии Китая ставились задачи: к 100-летию партии (которое будет отмечаться в 2021 году) в полном объеме воплотить в жизнь внутри страны исторический символ благополучия народа, а к 100-летию КНР (2049 год) завершить модернизацию страны, воплотить исторический символ величия нации и продемонстрировать миру преимущества китайского социализма над буржуазным либерализмом. В 2010 году план подкорректировали: модернизация закончится не через 30, а через 100 лет.

Для государства, живущего 5 тысяч лет, столетие — не срок. Китайцам не впервые предлагается «сто лет упорного труда ради десяти тысяч лет счастья». В Поднебесной к таким отдаленным перспективам относятся спокойно, ведь китайское государство всегда было и будет всегда.

Тем, кто решит помешать его развитию, не поздоровится, ведь великий кормчий Мао Цзэдун любил говорить: «Жук на дороге — не преграда для повозки!»

«Где нет свободы — там Китай»

Плывем по Янцзы, и я понимаю: это Волга твоя.

Константин Симонов

«Где нет свободы — там Китай». Эти слова принадлежат российскому революционному демократу XIX столетия Николаю Шелгунову, который точно сформулировал представление о Китае, распространенное среди «передовых людей» России, либеральных мыслителей и разночинной интеллигенции. Для российских западников Китай стал явлением не географическим, а мировоззренческим. *Он превратился в символ.* Россия, объявленная «тюрьмой народов», страна царей-деспотов, алчных чиновников, полицейского произвола и цензуры, тоже стала «немного» Китаем. Европа воплощала свободу, а Китай — рабство и дикость «азиатчины».

До наступления эпохи Просвещения отношение европейцев к Китаю оставалось в целом позитивным и заинтересованным. Европейские страны даже пережили моду на все китайское, в искусстве был популярен стиль «chinoiserie». Затронула эта экзотическая мода и Россию, куда после Нерчинского договора 1689 года купцы начали привозить из Китая редкие и дорогие вещи — фарфор, живопись, шелка, ковры, веера... Во многих богатых домах создавались целые китайские коллекции. Мода на все китайское ярче всего запечатлелась в российской архитектуре: в начале XVIII века во дворце Монплеизир по приказу Петра Великого был сооружен Китайский кабинет, в 1762-1768 годах по проекту итальянского архитектора Антонио Ринальди в Ораниенбауме строится Китайский дворец, окруженный беседками и домиками в «восточном стиле», в 1779 году в Царском Селе был открыт летний Китайский театр, на сцене которого ставили комическую оперу итальянца Дж. Б. Лоренци «Идол китайский».

Но вскоре Китай перестал казаться страной привлекательной и таинственной экзотики. Представление о нем становится все более политизированным и идеологически окрашенным. И в Европе, и в России многие стали задумываться о том, что Китай — это не только

страна происхождения дорогих безделушек, но и родина чуждых европейцам политических идей. Как известно, мыслители французского Просвещения, заложившие основы современного представления о правовом государстве и свободе личности, предложили европейский путь исторического развития как наиболее предпочтительный для всех цивилизаций мира. И представление о прогрессе они признавали исключительно европейского образца — вне каких бы то ни было религиозных и национальных различий. Прогресс — это распространение европейского опыта на весь мир... Подобная идеологическая матрица, созданная в эпоху Просвещения, по сей день определяет мировоззрение европейских и американских политиков, которые искренне полагают, что вне европейского пути нет других моделей цивилизованного развития общества. «Цветущая сложность» мировых цивилизаций, пестрая палитра языков и религий в соответствии с этой концепцией должны быть сведены к общему знаменателю, унифицироваться, принять европейский «покрой». И с этих европоцентричных позиций деятели Просвещения смотрели на китайскую цивилизацию. Поэтому вполне естественно, что Китай предстал в их глазах в самом невыгодном свете. Например, Шарль Монтескье заявлял, что Китай — «государство деспотическое, принцип которого — страх». Философы Просвещения создали образ Китая как страны, не имеющей представления о личной свободе и частной собственности, основанной на угнетении, рабском подчинении, постоянном унижении человеческого достоинства. Российская императрица Екатерина Великая испытала огромное влияние идей французского Просвещения и именно в духе идеологии просветителей провозгласила на страницах «Наказа комиссии о сочинении проекта нового уложения»: «Россия есть европейская держава». Тезис о принадлежности России к Европе имел значение идейного самоутверждения: Екатерине было важно доказать всей Европе, что российское общество отличается от азиатских нравов и традиций. Китай же стал для российской государыни воплощением варварства, отсталости и невежества. В письме философу Вольтеру Екатерина сообщает, что «благодаря моим делам с этим правительством (*китайским.* — *Авт.*) я могла бы сообщить сведения, которые уничтожили бы мнение, составившееся об их умении жить, и заставили бы их считать за невежественных олухов». Императрица,

как видим, не стеснялась в выражениях, когда речь заходила о китайцах. Гаврила Державин запомнил примечательную фразу Екатерины: «Я не умру до тех пор, пока не выгоню турков из Европы, не усмирю гордость Китая и с Индией не осную торговлю». Национальная гордость китайцев казалась европейцам ничем не обоснованной и вздорной, а кроме того — проявлением их варварства и странного нежелания вкушать плоды просвещения.

Однако что же представляет собой эта «гордость Китая», которая столь возмутила российскую императрицу? В качестве ответа на этот вопрос процитируем известного российского востоковеда Владимира Мясникова, который пишет: «В основе политической культуры Китая лежали конфуцианские принципы политической иерархии и китаецентрические представления об окружающем мире. Китайская политическая культура практически исключала равенство в отношениях Китая с любой страной мира. Китай стремился выстроить все свои международные связи по вертикали — от высокого к низшему... Практически это сводилось к стремлению придать всем государствам, вступавшим в контакты с Китаем, статус вассалов империи»^[15]. Китай не считал нужным как-то аргументировать этот тезис, он был возведен в абсолют и воспринимался как данность. Китайский император объявлял себя «сыном Неба» и выступал в роли сюзерена по отношению к главам любых других государств. Взгляд «сверху вниз» был характерен и для отношения Китая к Российскому государству. С первых шагов развития российско-китайских отношений Поднебесная настаивала на вассальном статусе русского государя, которого китайцы именовали «чахан-ханом», то есть «белым ханом». Например, в указе императора Шуньчжи от 25 июня 1655 года, врученном главе прибывшего в Пекин первого русского торгового каравана П. Ярыжкину, содержалось такое снисходительное обращение к царю Алексею Михайловичу: «Ваша страна находится далеко на северо-западе; от Вас никто никогда не приходил в Китай. Теперь Вы обратились к нашей цивилизации и прислали посла, представившего в качестве дани произведения Вашей страны. Мы весьма одобряем это. Мы специально награждаем Вас милостивыми подарками и поручаем незамедлительно отпустить с ними Вашего посла. Они выражают наше возвышенное желание всегда милостиво принимать чужестранцев. С благодарностью получив дары, навечно

будьте преданы и послушны, чтобы ответить на милость и любовь, выраженную Вам». Характерно, что традиционный дипломатический обмен дарами воспринимался китайской стороной как проявление даннических отношений с новым вассалом — Российским государством.

Тем не менее российское общество не только не спешило признавать духовное превосходство Китая, но даже относилось к нему как к «отсталому» и «застойному». Во многом такое настороженно-пренебрежительное отношение к Китаю определялось в послепетровской России усилением воздействия на россиян западной культуры и европейской политической традиции. Именно российские западники в XIX веке стали самыми яростными и последовательными критиками Китая. Философ Петр Чаадаев писал о «тупой неподвижности Китая», а позднее Виссарион Белинский причислил Китай к странам, которые «коснеют в нравственной неподвижности, непробудным сном спят на лоне матери-природы». Белинский также полагал, что «неподвижность — натура азията». В отличие от западников мыслители-славянофилы пытались глубже понять сущность китайской истории и культуры, стремились объяснить причину непонимания китайской специфики российским обществом. Так, поэт и философ славянофильского направления Алексей Хомяков отмечал: «Для нас китаец несколько смешон. Когда об нем думаем, представляется острая шапочка с кисточками, широкие рукава сумасшедшего, странная кофточка, узенькие глаза, выступающие вперед скулы... Но другое чувство рождается в душе того, кто окинет взглядом всю империю». Действительно, как могли *«невежественные олухи»* основать величайшую цивилизацию, которая на целые столетия пережила многие некогда процветавшие государства?..

Во времена царствования Николая I, чье правление называют «апогеем самодержавия», образ Китая в официальной идеологии уже не имел тех негативных характеристик, как в екатерининскую эпоху. Автор знаменитой монархической триады «Православие, самодержавие, народность» министр народного просвещения граф С. С. Уваров даже выступал с инициативой учреждения в России Азиатской академии, которая стала бы научным центром по изучению Востока. «Россия... опирается на Азию», — считал граф Уваров. Один из идеологов уваровской «теории официальной народности» историк

Михаил Погодин писал, что «мы должны обратить все свое внимание на Азию, которую упустили почти совсем из виду, хотя собственно она предназначена нам по преимуществу». Страстным желанием побывать в Китае горел Александр Сергеевич Пушкин, который даже обратился к Николаю I с просьбой разрешить ему отправиться в Поднебесную в составе официальной миссии барона П. Л. Шиллинга. Интересом к Китаю поэта «заразил» отец Иакинф (в миру — Никита Яковлевич Бичурин), долгие годы возглавлявший Российскую духовную миссию в Пекине. Его труды и переводы с китайского Пушкин публиковал в «Литературной газете». Стремление поэта побывать в Поднебесной запечатлела в воспоминаниях Александра Смирнова-Россет: «Я спросила его: неужели для его счастья необходимо видеть фарфоровую башню и Великую стену? Что за идея смотреть китайских божков? Он уверил меня, что мечтает об этом с тех пор, как прочел „Китайскую сироту“, в которой нет ничего китайского; ему хотелось бы написать китайскую **драму**, чтобы досадить тени Вольтера». Однако мечте Пушкина, к сожалению, не суждено было сбыться. «Милостивый государь, — ответил поэту граф Бенкендорф, — желание ваше сопровождать наше посольство в Китай также не может быть осуществлено, потому что все входящие в него лица уже назначены и не могут быть заменены другими без уведомления о том Пекинского двора».

Весьма сочувственно относился к Китайской цивилизации Лев Николаевич Толстой, который видел в Поднебесной воплощение близкого к природной естественности образа жизни, исконного земледельческого менталитета, духовной созерцательной гармонии, которую он сам проповедовал своей концепцией «непротивления злу». Толстой, искренне увлеченный философскими взглядами Лао Цзы и Конфуция, даже говорил о своем желании выучить китайский язык, чтобы лучше узнать культуру этой страны. Толстой понимал, что Китай с его богатейшей духовной традицией способен предложить всему современному миру разумную альтернативу той слепой вере в технический прогресс, которая уже охватила Европу и шаг за шагом подбиралась к России. В 1862 году в статье «Прогресс и определение образования» Толстой писал: «Нам известен Китай, имеющий 200 миллионов жителей, отвергающий всю нашу теорию прогресса, и мы ни на минуту не сомневаемся, что прогресс есть общий закон всего

человечества и что мы, верующие в прогресс, правы, а не верующие в него виноваты, и с пушками и ружьями идем внушить китайцам идею прогресса». Младший современник Толстого поэт и философ Владимир Соловьев противопоставлял Китай всей мировой цивилизации и, в отличие от Льва Николаевича, считал, что китайская культура «оказалась духовно бесплодной и для прочего человечества бесполезной. Она хороша для самих китайцев, но не дала миру ни одной великой идеи». Соловьев пророчил грядущее столкновение двух культурных миров, в котором Китай при его высокой социальной организации и национальной монолитности может легко одержать верх над христианской цивилизацией. В 1894 году Соловьев написал философское стихотворение «Панмонголизм», в котором предрекал гибель России под натиском несметных полчищ с Востока:

От вод малайских до Алтая
Вожди с восточных островов
У стен поникшего Китая
Собрали тьмы своих полков.
Как саранча, неисчислимы
И ненасытны, как она,
Нездешней силою хранимы,
Идут на север племена.
О Русь! забудь былую славу:
Орел двухглавый сокрушен,
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен.
Смирится в трепете и страхе,
Кто мог завет любви забыть...
И Третий Рим лежит во прахе,
А уж четвертому не быть.

За четыре года до Русско-японской войны в своей «Краткой повести об Антихристе» Владимир Соловьев описал, как японцы, узнав о существовании на Западе таких идей, как пангерманизм, панславизм и т. п., провозгласили идею панмонголизма. Перед лицом враждебной Европы Япония объединяется с Китаем с целью изгнания

«белых дьяволов» из Азии, они вторгаются в Среднюю Азию, наводнив несметными своими полчищами Восточную и Центральную Россию. В результате в скором времени «все европейские государства признают свою вассальную зависимость от богдыхана», наступает эпоха, которая «знаменуется повсюдным смешением и глубоким взаимопроникновением европейских и восточных идей, повторением *en grand* древнего александрийского синкретизма».

С такой апокалипсической картиной, нарисованной Владимиром Соловьевым, принципиально не согласился великий русский ученый Дмитрий Иванович Менделеев, который отмечал такую черту национального китайского характера, как миролюбие. Ученый находил немало общего в менталитетах русского и китайца: «Русские по природе уживчивы, миролюбивы, как сами китайцы...» Менделеев ставил духовную культуру Китая выше европейской и отмечал, что «у русских есть то преимущество, что они раньше китайцев прорубили окно в Европу, а у китайцев то, что они раньше и тверже всех народов стали следовать за мудрецами, проповедовавшими великое влияние добрых нравов». Менделеев был сторонником политического союза Китая и России, доказывал, что этот союз был бы не агрессивным, а «мирным и охранительным».

Россия в «зеркале» Китая очень часто видела или же хотела видеть собственные черты, как позитивные, так и отталкивающие. Китай был «дурным примером»; он же воплощал «упущенные возможности» Российского государства. Когда маятник государственной идеологии смещался в сторону консервативных ценностей, пример Китая начинал казаться во многом поучительным для России, тогда как во времена либеральной «оттепели» создавался образ «застойного» и «отсталого» Китая, с которым России «не по пути».

Очередное движение политического «маятника» произошло уже на наших глазах — от прохладного отношения первых либералов-реформаторов до стратегического партнерства с Китаем, которое четко сформировалось при Владимире Путине. В полном соответствии с идеологией российского западничества правительство Е.Т. Гайдара признавало китайское направление внешней политики неперспективным. Востоковед Александр Лукин в фундаментальном труде «Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII-

XXI вв.» отмечает: «Познания членов нового российского правительства о Китае были крайне слабыми, многие явно недооценивали уровень развития этой страны. Так, например, председатель Комитета по внешнеэкономическим связям П.О. Авен во время визита в Китай в 1992 году предлагал поставлять в Китай российскую бытовую электронику, которую из-за плохого качества не покупали даже в России»^[16]. Либералы во власти пытались выстраивать свои «дружественные» отношения с Западом, но на практике эта «дружба» оборачивалась предательством национальных интересов России. А к чему ведет «игра в поддавки» с Западом, Россия и весь мир в полной мере осознали во время Косовского кризиса 1999 года.

«На китайско-афинской границе все спокойно»

*Есть слух — война с Китаем:
наш Батюшка велел взять дань с китайцев
чаем.*

*Иван Андреевич Крылов. Басня «Три
мужика». 1830 год*

В начале 1970-х годов в Советском Союзе стали модными политические анекдоты в духе «черного юмора».

«Из европейской внешнеполитической сводки: на китайско-афинской границе все спокойно».

«Армянское радио на вопрос, сколько рублей будет стоить бутылка водки в 80-м году, отвечает: 20 юаней».

«Да, недооценили мы с тобой китайцев, Ричард», — сказал Никсону Брежнев, толкая тачку в лагерной каменоломне».

Вволю посмеявшись над проявлением «жизнерадостного» устного творчества, советские люди задумывались и гадали: а вдруг и точно воевать с китайцами придется? Но тут же отгоняли тревожные мысли, вспоминая следующий анекдот на ту же тему. «На заседании военного совета Китая обсуждается план войны против СССР: «"На правом фланге двинутся 100 миллионов человек. На левом — еще 100 миллионов человек. А в центре пойдут наши танки". Один из присутствовавших уточняет: „Сразу оба пустим или по одному? А вот поддержки авиации не будет: летчик заболел"».

Юмор делал свое дело, и тревога отступала. Ведь мы твердо знали, что Красная Армия всех сильнее! И именно наши танковые колонны полевропы на гусеницы намотали, а потом через Гоби и Хинган в считанные дни прорвались почти к самому Пекину. Успокаивали телевизор и пресса устами генерального секретаря ЦК КПСС: все, что создано советским народом, будет надежно защищено нашими героическими вооруженными силами. Не началась пока афганская эпопея, не приходили еще похорошки в столицы и маленькие

городки на Волге и в Сибири. Но мысли о необходимости защищать дальневосточные и забайкальские рубежи Советского Союза от китайских агрессоров стали уже тогда темой для негромких разговоров на кухонных застольях.

У таких мыслей имелось реальное обоснование. Из добрых соседей, «братьев навек» и усердных учеников в 1950-х годах жители Поднебесной менее чем за десять лет превратились для нашей страны в злых и жестоких противников. В конце 1960-х в портах КНР происходили захваты советских торговых судов с избиениями и шельмованием мирных моряков. Официальные сообщения и устная молва доносили вести о столкновениях на протяженных речных и сухопутных границах, в которых пограничники без применения оружия отбивались от толп разъяренных китайцев. По всему было видно, что до использования оружия оставалось недолго. В начале 1969 года засвистели пули и загрохотали взрывы, пролилась кровь: в марте бои разразились в районе острова Даманский на льду реки Уссури, а летом подразделения чужой народно-освободительной армии пытались прорваться на советскую территорию у озера Жаланашколь в Казахстане. После разгрома агрессоров военные столкновения закончились, начались многолетние советско-китайские переговоры по пограничному урегулированию. Но мелкие провокации, в том числе и с применением оружия, продолжались до второй половины 1970-х годов, то есть фактически до времени кончины председателя КНР Мао Цзэдуна и ухода с политического Олимпа его ближайшего окружения — «банды четырех».

* * *

ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦА

В начале 1970-х годов, когда началась моя флотская служба на Дальнем Востоке, обстановка на Амуре оставалась довольно напряженной. Свежи еще были могилы советских воинов, погибших в боях у острова Даманский. С огромным интересом воспринимались рассказы офицеров и мичманов, лично переживших самые критические моменты обострения советско-китайских отношений. Наши боевые

катера тогда стояли на якорях по фарватеру реки, который являлся линией госграницы. Китайская сторона это оспаривала и часто провоцировала конфликты с участием населения своих прибрежных сел. Целые эскадры рыбацких лодок пытались прорваться через линию фарватера. В каждой лодке сидело по несколько человек с транспарантами, громкоговорителями и цитатниками Мао Цзэдуна. Они подходили вплотную к катерам и начинали выкрикивать антисоветские лозунги, колотили веслами и палками по их бортам, оскорбляли матросов. Провоцировали нас на ответные действия. Но советским морякам применять оружие запрещалось.

Нести службу в такой обстановке было очень тяжело. Тогда командиры катеров нашли своеобразный выход. Матросы длинными баграми захватывали цепи, заклепанные на носах китайских лодок, и крепко закрепляли их на катере. Катер начинал циркуляцию вокруг своей оси, а окружавшие его лодки сбивались к его борту, насакивали одна на другую, бились, черпали воду. Теперь уж не выдерживали китайцы, они прыгали в воду и вплавь возвращались на свой берег. Постепенно желающих прорвать границу на фарватере становилось все меньше. Но еще несколько лет в наших моряков с того берега летели камни. А порой — и гранаты.

(Илья Дроканов. У высоких берегов Амура... // Военно-промышленный курьер. 2008.02-09 июля)

* * *

События, происходившие на дальних рубежах СССР, и стали основой для размышлений о вероятности военного конфликта между нашими странами. В начале 1970-х у нас в стране никто не страшился опасности войны на Западе со странами НАТО или с Соединенными Штатами Америки, несмотря на то что именно эти государства советская военная доктрина рассматривала в качестве вероятного противника. Кремлевские лидеры дружески пожимали руки американским президентам за столом переговоров. В те годы речь шла

о разрядке международной напряженности и мирном сосуществовании стран с разными политическими системами. Иностранное слово «detente» в нашей стране вошло в моду так же, как полтора десятилетия спустя русское слово «перестройка» стало понятным во всем мире. Практические шаги на дипломатической арене подкрепляли сложившееся мирное спокойствие на Западе. При всем при этом с Востока веяло ледяным военным ветром, а руководители братских прежде компартий обменивались грозными предупреждениями. Китаефобия среди жителей одной шестой части суши пускала глубокие корни.

Последнее мирное десятилетие в истории Советского государства закончилось вводом дивизий «непобедимой и легендарной» в соседний Афганистан. В ответ наши «партнеры» за рубежом самым быстрым образом ликвидировали все проявления мирного диалога с СССР, а вместо него активизировали политику «обуздания советского агрессора», которая в конечном итоге переросла в единый курс западных стран на бескровное уничтожение «Империи Зла». Именно в Афганистане произошло открытое смыкание на антисоветских позициях лидеров США и их союзников с коммунистами-руководителями КНР. Английские и американские военные инструкторы рука об руку с кадровыми офицерами НОАК учили бойцов-«моджахедов» грамотно уничтожать «шурави», расположившихся военным лагерем среди гор Гиндукуша. В арсеналах полевых командиров, воевавших против советских подразделений и регулярной афганской армии, важное место занимали американские «стингеры», итальянские противопехотные мины, ДШК и автоматы Калашникова с иероглифическим клеймом «Чжунго чжицзао» («Сделано в Китае»).

Несмотря на это, летом 1986 года, выступая во Владивостоке, последний генсек ЦК КПСС Михаил Горбачев провозгласил новую политику в отношениях с Китаем. По обе стороны границы словно только этого и ждали: произошло бурное улучшение, казалось бы, вконец испорченных отношений между двумя соседними странами, необходимое обоим народам. «Народная дипломатия» стала предвестником обмена дипломатическими визитами на высшем уровне. А потом из СССР в Китай и в обратном направлении потекли потоки официальных делегаций, групп ученых, студентов,

руководителей производств, — праздных туристов и обычных граждан, имевших собственные интересы в сопредельных государствах. В конце 1980-х китаефобия стала забываться, как дурной сон. Советское население и жители Среднего государства, не помяная былых обид, старались извлечь пользу из взаимного соседства всеми доступными способами.

После того как Союз нерушимый республик свободных «приказал долго жить», положение не изменилось, а деловые отношения русских и китайцев еще более укрепились. К наладившимся потокам движения граждан через открытые границы прибавилось многочисленное кочующее племя «челноков», вывозивших на российские рынки дешевый китайский ширпотреб. Из-за Амура на просторы Дальнего Востока, в Сибирь и в центральные районы России потянулись тысячи китайцев, искавших любую работу в наших городах и на сельских нивах. На просторной территории от Владивостока до Калининграда зашумели никем официально не контролируемые китайские рынки. Перекрыть миграционный поток, ликвидировать рынки и кустарные цеха по производству контрафактного товара вполне было по силам местным властям, но никто этим не занимался, потому что имелся иной интерес. На китайской рабочей силе в нашей стране делались большие деньги. По некоторым сведениям, за каждого въехавшего китайца в середине 1990-х годов властное лицо, оказавшее содействие въезду, получало тысячу рублей наличными. Сто китайцев приехало — сто тысяч рублей «наликом» легли в ящик чиновничьего стола. Бизнес был очень прибыльным! Следует напомнить, что о китайской угрозе тогда никто не вспоминал.

О ней вдруг заговорили лет 6-7 назад, когда начали разрабатываться крупные российско-китайские проекты. На экранах телевизоров, газетных страницах и интернет-сайтах вдруг возродились страхи 30-летней давности. Авторитетные политологи, военные специалисты и всезнающие профессиональные китаеведы в своих исследованиях вновь остро поставили вопрос о реальной угрозе современной России, исходящей со стороны динамично развивающегося восточного соседа.

Так, с точки зрения заведующего отделом Института политического и военного анализа Александра Храмчихина, предстоящая экспансия Китая неминуема и представляет собой

главную политическую угрозу современной России. Всемирный экономический кризис оказывает на Китай чрезвычайно неоднозначное влияние, которое само по себе определяется внутренними противоречиями в развитии этой страны. Однако противоположные тенденции дают, как это ни парадоксально, один итог — рост экспансионистских устремлений. Быстрое экономическое развитие КНР, которое характеризуется в первую очередь ростом промышленного производства, позволяет значительно укрепить позиции Китая в мире и не допустить увеличения безработицы. Этот рост требует все больше ресурсов, которых у самого Китая недостаточно, и ведет к катастрофическому ухудшению экологической обстановки. Разрыв в уровне жизни между городом и деревней и между восточными и западными регионами очень велик и угрожает социальной стабильности, а возможно, и территориальной целостности КНР. Политика «одна семья — один ребенок» должна быть продолжена и даже ужесточена, поскольку население Китая уже сейчас в 1,5-2 раза больше, чем максимально допустимо с точки зрения нагрузки на природу и инфраструктуру. Однако вместе с тем от этой политики необходимо немедленно отказываться, ибо она порождает опаснейшие половые и возрастные диспропорции. И размотать этот клубок противоречий, по всей видимости, можно только путем **внешней экспансии**, поскольку в своих нынешних границах Китай нежизнеспособен.

Ожидается, что в 2010 году рост ВВП Поднебесной может составить 6-7%. Западные страны могут об этом только мечтать. Китай теперь имеет шанс выйти на второе место в мире не только по паритету покупательной способности, но и по абсолютному объему ВВП. То есть в результате кризиса влияние Пекина в мире может возрасти. Одновременно с успехами на международном уровне внутри страны растут противоречия. Рост ВВП ниже 8% может привести к резкому ухудшению социальной ситуации в стране из-за увеличения уровня безработицы (которая и так уже составляет 200 миллионов человек). В этом случае экономика не только не поглощает новую рабочую силу, поступающую на рынок труда (молодежь), но и высвобождает тех, кто уже имел работу. Число безработных в стране выросло с прошлой осени на 20 миллионов человек. Руководство Китая стремится всячески смягчить социальные последствия кризиса.

Оно снижает налоги для предприятий, стимулирует внутренний спрос, вкладывает огромные средства в развитие инфраструктуры. Для 61 миллиона малоимущих граждан гарантирован прожиточный минимум, который составляет всего 133 юаня (около 20 долларов) в месяц. Можно ли с помощью таких сумм стимулировать внутренний спрос — вопрос риторический.

Руководство страны понимает, что справиться с ситуацией, не объединив народ в морально-психологическом плане, практически невозможно. И создает в стране новую идеологию, которая постепенно вытесняет коммунистическую, противоречащую реальности. Вырабатывается националистическая идеология, которая оправдывает необходимость расширения нынешнего Китая. Пекинское руководство ради выхода из серьезного внутреннего кризиса может прибегнуть к **форсированной внешней экспансии**, экспансии, которая обеспечит захват территорий и ресурсов, а заодно и отвлечет население от внутренних проблем. Для подготовки общественного мнения в стране выходят книги, авторы которых заявляют, что Китай способен распоряжаться мировыми ресурсами более эффективно, чем любая страна на планете, поэтому он и должен руководить миром. НОАК должна идти в те регионы мира, где находятся «**коренные** интересы Китая», и защищать эти интересы. Про то, что целью агрессии станет, в частности, Россия, написано почти напрямую. Итог прогнозов аналитика Александра Храмчихина выглядит жутко. По его мнению, война с Китаем будет короткой и у России нет никаких шансов победить.

В одной из статей он приводит сценарий военной агрессии. Его стоит привести здесь в подробностях.

* * *

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА

Война начнется зимой, скорее всего в новогодние праздники, когда многонациональный народ Российской Федерации, включая его военно-политическое руководство, практически полностью утрачивает дееспособность. Кроме того, зимой замерзают Амур и Байкал, поэтому их

преодоление перестает быть серьезной проблемой. Наконец, зимой замерзает также и Севморпуть, что лишает Россию возможности снабжать территории к востоку от Енисея через север.

Для их снабжения остается лишь Транссиб, который будет перерезан в первые часы войны, а для надежности подорван китайскими диверсионными **группами** (из числа мигрантов) во многих местах и к западу от Енисея.

Предлогом для агрессии станет нарушение «надлежащих прав и интересов китайцев, проживающих за границей». Например, во время новогодних гуляний русский (якут, бурят, татарин) набьет китайцу лицо. Разве это не будет нарушением надлежащих прав и интересов?

Наиболее мощные танковые и механизированные соединения НОАК нанесут удар из района Хайлара на запад в направлении Чита — Улан-Удэ — Иркутск.

Пройдут ли китайцы через территорию Монголии прямо на Иркутск — сложно сказать. Понятно, что суверенитет Монголии они сохранять не будут (эту страну они целиком считают неотъемлемой частью Китая), а защищать его некому, но здесь возникнет проблема больших расстояний, очень плохой дорожной сети и неудобного рельефа местности. Впрочем, этот вопрос не принципиален.

После захвата Иркутска следующей целью НОАК станет выход на рубеж Енисея. Российских войск между Читой и Красноярском слишком мало, чтобы противостоять массивной агрессии, готовность нынешнего российского руководства применить ядерное оружие против ядерной державы вызывает огромное сомнение.

Вся территория России к северу и востоку от Читы после начала агрессии окажется в полной изоляции от остальной страны. На захват Амурской области, Приморского и Хабаровского краев командование НОАК бросит пехотные дивизии, состоящие из мобилизованных крестьян и городских безработных. Они достаточно быстро задавят массой любое сопротивление.

При этом высокие собственные потери для китайского руководства будут даже желательными.

Защитить Якутию, Сахалин и Камчатку у России не будет никакой возможности. Камчатка и Сахалин за счет географии могут продержаться некоторое время, но отнюдь не бесконечно, ведь снабжать их будет некому. К тому же мощь ВМС Китая растет даже быстрее, чем деградирует ТОФ, давно забывший, что такое новая боевая единица.

По этой причине география может и не стать спасением для Камчатки и Сахалина, не говоря уже о Якутии. Поэтому защиту им предложат США и Япония. В обмен на независимость от Москвы. Скорее всего, подобное предложение будет принято, ибо американо-японский протекторат все-таки лучше, чем китайская оккупация.

Продвинутся ли китайцы на запад дальше Енисея, будет зависеть от множества факторов. Но и захватив юг Дальнего Востока и Восточной Сибири, они получают огромную территорию, на которой можно селить людей (сняв с них ограничения на рождаемость), месторождения множества полезных ископаемых, в том числе нефти, а также главное и уникальное сокровище, ради которого можно не задумываясь положить пару миллионов солдат, — байкальскую воду.

Никакой возможности вернуть потерянную территорию; в обычной войне у России не будет.

Применение ядерного оружия крайне маловероятно. Если речь идет о тактическом ядерном оружии, то получится, что ею придется применять по собственной территории (и получить ответ тоже по ней). Если говорить о стратегических средствах, то на удар по китайским городам Китай ответит ударом по российским, причем по европейской части, которая ему в любом случае не нужна.

(Александр Храмчихин. Как Китай раздавит Россию // [http://gidepark.ru/\(06.12.09\)](http://gidepark.ru/(06.12.09)))

Такое пессимистическое окончание межгосударственных отношений русских и китайцев, насчитывающих не одну сотню лет, способствует реанимации успокоившейся было китаефобии в нашей стране. Помимо России, страх перед могучим соседом Китаем сегодня живет еще в одном постсоветском государстве — Казахстане. Как известно, после распада СССР Китай немедленно признал независимость Казахстана, а уже 3 января 1992 года Китай и Казахстан официально установили дипломатические отношения. Затем эти страны подписали двусторонние соглашения, которые в числе прочего устанавливали безвизовый режим для своих граждан. Началась активная миграция казахов и китайцев, причем большинство пересекало границу с целями «шоп-туризма». По данным казахских пограничных служб, в течение 1993-1995 годов в Казахстан ежедневно въезжало 150-200 китайцев, преимущественно мелких торговцев, причем от 30 до 50 из них не возвращались обратно — они либо оседали в Казахстане, либо следовали через его территорию дальше. По оценке Пограничной службы Комитета национальной безопасности Казахстана за 3 года в стране могло остаться 130-150 тысяч китайцев. Естественно, такое китайское нашествие привело к обострению межнациональных отношений, к страхам перед возможным «окитаиванием» Казахстана. Кроме того, пришельцы не всегда были людьми честными, поэтому с китайским присутствием оказался связан рост правонарушений. В конце концов правительствам Китая и Казахстана пришлось пересмотреть соглашения по безвизовому режиму и сохранить его лишь для дипломатов и лиц, следующих в служебные командировки^[17].

На рубеже XX-XXI веков казахский геополитик Ермек Нарымбай выступил с размышлениями о том, что Казахстану смертельно опасен альянс России и Китая. Сам Нарымбай позиционировал себя как сторонника союза с Соединенными Штатами и даже считал совершенно допустимым размещение на территории Казахстана американского военного контингента. Нарымбай писал, что «стратегия политики Казахстана должна основываться на сохранении коренного противостояния Русской и Китайской империй по спору за Сибирь, Дальний Восток и Центральную Азию и как можно успешнее мешать им сблизиться; создавать ситуации, углубляющие раскол, расширяющие масштаб геополитической войны между ними, тем

самым радикальным образом ослабляя их, а в конечном итоге приближая их распад с выпадением на свободу крупных групп бывших автономий, в то же время не подставляясь под сокрушительные удары какого-либо из этих гигантов и максимально гибко оставаясь в нейтрально-безопасной „тени“, в стороне, на демонстративной дистанции, внешне „не вмешиваясь“ в смертельную схватку обоих динозавров, один из которых должен погибнуть, а второй умереть позже от тяжелых ран и под новыми добивающими ударами мировых сверхдержав и „незаметно“ возмужавшего могучего, смертельно опасного и стремительного в броске, но мудро осторожно-аккуратного молодого центрально-азиатского барса...»^[18]. Но казахский геополитик упорно не хотел видеть главного: страшая соотечественников двумя «динозаврами», он пытался толкнуть страну в пасть третьего «динозавра» — самого страшного. Партнерство с Россией значительно укрепляет позиции Казахстана на всем евразийском пространстве, в то время как **Соединенным Штатам Америки Казахстан интересен прежде всего как плацдарм для проведения антироссийской и антикитайской политики в Евразии.** Имея военный контингент в Казахстане, Соединенные Штаты могут легко и оперативно наносить удары и по России и по Китаю. Но сам Казахстан будет просто безжалостно вытоптан сапогами американских солдат. «Мудрый барс» может быть быстро и незаметно сожран американским «динозавром», и некому, кроме России, будет его защитить. Казахскому народу должно хватить мудрости не позволить превращать судьбу своей страны в «разменную монету».

Недавно газета «Комсомольская правда» опубликовала серию статей, в которых речь прямо шла о том, что казахи, получив независимость от России, теперь боятся, что их проглотит Китай — еще один голодный «динозавр». Считается, что исторический страх казахов ведет отсчет от событий XVIII века, когда Цинская империя раздавила Джунгарское ханство, на месте которого теперь расположен Синьцзян-Уйгурский район КНР. Резня соседей-джунгар заставила казахов добровольно уйти под руку русского императора. Не забыли казахи и советско-китайский конфликт 1969 года у озера Жаланашколь. «Я был ребенком, но помню холодок тех событий, — рассказывает журналист Владимир Рерих. — Люди ходили с

землистыми лицами, женщины уже чувствовали себя вдовами. То, что нас оккупирует Китай, казалось очевидным». Один из жителей Алматы добавляет, что казахи ненавидят Китай генетически и, будь их воля, давно построили бы Великую Казахскую стену, чтобы отгородиться от восточного соседа. Однако силенок не хватает.

Разные у русских и казахов причины опасаться экспансии со стороны КНР, но истоки этой фобии более всего лежат в недавней общей советской истории, когда непродуманные действия хрущевского руководства привели нашу многонациональную страну на грань войны с миллиардным Китаем. Об истоках конфликта между двумя коммунистическими партиями и двумя крупнейшими странами мира пишет авторитетный востоковед, обозреватель «Российской газеты» Всеволод Владимирович Овчинников, работавший в Пекине специальным корреспондентом газеты «Правда» в 1953-1959 годах.

* * *

ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦА

Первая трещина в китайско-советских отношениях появилась после XX съезда КПСС. По мнению Мао Цзэдуна, Хрущев был не вправе выступать с резкой критикой Сталина, не посоветовавшись с международным коммунистическим движением.

После успешного завершения первой пятилетки, которая осуществлялась на основе советского опыта и при содействии наших специалистов, великий кормчий прибег к авантюристической тактике «большого скачка». (Тогдашний лозунг: «Три года горького труда — десять тысяч лет счастья».) Крестьян заставили не только коллективно трудиться, но и есть из общего котла.

Под лозунгом «Обгоним Англию!» стали варить сталь чуть ли не в каждом дворе. А я с китайскими коллегами неделю таскал на коромысле корзины с землей, помогая строить близ Пекина Шисаньлинское водохранилище. «Прыжок в коммунизм» закончился бедствием для страны и народа.

Причину провала стали искать в международной обстановке. В Пекине словно забыли, что именно Чжоу Эньлай и Джавахарлал Неру в свое время провозгласили пять принципов мирного сосуществования, сделали их политической платформой неприсоединившихся стран. Китайское руководство стало обвинять Хрущева в ревизионизме за его стремление снизить накал холодной войны, сделать мирное сосуществование стержнем внешней политики социалистических государств.

Самая драматическая коллизия возникла в связи с этим накануне десятилетия КНР. В сентябре 1959 года Хрущев должен был совершить эпохальную поездку по Соединенным Штатам. А к 1 октября прямо оттуда прилететь на празднование в Пекин. Меня включили в рабочую группу по составлению его речи на юбилейной сессии Всекитайского собрания народных представителей.

Незадолго до визита Никиты Сергеевича за океан на китайско-индийской границе вспыхнули вооруженные столкновения. Дабы оградить советского лидера от нежелательных расспросов, было опубликовано Заявление ТАСС. В нем выражалось сожаление по поводу конфликта и надежда, что стороны решат спор за столом переговоров. Такая позиция Москвы вызвала негодование в Пекине. Как, мол, можно ставить на одну доску братскую страну социализма и капиталистическое государство!

И вот, в самый разгар пресловутых «десяти дней, которые потрясли Америку», китайское руководство неожиданно перенесло начало юбилейных торжеств с 1 октября на 26 сентября. Это поставило Хрущева перед нелегким выбором: либо скомкать свой американский визит, либо поручить выступить на юбилее КНР кому-то другому. Он предпочел второе. Доклад, над которым мы трудились, зачитал Суслов. Хрущев же прилетел лишь 30 сентября. На другой день демонстранты все-таки увидели его на трибуне ворот Тяньаньмэнь.

После праздничных торжеств Мао пригласил советского гостя в свою резиденцию близ столицы. Там Хрущева ждал

конфуз. Хозяин встретил его в бассейне и предложил присоединиться. Но беда была в том, что Никита Сергеевич не умел плавать. В своих черных сатиновых трусах до колен он, как и на отдыхе в Пицунде, мог зайти в воду лишь до пояса и несколько раз присесть, дабы окунуться. Можно представить себе, как неуклюже выглядел гость на фоне хозяина, способного легко пересечь километровую ширь Янцзы. Хрущев был настолько взбешен, что в тот же вечер объявил нам: он отменяет подготовленную недельную поездку по Китаю и намерен немедленно возвращаться на родину.

Думаю, что причинами размолвки между Пекином и Москвой, которая привела к тридцатилетней конфронтации и даже к боям на острове Даманский, были не только идеологические разногласия, но и личная неприязнь двух лидеров. Это чувство у Хрущева усиливали воспоминания о своей беспомощной фигуре в длинных сатиновых трусах, когда он барахтался в бассейне рядом с великим кормчим.

(Всеволод Овчинников. 60 и 5000 лет // Российская газета. 2009. 29 сентября)

* * *

После той встречи прошло несколько лет. В 1964 году Мао Цзэдун озвучил стратегический территориальный счет к нашей стране: 1,5 миллиона квадратных километров Сибири и Дальнего Востока, якобы отторгнутых Россией у Китая в XIX веке. Китай лишил Советский Союз статуса своего «старшего брата» и начал стратегическую переориентацию на США. Однако новый фаворит требовал не слов, а дела. Пограничные инциденты на советско-китайской границе в 1969 году, предпринятые председателем Мао в интересах этого дела, убедили заокеанских лидеров начать долларовые инвестиции в экономику Поднебесной. С начала 1970-х годов они составляли 60-70 миллиардов долларов в год. СССР был поставлен в тяжелое положение обширной конфронтации на **международной** арене. Всего лишь часовое выступление Хрущева на XX съезде КПСС привело в

конечном итоге к фатальному исходу новейшей советской цивилизации.

Анализ периодов появления и затухания волн китаефобии в нашей стране свидетельствует о наличии у них внешнего контура управления. Первая волна 1960-1970-х годов являлась идейным наполнением активных действий американской дипломатии, не преминувшей воспользоваться политическим кризисом в отношениях СССР и КНР. В Вашингтоне ясно осознавали, что консолидированная советско-китайская мощь может стать доминирующей силой в мировой политике и не оставить шансов на лидерство странам Запада. В появившуюся трещину был вбит мощный клин, не позволивший двум крупнейшим социалистическим державам объединиться в политическом альянсе. Давно уже достоянием общественности стала информация о том, какую роль в усилиях окончательно «раздружить» Советский Союз и Китай сыграло ЦРУ.

Высокопоставленный офицер советской военной разведки Дмитрий Поляков, работавший на американцев, в конце 1960-х годов служил начальником китайского отдела в Главном разведывательном управлении (ГРУ) Генштаба ВС СССР. Он передал своему зарубежному оператору фотопленки документов стратегического значения, свидетельствовавших о глубоком расхождении позиций СССР и Китая. Благодаря этим документам аналитики ЦРУ сделали вывод о том, что советско-китайские разногласия имеют долговременный характер. Полученные данные были использованы главой внешнеполитического ведомства США Генри Киссинджером и помогли ему и президенту Никсону наладить официальные отношения с КНР в 1972 году.

Значимость «китайской карты» для США в политической игре против Советского Союза и ставку заокеанских политиков в этом вопросе на ЦРУ подтверждает еще один показательный факт. В сентябре 1974 года видный функционер-республиканец Джордж Буш-старший возглавил американскую миссию связи (дипломатическое представительство) в Китае. Он успешно готовил визиты в КНР и значимые встречи с Мао Цзэдуном госсекретаря Генри Киссинджера (в 1974 и 1975 годах) и президента Джеральда Форда (1975). Как впоследствии вспоминал Буш, «тогда Китай был относительно закрытой страной, на улицах все были одеты почти одинаково — в

костюмы серого цвета. Китайцы, казалось, не хотели общаться с иностранцами»^[19]. Но, по словам экс-президента США, уже тогда он предвидел, что Китай несет особую историческую миссию для США и всего мира. «Я предвидел подъем Китая и надеялся стать частью его будущего». В январе 1976 года дипломат Джордж Буш, занимавшийся наиболее успешной линией внешнеполитической стратегии США — китайской, — был назначен директором главного разведывательного органа Вашингтона ЦРУ.

Побывав спустя много лет в Китае на Олимпийских играх, Буш отмечал, что его приятно поразили происшедшие в Поднебесной перемены — в частности, общество стало более «открытым». «С моей точки зрения, Китай становится более демократичным, люди обладают большей свободой. Это несомненно. Однако американцы этого не знают», — последнее замечание Буша весьма показательно. Он подчеркивает, что ослепленные политическими стереотипами американцы не хотят видеть перемен в китайском обществе, продолжают считать его «закрытым», «тоталитарным», «несвободным». То, что прекрасно понял Джордж Буш-старший, так, к сожалению, и не дошло до понимания его сына.

Глубокое знание китайской специфики и кризисного состояния советско-китайских отношений периода холодной войны помогало руководству разведки США, используя оперативные возможности, доводить до определенных кругов, близких к Кремлю, дезинформационные сведения о планах Пекина по подготовке к агрессии против СССР. В этих обстоятельствах китаефобия в нашей стране получила благодатную почву.

Первая волна стала затухать в середине 1980-х годов, когда добытые политической и военной разведкой Советского Союза данные об истинном уровне китайской угрозы доказали, что он, мягко говоря, преувеличен. Это помогло правильно сориентировать нового советского лидера Горбачева на необходимость сменить воинственную антипекинскую политику прагматическим курсом контактов с соседней страной. Первыми шагами на этом пути стали меры по сокращению огромной военной группировки СССР на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Китайская сторона пошла навстречу, и страхи развеялись.

Вторая волна китаефобии стала подниматься одновременно с активизацией самостоятельного внешнеполитического курса России в начале 2000-х годов. В этот период начиналось формирование новых стратегических контактов с КНР: урегулирование пограничных споров, становление Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), развитие двусторонних связей между Москвой и Пекином, как военных, так и экономических (соглашения по поставкам нефти и газа). Причем новые формы конструктивных взаимоотношений соседних стран выстраивались на фоне противостояния с заокеанской державой, президентом которой был опять же Джордж Буш, теперь уже младший.

Реакцией на развитие российско-китайских связей стала растущая волна новых «страшилок» о планах Китая отхватить огромные куски нашей территории или наполнить их просторы миллионами мигрантов из-за Амура. Вновь подтвердилась народная мудрость: «Яблоко от яблони недалеко падает».

Чтобы оценить реальность навязываемых российскому обществу страхов, уместно вновь обратиться к мнению человека, изучающего «китайского соседа» на протяжении шести десятилетий, журналиста и аналитика Всеволода Овчинникова.

* * *

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА

Идея о «ползучей экспансии» китайцев в малонаселенной азиатской части России активно внедряется в общественное сознание россиян западными СМИ. Прежде всего не будем забывать, что сама судьба поселила наши народы рядом. «Поменять квартиру» на планете невозможно. И от нас самих зависит, сумеем ли мы извлечь пользу из этого соседства. Если же мы будем хмурить брови и смотреть на китайцев как на недругов, то в конце концов они могут стать таковыми. В наших интересах поступить иначе: воспользоваться динамизмом соседа, разумно использовать трудовые ресурсы Китая, чтобы сдвинуть с места освоение необжитых районов к востоку от Урала.

Китайцы тоже настроены дружить с нами. И не только потому, что именно мы помогли им заложить основы современной индустрии, без чего успехи нынешних реформ были бы немислимы. Не менее важно, что дружелюбие китайцев основано на прагматизме. Они на себе ощутили негативные геополитические последствия распада Советского Союза. Нажим Вашингтона на Пекин резко возрос. В этих условиях Россия стала для Китая стратегическим тылом, как, впрочем, и Китай для России.

Что же касается разговоров о «ползучей экспансии», то трансграничная миграция рабочей силы стала неотъемлемой чертой современности. Речь может идти о том, как ее регулировать. Самая крупная община зарубежных китайцев находится не в Азии, а в Соединенных Штатах. Она насчитывает 13 миллионов человек. Поскольку в России население вдвое меньше, чем в США, аналогичная прослойка китайцев должна бы составлять у нас 6-7 миллионов человек. Пока же степень нашей «китаизации» примерно в 100 раз меньше.

Среди американцев китайского происхождения больше нобелевских лауреатов, чем имеет вся Япония. В Силиконовой долине китайцев так же много, как выходцев из бывшего СССР. Стало быть, дело не в количестве, а в качестве мигрантов, в том вкладе, который они способны внести.

Словом, мы должны быть достаточно мудры, чтобы не только не допустить превращения соседства с Китаем в угрозу для России, но и использовать это соседство, дабы ускорить освоение Сибири и Дальнего Востока.

(Всеволод Овчинников. Взлет Китая // Российская газета. 2009.15 апреля)

* * *

К сказанному выше необходимо добавить, что призрак «китайского врага» циркулирует только на территории бывшего

СССР.

У КНР и Индии во второй половине XX века было несколько вооруженных конфликтов из-за неурегулированных пограничных споров. Потенциальная опасность возобновления вооруженных столкновений не исключается и сейчас, индийские военные об этом помнят и воспринимают уровень китайской угрозы выше пакистанской. Но в индийском обществе не культивируется мысль о перспективах военного вторжения Китая на индийскую территорию.

В то же время Китаю удалось цивилизованным договорным путем решить все территориальные вопросы с северными соседями — государствами СНГ: Россией, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном. Однако именно здесь ему, при активной поддержке СМИ, приготовлен ярлык будущего агрессора, что на самом деле не совсем нелогично.

Недавно Федеральное бюро переписи США распространило официальное сообщение, согласно которому население Индии после 2025 года будет превосходить по численности население Китая. Сейчас, по данным американских специалистов, в Индии проживает более 1,156 миллиарда человек. К 2025 году этот показатель должен вырасти до 1,396 миллиарда человек. Для КНР соответствующие цифры — 1,324 миллиарда человек и 1,395 миллиарда человек. Территория Индии в три раза меньше территории Китая, и в логике рассуждений сторонников идеи об агрессивности Китая самому большому населению в мире должно быть очень тесно на своей территории. Значит, Индия тоже, по идей, жаждет территориальных захватов. К тому же она обладает ядерным оружием, армией и флотом, не уступающим китайским вооруженным силам. Но про вероятную агрессивность Индии сегодня мало кто пишет, возможно, потому что не было заказа на такие исследования. Видимо, не тот эффект.

Китай и Вьетнам также неоднократно вступали в вооруженное противоборство по причине пограничных споров — как на суше, так и на море. Только в 2009 году в Пекине были подписаны соглашения о демаркации китайско-вьетнамской границы. Но население маленького Вьетнама китаефобией никогда не страдало, точно так же как вьетнамцы не боялись американских и французских агрессоров, с которыми успешно воевали почти 20 лет в прошлом веке.

Не проявляет беспокойства и самый близкий и наименее защищенный от гипотетических вторжений сосед Китая — Монголия. С севера она соседствует с Россией, а с других сторон света окружена Китаем, что уже подразумевает зависимость от сильных соседей. Небольшая численность населения — 3 миллиона жителей на огромной территории в одну треть Западной Европы — усиливает впечатление уязвимости. Большую часть товаров потребления и энергоносители приходится импортировать. В советские времена Монголию называли еще одной республикой Советского Союза. Потом в Москве о монголах забыли. Но потомки Чингисхана нашли свой независимый путь, хотя быстро растущий Китай пытался было вернуть страну под свое влияние — ведь до начала XX века Монголия входила в состав Цинской империи. Однако руководству Монголии удалось сохранить независимость и создать политические механизмы, которые за последние годы сделали народ богаче. В этой стране, невзирая на кризисные явления, динамично поднимается экономика, в которую спокойно вкладывают собственные деньги зарубежные инвесторы.

Тем не менее мы в России все продолжаем рассуждать о неизбежности китайской агрессии!

Китайская армия: реальная угроза или «бумажный тигр»?

Сегодня часто можно услышать выражение «бумажный тигр». Далеко не каждый читатель может точно вспомнить, когда и при каких обстоятельствах оно вошло в обиход средств массовой информации.

А дело обстояло следующим образом. В 1946 году вождь коммунистического Китая Мао Цзэдун встретился с известной в то время американской журналисткой Анной-Луизой Стронг и дал ей интервью, в котором, в частности, заметил: «Чан Кайши и поддерживающая его американская реакция являются „бумажными тиграми". Когда говорят об американском империализме, людям кажется, что он является непомерно мощным. Китайская реакция именно этой „мощью" США пугает китайский народ. Однако будет доказано, что американские реакционеры, как и все реакционеры в истории, отнюдь не сильны».

Через шесть с половиной десятилетий уже сам Китай доказывает, что стал «непомерно мощным», тем самым попросту пугая многих в мире. КНР быстро строит соответствующие современным требованиям национальные вооруженные силы. В исследованиях российских и зарубежных аналитиков нередко встречается тезис о возможном применении руководством Китая имеющихся боевых ресурсов для решения сложных международных споров.

Вместе с тем так ли бесспорны эти прогнозы?

Может быть, подобно председателю Мао, следует усомниться в демонстрируемой мощи, назвать ее «бумажным тигром» и попробовать доказать, что в действительности мощь не столь и грозна? Может быть, руководители КНР вовсе и не собираются воевать?

Китай точно так же, как и другие крупные мировые державы, проводит политику ежегодного увеличения военного бюджета. На рубеже XX-XXI веков на военные нужды тратилось чуть больше 15 миллиардов долларов, а к 2009 году расходы возросли до 70,2 миллиарда. По мнению зарубежных исследователей, официальная сумма ассигнований занижена по сравнению с реальной в 1,5-3 раза, поскольку в нее не включены затраты на импорт вооружений и доходы

от экспорта, суммы на разработку и производство ракетно-ядерного оружия и т. п.

Считается, что в Пекине скрывают истинный размах милитаризации страны. В этом хитрость пекинского руководства не отличается от давно известных уловок кремлевских деятелей советского периода, по указанию которых в цифрах оборонного бюджета отражались лишь расходы на содержание вооруженных сил, а оснащение их оружием и боевой техникой проводилось по статьям различных машиностроительных министерств. Двойная бухгалтерия в подсчетах военных расходов приводила к тому, что иностранные аналитики в 1970-1980 годах наперебой сообщали о явной агрессивности политического курса СССР: скрывают точные данные — значит, вооружаются и готовятся воевать!

Советские лидеры всерьез воевать не собирались, но сложившийся миф не опровергали.

За 30 лет, прошедших с начала реализации реформ Дэн Сяопина, в КНР проведена масштабная модернизация вооруженных сил, которая ставила цель вывести НОАК на уровень передовых армий мира. По состоянию на 1980-е годы ее боеспособность оценивалась критически. Это была отсталая, неповоротливая сила, где под ружьем стояло 5 миллионов человек — больше, чем где-либо на планете. Основу ее составляли сухопутные войска, точнее, пехота и танки, которые уже утрачивали ту роль, которую играли в середине XX века.

В результате преобразований китайские вооруженные силы уменьшились до 2,3 миллиона человек, комплектуемых по системе призыва. Призывным возрастом сейчас считается 18 лет при продолжительности срочной службы два года. Имеющийся избыток призывных ресурсов со времен Мао Цзэдуна позволяет призывать выборочно и брать в армию лучших, что дает возможность совместить положительные качества призывной и контрактной систем. Срок службы по контракту составляет от 3 до 30 лет. Лица мужского пола, не призванные на военную службу, состоят в запасе народного ополчения, численность которого достигает 36,5 миллиона человек. Это резерв НОАК и основа партизанского движения, который по-прежнему планируется использовать для войны на собственной территории, временно оккупированной противником. Каноны китайской стратегии допускают действие вражеских армий на земле

Поднебесной. Этот факт является косвенным признаком того, что Китай не планирует ведение захватнических войн.

Главным ударным компонентом ВС КНР являются ракетно-ядерные силы (РЯС). Китайская военная доктрина не предусматривает применения ядерного оружия первым, действует концепция «ограниченного ядерного контрудара в целях самозащиты». На вооружении РЯС стоят межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) шахтного («Дунфэн-5»^[20]) и мобильного базирования («Дунфэн-31»). Предполагается, что МБР в будущем могут быть оснащены разделяющимися головными частями. Количество ракет типа «Дунфэн-5» с дальностью стрельбы 13 тысяч километров и мощностью боевой головной части (БГЧ) порядка 3-4 мегатонн, по американским данным, составляет от 20 до 50 единиц. Баллистических ракет «Дунфэн-4» с дальностью стрельбы 4,75 тысячи километров и мощностью БГЧ порядка 2 мегатонн насчитывается в пределах до 25 единиц. К ним следует добавить 60-80 единиц ракет средней дальности (дальность стрельбы — 2,8 тысячи километров), которые снаряжаются БГЧ мощностью 1,4 мегатонны.

Кроме того, имеются оперативно-тактические и тактические ракеты типа «Дунфэн-11» и «Дунфэн-15», количество которых может достигать нескольких тысяч. Американцы утверждают, что возможности ракетно-ядерных сил КНР год от года растут, как и способность китайских МБР по преодолению современных систем противоракетной обороны на территории Соединенных Штатов и Европейского континента.

Впрочем, американские генералы склонны намеренно преувеличивать мощь Китая, чтобы добиться от правительства и законодателей дополнительных военных ассигнований, утверждает ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН Павел Каменов.

Основой боевой мощи НОАК, как и при Мао, остаются сухопутные войска. Считается, что их многочисленность придаст Китаю значительные преимущества в обычных наземных операциях против любого противника, обладающего более высоким техническим потенциалом. Сухопутные войска дислоцированы на территории семи военных округов, имеющих разные боевые задачи и возможности.

Нарезка их зон ответственности остается неизменной на протяжении шести десятилетий с момента образования КНР.

Наиболее мощными традиционно являются два округа — Шэньянский и Пекинский, непосредственно граничащие с Российской Федерацией на Дальнем Востоке и в Забайкалье. На эти округа приходится 22 дивизии, в том числе четыре из девяти танковых и шесть из девяти механизированных дивизий НОАК. Еще две танковые дивизии входят в состав Ланьчжоуского военного округа, противостоящего государствам Центральной Азии, Монголии и российской Западной Сибири. Одна танковая и одна механизированная дивизии находятся в Цзинаньском военном округе, в центре страны, который считается «учебным», резервно-экспериментальным и является стратегическим тылом для Пекинского, Шэньянского, Ланьчжоуского и Нанкинского округов. В Ланьчжоуском и Цзинаньском сосредоточено почти столько же соединений, сколько в первых двух округах.

Нанкинский военный округ предназначен для организации десантных операций по захвату Тайваня. С учетом частей морской пехоты ВМС Китая располагает таким контингентом подготовленных для осуществления десантов войск, который уступает только вооруженным силам США. К границам с Индией и странами Индокитая прилегают Гуаньчжоуский и Чэндусский военные округа, войска которых представлены мотопехотными дивизиями устаревшей организации.

В общей сложности на вооружении сухопутных войск состоит не менее 8 тысяч танков, около четверти которых можно причислить к современным образцам вооружения. К ним также относится сотня самоходных артиллерийских установок 2С23, купленных у России, несколько сотен САУ собственного производства и 27 российских зенитно-ракетных комплексов «Тор-М1».

Считается, что НОАК активно занимается боевой подготовкой. Но на сегодняшний день мало найдется иностранных специалистов, которые могли бы оценить реальный уровень готовности китайских войск. Почти все оценки аналитиков основываются либо на приблизительных расчетах, либо на абсолютных цифрах, представленных официальным Пекином, и гипотетических возможностях армии, существующих в теории. Однако известно, что

китайскому генералитету издавна свойственно стремление выдавать желаемое за действительное. Маршал Советского Союза В. И. Чуйков, который в 1940-1942 годах был главным военным советником в Китае у генералиссимуса Чан Кайши, вспоминал позже о неистребимой тяге гоминьдановских военачальников к «надуванию щек» и демонстрации достижений, которых на самом деле не имелось.

Другая оценка реального уровня боевой учебы полевых войск неожиданно обнаруживается в очерке спецкора газеты «Красная звезда» Александра Гольца, побывавшего в середине 1990-х годов в одной из «самых знаменитых частей китайской армии» — 598-м полку 200-й дивизии Цзинаньского («образцового») военного округа. Вместо учебных боев, наблюдая за которыми, специалист способен определить действительную готовность к слаженным действиям, иностранцам демонстрировали поистине «цирковое» представление элитной диверсионной роты, похожее на те праздничные военизированные выступления воинов-профессионалов, которые мы видим у себя на стадионах в День ВДВ 2 августа. В очерке приводился недельный распорядок службы китайских солдат, в котором два дня отводится на сельские работы в подсобном хозяйстве и культурный отдых, полтора дня заняты политической подготовкой и только оставшееся время — три с половиной дня — уходит на боевую подготовку.

В действительности армия, которая готовится воевать, должна заниматься боевой подготовкой ежедневно, это аксиома военного дела. Именно так тренировались солдаты трех фронтов Советской Армии на Дальнем Востоке летом 1945 года перед началом войны с Японией. Так натаскивали американских морских пехотинцев и солдат британского экспедиционного корпуса при подготовке к вторжению в Ирак. Так должна тренироваться любая армия в преддверии грядущей войны. Иначе это — имитация бурной деятельности, «ИБД».

Публицист Андрей Пионтковский, позиционирующий себя как единомышленника аналитика Александра Храмчихина, речь о котором шла в предыдущей главе, подготовил статью, в которой высказывает предположение о том, что с 2009 года НОАК находится в готовности воевать против России.

МНЕНИЕ АНАЛИТИКА

Если учения 2006 года озадачили военных экспертов, то еще более масштабные военные учения «Куюаэ-2009» (крупнейшие за 60-летнюю историю КНР) уже не оставили никаких сомнений: НОАК намеренно демонстрирует свою готовность к крупномасштабной сухопутной наступательной операции на территории России.

На этот раз в учениях, проходивших на территории четырех военных округов, участвовали около 50 тысяч военнослужащих сухопутных сил и ВВС, проверялись новейшие системы вооружений и национальная спутниковая навигационная система. Глубина броска общевойсковых дивизий была увеличена с одной тысячи километров (в 2006-м) до двух тысяч.

Ни в Гималаях, ни в Тайваньском проливе, ни в отражении гипотетической атаки США с воздуха и моря подобный боевой опыт китайской армии не понадобится. Как мы и предполагали два года назад, горизонт военно-стратегического планирования КНР очевидно сократился на 10-15 лет — время, отводившееся ранее на военное решение тайваньской проблемы. Перед НОАК стоят уже следующие перспективные задачи.

(Андрей Пионтковский. Китайное стало явным, <http://graniru>. 11.01.2010)

* * *

Пессимизм автора представляется совершенно неоправданным. В «самых масштабных за прошедшие 60 лет учениях НОАК» приняло участие 50 тысяч человек, что составляет примерно одну пятидесятую часть от общей численности китайских вооруженных сил. Нормальная практика для итоговых комплексных учений по вооруженным силам. Для сравнения примем к вниманию, что в успешно завершившихся прошлогодних учениях «За-пад-2009» было задействовано до 20 тысяч военнослужащих российской армии, что также составляет одну пятидесятую часть от ее численности в 1 миллион человек. Но никто,

кроме некоторых «ястребов» в Польше и Прибалтике, всерьез не стал утверждать, что Россия готовится к броску на Запад.

На каком же основании звучат утверждения, что китайская армия ведет подготовку к наступлению на территории России? Российские генералы, присутствовавшие на совместных с китайскими военными маневрах, отмечают достаточно скромные организационные, оперативные и стратегические возможности армии Китая. Для того чтобы вступить в активное противостояние с внешним противником, эти проблемы необходимо кропотливо изживать.

Кроме того, в заметке Андрея Пионтковского утверждается, что в учениях НОАК получает боевой опыт. Однако это не соответствует действительности. Боевой опыт можно приобрести только во время военных действий, а китайская армия не ведет войн более 30 лет со времени китайско-вьетнамского вооруженного конфликта 1979 года. Уместно вспомнить некоторые детали этого события.

* * *

СВИДЕТЕЛЬСТВО СОВРЕМЕННОКА

В середине 1970-х годов китайцы усиленно пестовали компартию Камбоджи (Кампучии), которая захватила власть в стране и установила маоистский режим диктатора Пол Пота. Итогом этой диктатуры стало физическое истребление одной трети кхмерского населения. В декабре 1978 года объединившиеся патриотические силы Кампучии начали боевые действия против полпотовских войск. Социалистическая Республика Вьетнам (СРВ) объявила о поддержке этих сил и ввела в соседнее государство 120-тысячную военную группировку. В ответ китайское руководство использовало против Вьетнама различные формы политического, дипломатического и военного давления для поддержки своего ставленника. Кампучия для Пекина значила очень много. Из Ханоя был отозван посол и военный атташе КНР, значительно сократился состав посольства, Китай прекратил оказание экономической помощи Вьетнаму, прервал железнодорожное сообщение и аннулировал соглашение о безвизовом режиме между двумя странами. Одновременно под видом учений в южные приграничные военные округа были передислоцированы десять

дивизий сухопутных войск и авиационные части НОАК из центральных районов Китая.

В январе 1979 года вьетнамские войска, действовавшие в Кампучии, свергли союзный Китаю режим, вместо которого к власти пришло марионеточное правительство Хенг Самрина, опиравшееся на военную силу Вьетнама. В то же время в Ханое приняли решение выслать из своей страны этнических китайцев, традиционно занимавшихся во Вьетнаме торговлей. В результате такого шага взаимоотношения между соседними странами накалились еще сильнее. Руководство КНР официально сообщило о намерении «преподать Вьетнаму урок» и начало непосредственную подготовку к вторжению, которая сопровождалась усилением провокационной деятельности на вьетнамской границе. К тому времени Китай заручился поддержкой США: 1 января 1979 года между двумя странами были установлены дипломатические отношения. Вьетнам же являлся союзником СССР, с которым Китай находился в состоянии конфронтации. За полгода до начала военных действий Вьетнам вступил в Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ), а 3 ноября 1978 года в Москве СССР и СРВ заключили договор о дружбе. Помимо стандартных положений о торговле и культурном сотрудничестве, документ содержал военные статьи о «совместной обороне», подразумевающей «консультации и эффективные действия по обеспечению безопасности обеих стран». Для Пекина заключение договора стало болезненным уколом.

14 февраля 1979 года ЦК КПК принял решение о начале вторжения на территорию Вьетнама. 16 февраля часть подразделений НОАК из состава соединений первого эшелона в течение ночи преодолела государственную границу и скрытно вышла в тыл вьетнамских войск, занимавших передовой рубеж обороны на глубине 3-6 км. В первом оперативном эшелоне ударной группировки НОАК находилось 15, во втором — 6 дивизий полевых войск, резерв составлял 3 дивизии. Всего к военным действиям привлекалось 29 китайских дивизий. 17 февраля в 3.30 утра после получасовой огневой подготовки эти войска вторглись на вьетнамскую территорию. Основной удар с севера наносился в направлении города Каобанг вдоль долины реки Красная. Другой удар последовал с северо-востока в направлении города Лангшон, откуда до Ханоя — всего 141

километр. Вспомогательный удар с северо-запада направлялся в сторону города Лайтяу. После ввода в бой войск второго эшелона и резервов к исходу 19 февраля наступающие захватили город Лаокай, 2 марта — Каобанг, 4 марта — Лангшон, на некоторых направлениях они продвинулись на 30-50 км и удерживали около 20 населенных пунктов. В начальный период войны вторгшимся китайским войскам противостояли всего одна регулярная дивизия Вьетнамской народной армии (ВНА) и одна дивизия ополчения, пограничные части и отряды народной самообороны. Наиболее боеспособные вьетнамские части в тот момент находились в Кампучии. Оборона на фронте носила очаговый характер и строилась, главным образом, партизанскими методами. В первые дни войны выявилась неспособность командования ВНА организовать оборону на важных направлениях для отражения крупных сил противника, отсутствие навыков в использовании танков и артиллерии, налаживании их взаимодействия с пехотой. Это привело, например, к тому, что 346-я вьетнамская пехотная дивизия попала в окружение в районе Каобанга.

В связи с началом агрессии Китая Вьетнам обратился за поддержкой в ООН, но дипломатических отношений с КНР прерывать не стал. СССР и Тайвань выступили с заявлениями, в которых обвинили США в поощрении Китая. Первое «Заявление Советского правительства» появилось 19 февраля, в нем говорилось, что Советский Союз осуждает агрессию и «выполнит обязательства, взятые на себя по Договору о дружбе и сотрудничестве между СССР и СРВ». 2 марта было опубликовано второе «Заявление Советского правительства», в котором Советский Союз требовал немедленного вывода китайских войск из Вьетнама. В качестве военной помощи в Ханой отравилась группа советников и специалистов по основным родам войск из Генерального штаба ВС СССР. После ознакомления с обстановкой на фронте они убедили вьетнамское руководство срочно начать переброску армейского корпуса из Кампучии на Лангшонское направление, выдвинуть туда же дивизион реактивной артиллерии системы «Град» (также помощь из СССР), отмотилизовать ряд соединений и частей, вывести из окружения дивизию, воевавшую в тылу противника. Во Вьетнам прибывали советские военные специалисты, по организованному воздушному мосту СССР—СРВ начались усиленные поставки советской военной техники. Самолетами

Ан-12, наряду с железнодорожными перевозками, на фронт из Кампучии перебрасывались части вьетнамского экспедиционного корпуса, которые сразу же вступали в бой. 5 марта руководство СРВ объявило в стране всеобщую мобилизацию.

На фронте шли упорные бои, на некоторых направлениях китайской армии так и не удалось сломить сопротивление вьетнамцев. На монгкайском направлении, продвинувшись всего на 2-4 км, части НОАК на восьмой день войны вынуждены были отступить на свою территорию. Замысел Пекина до вмешательства СССР разгромить пограничную группировку и вынудить СРВ отказаться от собственного политического курса остался неосуществленным. Не удалось изменить и обстановку в Кампучии. Военные действия принимали затяжной характер. Такое развитие событий не устраивало Китай: приграничный конфликт мог разрастись в полномасштабную войну на два фронта с учетом договорных отношений Ханоя и Москвы. Военное командование КНР объявило о начале вывода войск. 18 марта боевые действия завершились, Китай предложил Вьетнаму начать мирные переговоры.

В свое время некоторые специалисты, оценивая результаты китайского вторжения, подтверждали, что китайская армия продемонстрировала низкие боевые качества, однако Китай в итоге одержал дипломатическую победу над СССР, потому что прямого советского военного удара по агрессору так и не состоялось. А то, что цель была достигнута более простыми методами, в расчет не принималось. Именно твердая позиция СССР да стойкость вьетнамцев вынудили остановиться китайскую армию, которая так и не решила поставленных задач. В 1979 году Советский Союз показал свои немалые возможности. Причем решимость применить военную силу была продемонстрирована настолько эффективно, что не только в Пекине, но и в других важных точках планеты всерьез ожидали дня начала советской военной операции.

В Москве задолго до начала китайского вторжения во Вьетнам внимательно следили за осложнением военно-политической обстановки в этом районе Юго-Восточной Азии. Советская разведка располагала убедительными доказательствами подготовки к началу военных действий. Уже в начале февраля 1979 года, когда полностью подтвердились имеющиеся данные о начале войны, началось

развертывание подводных лодок Краснознаменного Тихоокеанского флота (ТОФ) в Южно-Китайском море. В это же время представители командования ГРУ ГШ направились из Москвы в разведуправления и части разведки приграничных с Китаем военных округов и ТОФ. Они ехали на места не с целью плановых проверок, помощи и выявления недостатков в службе, а для реального изучения добытых сведений и оценки обстановки в условиях предвоенного времени и с началом боевых действий. Такая же практика применялась в годы Великой Отечественной войны и во время советско-китайского вооруженного конфликта 1969 года. Деятельность подчиненных частей была оценена высоко, именно на основании представленных данных руководство страны имело возможность действовать энергично и безошибочно в непростой политической ситуации.

Советский Союз тогда взял на себя ответственную миссию — восстановить мир демонстрацией военной силы. Решено было действовать без упрощений и послаблений. Войска на Дальнем Востоке и в Сибири молниеносно перевели в состояние полной боевой готовности. Сухопутные войска при поддержке авиации начали концентрироваться вдоль границы с Маньчжурией, угрожая вторжением в том случае, если Китай немедленно не уйдет из Вьетнама. В период с 12 по 26 марта на востоке страны, на территории союзной СССР Монголии и в акватории Тихого океана проводились войсковые и флотские учения, в которых участвовали более 200 тысяч человек личного состава, более 2,6 тысячи танков, около 900 самолетов и 80 кораблей. Учение началось с отмотилизования и поэтапного приведения войск и сил флота в повышенные степени боевой готовности. Из запаса было призвано свыше 52 тысяч человек приписного состава, из народного хозяйства поставлено более 5 тысяч автомобилей. В учениях на территории Монголии приняли участие 6 мотострелковых и танковых дивизий, причем три из них дополнительно вводились из Сибири и Забайкалья. Задействовались три авиадивизии, соединения и части усиления. На Дальнем Востоке и в Восточном Казахстане к учениям привлекались не только общевойсковые и авиационные соединения, но и пограничные войска. Части и подразделения в сложных климатических и природных условиях совершали марши на большие расстояния (более 2 тысяч километров). Производилась перегруппировка по железной дороге,

переброска по воздуху. В частности, воздушно-десантная дивизия из Тулы прибыла в район Читы на расстояние 5,5 тысячи километров всего за двое суток. Полки боевой авиации с территории Украины и Белоруссии перебрасывались на аэродромы Монголии. В Приморье осуществлялась высадка морского десанта. В конечном счете военно-политическая акция Советского Союза, осуществлявшаяся как полномасштабная подготовка к вторжению на территорию Китая, привела к достижению требуемого результата.

На Тихоокеанский флот в тот период легла особая нагрузка. Его корабли находились на боевой службе в узловых районах Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей. В январе-феврале 1979 года крейсер и эсминец у берегов Вьетнама демонстрировали советскую поддержку этой стране. После начала войны к ним присоединялись другие корабли во главе с крейсером «Адмирал Сенявин», в марте в созданной эскадре насчитывалось 30 боевых единиц. Она находилась в Южно-Китайском море до апреля, и, как следствие этого, Южный флот КНР не принимал участия в военных действиях против Вьетнама. Кроме того, советские корабли обеспечивали безопасный переход морем и доставку грузов во вьетнамские порты грузовых судов СССР и других социалистических стран (Польши, ГДР, Болгарии). В Хайфонском порту, который находился всего в сотне километров от линии фронта, беспрепятственно разгружалось привезенное военное оборудование и боевая техника. Проблему представляли и подошедшие в район военные корабли США. 25 февраля авианосно-ударное соединение во главе с авианосцем «Констеллейшн» расположилось недалеко от побережья Вьетнама в Южно-Китайском море с заявленной целью — контролировать ситуацию. Для того чтобы держать американцев подальше от района боевых действий, пути подхода их кораблям перекрыли советские дизельные подводные лодки. Часть из них оставалась на глубине, другие демонстративно держались в надводном положении. Американцы не решились прорывать созданную морскую заградительную линию, и 6 марта соединение во главе с авианосцем ушло в район Аденского залива.

Одним из результатов произошедших событий стало подписание советско-вьетнамского соглашения о заходе и стоянках советских военных кораблей и о посадках самолетов ВМФ СССР во вьетнамском военном порту и на аэродроме Камрань. После завершения

американской агрессии и объединения Северного и Южного Вьетнама в 1975 году, несмотря на оказанную советскую помощь, вьетнамские лидеры не желали идти на сближение с СССР. Однако попытка опереться на Китай показала, что можно оказаться в большей зависимости, так как северный сосед стремился доминировать во всем регионе. Тогда выбор Ханоя все же остановился на Советском Союзе, но до китайской агрессии 1979 года практических шагов не предпринималось. Только война вынудила Вьетнам пойти на реальное сближение с СССР, в том числе и в военно-морской сфере. 2 мая 1979 года пункт МТО ВМФ Камрань перешел в советское пользование на 25 лет.

После окончания военных действий Китая против Вьетнама обе стороны объявили о собственной победе в конфликте. Понесенные ими потери по сию пору точно неизвестны, так как оба участника не дают точных сведений. Существует предположение, что истинной целью Китая была проверка, насколько далеко Москва готова зайти в конфронтации с Пекином. Но советское руководство ограничилось лишь демонстрацией военной мощи, осуждением агрессора и военными поставками потерпевшей стороне. Вьетнам действительно выиграл, потому что укрепил собственный политический авторитет, а щедрая помощь Советского Союза позволила ему создать мощную и хорошо вооруженную армию. Однако «Восток дело тонкое»; в конечном итоге оказалось, что и Китай получил выгоду от войны. Вашингтон, считая его партнером по борьбе против Советского Союза, тоже вложил немало средств в помощь Пекину. А руководство КНР из своей неудачной военной операции сделало многоплановые выводы. После завершения военных действий была объявлена программа модернизации армии, которая привела к формированию современных вооруженных сил.

(Илья Дроканов. Воспоминания)

* * *

Формирование нового облика китайской армии ведется на протяжении трех десятилетий в обстановке мирного сосуществования КНР со своими азиатскими соседями. Под нанесение каких ударов и

по какому противнику она будет «затачиваться» в дальнейшем — вопрос остается открытым.

Ряд специалистов, как говорилось выше, считает, что главной целью НОАК станет Россия. Другие, к примеру военный журналист Владислав Шурыгин, утверждают, что Пекин традиционно не стремится расширять территорию в северном направлении. Если не считать монгольского полководца Чингисхана, которого китайские историки порой тоже именуют своим (вероятно за то, что он прошел огнем и мечом по северным китайским территориям), военачальники Поднебесной в основном сражались друг с другом в собственном отечестве или отправляли боевые отряды в южном направлении. Мирная экспансия ханьцев тоже обычно устремлялась на юг, прежде всего в направлении Юго-Восточной Азии. Именно туда, а не в Россию!

Вместе с тем у Китая на сегодняшний день остается нерешенной главная территориальная проблема. Это — остров Тайвань, который более полувека объявляется китайской территорией и провозглашается следующей целью, к которой континентальный Китай будет стремиться и которую он жаждет заполучить. Для решения этой проблемы непременно потребуются хорошо подготовленные военно-морские силы.

Рассуждая о боевых возможностях китайских вооруженных сил в целом, нельзя оставить без внимания его военно-морской флот.

В начале 1970-х годов один из советских адмиралов, командовавший Тихоокеанским флотом, на служебном совещании одернул своего начальника разведки, чтобы тот не тратил время на доклад о состоянии ВМС КНР: *«Их уничтожение займет у Тихоокеанского флота не много времени».*

С той поры немало изменилось, китайский флот стал другим. В последние годы морской компонент НОАК преобразился качественно и количественно. Организационно он построен из надводных и подводных сил, морской авиации, морской пехоты и войск береговой обороны и оперативных формирований. Структуру ВМС КНР образуют следующие оперативные формирования: Северный, Восточный и Южный флот, Сангарская речная и Бохайская учебная флотилии. Эти оперативные формирования включают в себя однородные оперативные соединения — эскадры (эскадр подводных

лодок — 6, эскортных кораблей — 7, минно-тральных кораблей — 3), а также тактические соединения — бригады и дивизионы. К наиболее современным боевым единицам можно отнести 12 эсминцев, из которых 4 — постройки петербургской «Северной верфи» (типа «Современный») и 4 ракетных фрегата собственной разработки; 12 подводных лодок российского производства (проекта 877) и полтора десятка подлодок своей постройки (типа «Сун»). Россия внесла свою важную лепту в развитие военно-морских сил нашего «потенциального противника».

У китайцев есть истребители Су-30 российской модели, способные наносить ракетные удары по кораблям противника. Эскадренные миноносцы российского производства оснащены противокорабельными ракетами «Москит» с отличными боевыми характеристиками.

Китай пытается строить и атомные подводные лодки нового типа. Возможно, через несколько лет такая лодка и войдет в состав флота. В 1980-х годах уже были построены две ядерные подлодки, но они так и не вышли в море из-за проблем с безопасностью.

Для того чтобы ПЛАРБ была боевой, а не статистической единицей, в мирное время требуется минимум три лодки, чтобы одна из них постоянно находилась на боевом дежурстве. Китаю это не под силу. Иногда в печати встречаются сообщения, что Пекин активно взялся за проектирование собственного авианосца с использованием закупленных за рубежом, в том числе в России, нескольких корпусов кораблей такого класса. В ответ хочется сказать, что подобные слухи муссируются с середины 1980-х годов, однако авианосца все еще нет. Даже на стапеле. Все, что удалось, — спустить недавно на воду десантно-вертолетный корабль-док, крупнейшую боевую единицу флота водоизмещением 20 тысяч тонн. А для постройки авианосца только мечты и денег недостаточно.

Анализ технических характеристик ВМС КНР показывает, что ведется строительство и закупка надводных кораблей и подводных лодок не самых новых проектов. Разработка эсминцев типа «Современный» началась в СССР в 1971 году, а подводных лодок 877-го проекта — в конце 1970-х.

Даже без учета этого фактора китайский флот лишь на 20% обеспечен новыми кораблями. Безнадёжно устаревшими стали

противоминные силы, и количество их настолько мало, что о противоминной обороне сейчас можно не говорить вообще. В структуре корабельного состава преобладают малые надводные корабли — ракетные и патрульные катера, которые составляют более 52% всего боевого состава. Кораблей морской зоны — эсминцев, фрегатов и подводных лодок — явно недостаточно для деятельности флота открытого моря.

Иными словами, Китай увеличивает свой флот, но он ограничен в возможностях. Главное ограничение — у китайцев очень мало опыта действий в океанах. Сравнение боевых возможностей китайского флота с боевым потенциалом ВМС стран региона и военно-силового присутствия США в Восточной Азии говорит о том, что современные военно-морские силы Китая самостоятельно вряд ли смогут обеспечить безопасность своего государства с морских направлений. На море Китай воевать не готов.

Зато Поднебесная осваивает околоземный театр военных действий, считает военный аналитик Александр Храмчихин. По его мнению, несмотря на то что официальной позицией Пекина является борьба за мирное использование космического пространства и против размещения там оружия, командование вооруженных сил Китая готово начать разработку наступательных и оборонительных операций на околоземной орбите.

Главнокомандующий ВВС НОАК генерал Сюй Цилян недавно заявил, что историческая неизбежность заключается в конкуренции между военными силами, которая движется в космическое пространство. Поэтому Китай должен развивать свои космические войска. С точки зрения военного аналитика, Китаем будут создаваться средства поражения класса «земля-космос», которые в случае войны могут «оглушить и ослепить» Америку, лишит ее вооруженные силы возможности наносить удары высокоточным оружием с моря и с воздуха и тем самым гарантированно исключить вмешательство Вашингтона в случае начала операции по присоединению Тайваня.

В настоящее время КНР располагает несколькими готовыми космодромами, откуда производятся запуски МБР и искусственных спутников земли (ИСЗ). Начато строительство космодрома на острове Хайнань, максимально близко к экватору. Подобное расположение позволит использовать космодром для запуска космических аппаратов

массой до 25 тонн. Центр управления полетами находится в городе Сиань. Спутниковая группировка Китая не очень велика и включает в себя ИСЗ связи, навигации, метеонаблюдений и разведывательные. Количество действующих спутников сейчас составляет от 20 до 30 аппаратов, а всего в Китае было запущено около сотни ИСЗ различного назначения.

В 2003 году состоялся запуск первого пилотируемого космического корабля, в 2005 и 2008-м были запущены еще два. Реализуется программа по исследованию Луны.

Считается, что имеющаяся база вполне достаточна для развития военной составляющей космической программы КНР, но о ней ничего не известно. Единственным фактом, позволяющим утверждать, что у Китая есть оружие класса «земля-космос», является «случайное» ослепление лазерным лучом американского спутника видовой разведки, а затем показная ликвидация ракетой с земли своего старого метеоспутника на орбите в январе 2007 года (его осколки до сих пор летают среди опасного космического мусора).

О наличии в КНР оружия классов «космос-космос» или «космос-земля» вообще никакой информации нет. Аналитики признают, что если программа по его созданию уже реализуется, то, как говорится, до ее успеха — что до Шанхая пешком. Тем не менее сам факт заявления командующего ВВС НОАК реально воспринимается в качестве индикатора готовности Китая осуществить прорыв в самой передовой и наукоемкой сфере военных приготовлений.

С этой позицией можно спорить или соглашаться, но альтернатива ей существует. Такие факты, как внезапное всплытие китайской подлодки в боевом ордере корабельной группы США перед носом авианосца «Китти Хок» в октябре 2006 года и лазерная атака на американский спутник с последующим уничтожением собственного отработавшего спутника, возможно, являются не чем иным, как попыткой решить разовыми военными акциями долговременные политические задачи. Здесь уместно сравнение.

Боевые самолеты российского Тихоокеанского флота тоже имитировали уничтожение «злосчастливого» «Китти Хока» неожиданной атакой в Японском море в октябре 2000 года. Но и эта акция, и патрулирование российскими стратегическими бомбардировщиками акватории Мирового океана, и памятные дальние океанские походы

отрядов наших ударных кораблей по сути дела являются эффектными, с точки зрения СМИ, военными маневрами; не реальным вызовом, а лишь его дорогостоящей имитацией. Такие имитации позволяют государству поддерживать высокий имидж своих вооруженных сил, даже при их недостаточной боеготовности. Не исключено, что в случае с Китаем происходит именно нечто похожее. Причем не в первый раз. Все это имеет эффект «дежавю». Сорок лет назад мир так же был полон утверждений о том, что китайская армия пребывает в готовности открыть боевые действия против страны на севере.

* * *

ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦА

В 1970-х годах в условиях жесткого противостояния двух соседних государств командование советской военной разведки на Дальнем Востоке ставило офицерам задачи вскрывать агрессивные замыслы руководства вооруженных сил Китая и добывать данные о подготовке войны против СССР. Требовалась информация и о постоянно меняющейся обстановке на пограничных реках. Наряду с прочими способами получения этих сведений использовались походы на кораблях и катерах по всей тысячекилометровой речной границе на Амуре и Уссури. Двигались в таких походах лишь в светлое время суток, постоянно наблюдая за китайским берегом. На ночь вставали у наших пограничных застав и встречались с их командованием. Пограничники владели полным объемом сведений по сопредельной стороне и делились ими в порядке взаимодействия. Они рассказывали много полезного, но главный интерес представляла информация, полученная офицерами разведки самостоятельно. Вот на китайском берегу огромные иероглифы на белых щитах сообщали: «Советский Союз — враг № 1» и «Долой новых царей!». А во время прошлого похода здесь висели дацзыбао «Смерть советским ревизионистам!». Что, сменились политические установки? Офицер рылся в китайских центральных газетах в поисках ответа. Иногда появлялась провинциальная или уездная пресса — там больше нужной конкретики. Выяснялось, что лозунги соответствуют новым требованиям пекинских идеологов. В то же время было видно, что

бетонный дот на китайском берегу подмыт водой и покосился. Но крестьянского вида солдаты в кеги со звездочкой и в кедах не спешили его ремонтировать, значит, им сейчас не до боевой подготовки.

Когда умер Мао Цзэдун, промелькнули дацзыбао с призывами уничтожить «банду четырех». Затем к власти в Поднебесной пришел мудрый старец Дэн Сяопин, который распорядился начать политику модернизации. И об этом поспешили написать в лозунгах на китайском берегу. Модернизировать было что — огромная страна с миллиардным населением жила впроголодь. Во второй половине XX века на полях трудились вручную, как встарь. Приходилось наблюдать за работой единственного на всю округу гусеничного трактора. В страду его двигатель не выключался ни днем, ни ночью. Менялись очередные трактористы, а старенький ДТ-54 производства Сталинградского тракторного завода надрывался на полях нескольких соседних коммун.

Противостоявшие нам китайские речные силы не шли ни в какое сравнение с боевой мощью советской Амурской флотилии. В начале 1970-х на смену вооруженным баковым крупнокалиберным пулеметом «Ярославцам» пришли мощные артиллерийские катера типа «Шмель». Затем и их стали менять на малые артиллерийские корабли с вооружением, рассчитанным на поражение значительной вражеской живой силы.

При встрече нашей армады с одиночным китайским катером из состава Сангарской речной флотилии, где у ручного пулемета на турели напряженно застыл вероятный неприятель, как-то слабо верилось в реальную возможность агрессии Китая против СССР. Сведения, которые характеризовали состояние китайских войск в прикордонье, подтверждали такие мысли. Об этом офицеры объективно докладывали командованию.

В ответ звучало: «Плохо работаете! Вы должны активизировать усилия и добыть данные о подготовке китайской армии к войне против СССР. Политическое руководство нашей страны располагает сведениями, что Китай готовится напасть на СССР». Офицеры наращивали усилия. Наконец были получены сведения о том, что армейские корпуса в Шэньянском военном округе разворачиваются до состава общевойсковых армий. Вот оно! Готовятся! Разведка использует все силы и средства для получения информации об

изменениях в войсках противника. Но выясняется, что старые танки и артиллерийские системы новыми образцами не заменяются, а формирование новых оперативных объединений на поверку оказалось лишь организационно-штатным мероприятием, не несущим угрозы начала войны.

В начале 1980-х годов у китайцев появилась первая атомная подводная лодка с баллистическими ракетами типа «Ся». Теоретически нашим специалистам было ясно — это оружие будет служить угрозой для США: для ракетного удара по Советскому Союзу Китай мог использовать и ракеты сухопутного базирования. Но разведка получила задачу следить за использованием новой *пларб*. Контроль над ее деятельностью показал, что лодка почти все время стояла в базе. Впоследствии выяснилось, что она не используется для несения боевого дежурства из-за наличия многих конструктивных недостатков. Еще один вид ударного оружия оказался неэффективным!

В конце концов нашей военной разведке стало абсолютно ясно: китайская армия воевать против советской не намеревается. Мы долго ловили в темной комнате черную кошку, которой там не было! Но двадцатилетняя эпоха военного противостояния все же завершилась. СССР перестал опасаться военной угрозы со стороны Китая и начал развивать взаимовыгодное сотрудничество с ним.

(Илья Дроканов. Воспоминания)

* * *

В начале марта 2010 года в Пекине состоялась очередная сессия Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП), которая утвердила государственный бюджет страны. На военные нужды КНР планируется потратить около \$78 миллиардов. Это всего на 7,5% больше, чем в предыдущем году. Между тем вот уже 20 лет ежегодный рост китайских военных расходов превышал 10%. По мнению экспертов, отчасти это вызвано последствиями мирового финансового кризиса. Но главное — Китай, судя по всему, наконец завершил масштабную модернизацию армии, начатую еще в конце 1980-х годов. То есть техническое состояние вооруженных сил соответствует требованиям политического руководства.

Но для оценки современного состояния вооруженных сил КНР необходимо оценить еще один фактор, влияющий на состояние их готовности к ведению боевых действий. Моральный фактор, дух армии во все времена влиял на успех ее деятельности. Политико-моральное состояние НОАК всегда оценивалось зарубежными специалистами как устойчивое или стабильно благополучное. Другим оно по определению быть не могло, ведь при отборе новобранцев из многих кандидатов сквозь сито политорганов проходили единицы наиболее преданных родине и партии молодых людей.

Главным образом, новобранцы призываются из сельской местности, и служат они не за страх, а за совесть. Для деревенского парня престижно попасть в армию или на флот, поскольку служба даст в будущем целый ряд привилегий: можно будет пойти учиться в вуз, можно поступить на службу в государственные и партийные органы, можно уверенно начать жизнь в большом городе. Городская молодежь — студенты, интеллигенция призывного возраста — уже «испорчена» жизнью в достатке, в ее среде можно услышать негативные высказывания об армейской жизни как о потерянном времени. Поэтому солдатский строй НОАК однороден и по физическим, и по моральным показателям.

Каковы китайские солдаты не на учениях, а в бою, можно судить лишь по свидетельствам тридцати-, сорокалетней давности. В пограничных боях 1969 года с советскими солдатами и в сражениях периода китайско-вьетнамского вооруженного конфликта бойцы НОАК демонстрировали напор и жестокость. Но лишь до той поры, пока перевес был на их стороне. Спину они показывали без стыда, до японского самурайского духа им далековато. Не было примеров, когда подразделение, попавшее в окружение, билось до последнего солдата, до последнего патрона, чтобы взорвать себя и атакующих врагов последней гранатой. Не знаком китайской армии и вкус славных больших побед, нет в ее истории торжества Бородина, Ватерлоо, Вердена, Сталинграда или Нормандии.

Остается лишь гадать, какую силу духа проявит армия Поднебесной в современной войне. При этом нужно учитывать и особенности китайского менталитета. Пожалуй, ни у одной значительной нации в мире нет такой старой народной поговорки, оценивающей своих солдат, как у китайцев. «Хао цзинь бу дан дин, хао

жень бу дан бин» — «Из хорошего железа не делают гвозди, а хорошие люди не идут в солдаты». И пусть эта поговорка родилась в давние времена, в народной памяти она жива и сейчас. Существует мнение, что огромным китайским войскам всегда не хватало одного — хорошего солдата. Набранные из сельских районов солдаты всегда имели лишь минимальное образование и поверхностное знакомство со сложными видами боевой техники. Во все времена отмечался низкий уровень воинской дисциплины, а массовое дезертирство являлось бичом любой китайской армии.

В военных традициях Китая победа над неприятелем достигается не путем храброго наступления, а путем заманивания неприятеля в ловушку, где он растратит свои силы, будет изнурен и сломлен. Один из наиболее знающих исследователей современного Китая, военный переводчик и офицер советской военной разведки Андрей Девятов в своих статьях пишет: «Для китайского военного искусства „война есть бесконечный путь хитрости“, а высшим мастерством управления государством выступает одоление врага без применения войск и оружия». Именно такого результата на сегодняшний день добились лидеры КНР. Ими построена огромная армия, оснащенная соответствующим современным требованиям оружием, специально продемонстрированы миру некоторые результаты применения этого оружия, сделаны сенсационные заявления о дальнейшем пути развития НОАК.

И уже эти шаги позволили руководителям Срединного государства одержать победу «в головах и сердцах» политических деятелей в окружающих его странах. Уже это вызывает у многих чувство боязни потенциальных возможностей китайских вооруженных сил. А готовиться при этом к реальной войне и воевать вовсе не обязательно!

Конечно, китайская армия — не «бумажный тигр». Но оценивать ее боевые возможности нужно трезво, а не с круглыми от страха глазами. Это не тот тигр, который готовится к прыжку.

Куда ведет «бесконечный путь хитрости»?

Эмиграция — не измена

Рассказывают, что четверть века тому назад во время первого визита канцлера ФРГ Гельмута Коля в Пекин между ним и «отцом китайских реформ» Дэн Сяопином состоялся примечательный разговор. Гельмут Коль попенял руководителю КНР на ограничение свобод человека в Китае. Его пожилой собеседник удивленно спросил, чем же конкретно обеспокоен гость. Коль объяснил, что граждане КНР, к примеру, не имеют права на выезд за пределы своей страны, то есть той свободы, которой в западном мире пользуются все. Китайский реформатор отреагировал мгновенно: «Это не проблема. Пусть руководители западных стран проинформируют нас, сколько миллионов жителей Китая они готовы принять и разместить у себя, а руководство КНР поспособствует их выезду за границу». Немецкий канцлер задумался, а потом сказал, что посоветуется со своими коллегами в других странах. Но никогда впредь ни он, ни кто-либо из руководителей демократических государств Запада больше не поднимал в Китае этот вопрос. Восточная хитрость удалась.

Во всем мире очень хорошо известно, что собой представляет массовая миграция китайского населения.

С позапрошлого века многочисленные потоки эмигрантов из континентального Китая устремились в направлении далеких земель. Тысячи семей, покинувших родину, стали считать своим новым пристанищем города и деревни в Малайзии, Индонезии, на Тайване и даже в далекой Австралии. Они облюбовали многонациональный Сингапур, а потом добрались до западного побережья Североамериканских Соединенных Штатов, где, как и в Австралии, стали обособленно селиться в своих «чайна-таунах».

Трудолюбивые эмигранты из Поднебесной быстро приспособились к заморским условиям и вошли в хозяйственную жизнь чужих стран настолько прочно, что за полторы сотни лет — в течение жизни четырех поколений — взяли под свой контроль значительную часть местной экономики. При этом потомки тех, кто покинул родину и в XIX-м, и в XX-м веке (их сейчас по всему миру живет 200 миллионов), в душе по-прежнему ощущают себя

чистокровными китайцами. Пекин всегда поддерживал эти патриотические чувства и был далек от мысли, что эмиграция из родной страны является изменой родине. Так было даже в лихие годы маоистских «озарений». Через «мост в Китай», а именно так можно перевести иероглифы «хуацяо», то есть «заморские китайцы», или эмигранты, власти КНР принимают немалую экономическую помощь от соотечественников, а «на другом берегу» успешно реализуют свои политические идеи. Как раз в этом специфическом для китайцев явлении весь остальной мир усматривает феномен *«мирной экспансии»* Китая за рубежом.

На заре прошлого века в Европе стало модным изучение только что переведенного с древнекитайского трактата «Искусство войны», автором которого был стратег и мыслитель Сунь Цзы. В этом труде западные, а позже и наши отечественные военные теоретики, политологи и аналитики нашли и распространили в обществе «расшифровку» основ китайской политики из глубины тысячелетий до наших дней. Взгляды на войну и мир государственных мужей до и после Мао стали укладываться в философию стратагемы — *«Только тот, кто умеет применять стратагемы, всегда удержит инициативу в своих руках»*.

Китай, или Срединное государство («Чжунго»), находится в центре земли, оно окружено другими государствами-варварами, с которыми постоянно нужно бороться любыми доступными средствами. Война рассматривается как органически непрерывное течение процессов, начиная с искусной дипломатии и быстрой мобилизации и заканчивая ловким шпионажем. Никогда нельзя забывать о цели воты — сделать так, чтобы свое население процветало и жило в лояльности к правителю. Идеальной победой может стать **подчинение** других государств мирными способами, без вступления в открытые боевые действия. Поэтому нужно проводить хитроумную политику, разрушать союзы противника, подчинять его своей воле. Сунь Цзы подчеркивает, что военные действия — это дорогое занятие, приносящее убыток государству и бедствия народу. Война, если она случится, должна быть быстрой и эффективной. Но лучше всего действовать так, чтобы победа оказалась бескровной. Для этого нужно умело управлять врагом.

В духе китайской военной философии сегодня часто рассматривается бескровное покорение китайцами чужих территорий, лежащих далеко за пределами Срединного государства. Считается, что через многочисленные влиятельные диаспоры Пекин проводит за рубежом ту самую «хитроумную политику», которая подчиняет политических соперников его воле. Это уже в определенной мере касается стран Юго-Восточной Азии, Австралии, США и Европы, где компактно размещены разные по масштабу, но плотно заселенные колонии этнических китайцев. Предполагается, что то же самое ожидает в ближайшем будущем и Россию. Хотя «чайна-тауны» в наших суровых климатических условиях не создаются: Чита — далеко не Сан-Франциско, но уже два десятилетия не иссякает устойчивый поток мигрантов из числа граждан КНР, который направляется в города и сельскую местность Дальнего Востока, Сибири, Урала и Центральной России.

«Китай не там, Китай на нашей стороне»

Сначала я вижу мост, и на мосту сидят все бабы с грибами да ягодами... Только за мостом — вот чудеса-то! — будто Китай. И Китай это не земля, не город, а будто дом такой хороший, и написано на Нем: «Китай». Только из этого Китая выходят не китайцы и не китайки, а выходит Миша и говорит: «Маменька, подите сюда, в Китай!» Вот будто я собираюсь к нему идти, а народ сзади меня кричит: «Не ходи к нему, он обманывает: Китай не там, Китай на нашей стороне». Я обернулась назад, вижу, что Китай на нашей стороне, точно такой же, да еще не один.

А.Н. Островский. Женитьба Бальзамином

В XX веке Россия и Китай прошли в своих отношениях этапы «великой дружбы» и «великой враждебности». Период, начавшийся в 1990-х годах, пожалуй, уместно будет назвать «великой настороженностью».

Китайская миграция в Россию вновь стала особенно болезненной темой с середины 1990-х. Причем миграционная экспансия или просто «нашествие» Китая воспринимались уже как немаловажная часть глобальной «желтой опасности», не исключавшей в перспективе и вооруженного конфликта с отчуждением от России приграничных с Китаем территорий. В общественном мнении выявились антикитайские панические настроения.

Необходимо признать, что ринувшиеся в Россию уроженцы Поднебесной на практике реализовывали известную китайскую стратегию «*грабить во время пожара*», то есть извлекать прибыль из чужих неприятностей. Развал государства позволил расхищать все подряд, и китайцы стали весьма сговорчивыми покупателями награбленного и жульнически приватизированного. В те смутные годы китайцы совершенно уподобились европейским колонизаторам, которые у простодушных американских аборигенов выменивали

золотые слитки на красивые безделушки. Желание российских жуликов получить деньги как можно скорее вполне отвечало устремлениям гостей из Поднебесной. Сотрудник посольства России в Китае Сергей Николаевич Гончаров подчеркивает: «В газетах провинции Хэйлунцзян, граничащей с нашим Дальним Востоком, сообщалось, например, о том, что китайцам удавалось в начале 1990-х годов выменивать три грузовика с картошкой на грузовик с качественной стальной арматурой или же десять грузовиков с кукурузой на новенький пятитонный КамАЗ. Китайские авторы выделяют несколько типов торговцев, предпринимателей и прочей публики, двинувших в Россию под воздействием столь неотразимых аргументов. В современной китайской публицистике, например, достаточно подробно описывается деятельность самых мелких спекулянтов, составивших большинство из устремившихся в Россию китайцев. Начинали они ее с того, что в одном из обычных пекинских магазинов приобретали несколько десятков кожаных курток или пиджаков, несколько десятков пар самых скромных джинсов китайского производства, а также несколько ящиков дешевой, но забористой и пахучей „Водки двойной перегонки" (Эрготоу) крепостью 56 градусов. Сверхзадача состояла в том, чтобы довести все это до российской столицы в поезде „Москва—Пекин", однако зачастую активное, обносившееся и оглодавшее население сметало все подчистую уже где-нибудь на перронах Иркутска, Красноярска или Новосибирска. Один кожаный пиджак, стоивший тогда в Пекине 150 юаней (15 долларов), в Москве продавали за 900 рублей (60 долларов). Таким образом, уже на первом этапе бизнес приносил 400% прибыли. Затем на эти рубли покупались, например, мужские костюмы фабрики „Большевичка", стоившие в Москве 200 рублей (13 долларов) и продававшиеся в Пекине за 300 юаней (30 долларов). Аналогичные сверхвысокие прибыли приносила закупка таких легальных товаров, как командирские наручные часы, бинокли, драповые пальто и оренбургские платки»^[21].

Наверное, каждый россиянин на всю жизнь запомнил возникшие в голодные и сумрачные 1990-е годы китайские «контейнерные рынки», которые появлялись в Москве, Петербурге и практически во всех крупных городах России. На этих рынках можно было купить все что угодно — привезенную «челноками» из Поднебесной продукцию,

чаще всего некачественную и порой просто опасную для здоровья, но зато всегда дешевую. И неважно, что очень симпатичные пуховики были густо облеплены вшами, а женские шубы, сшитые, видимо, из дохлых собак, начинали источать жуткое зловоние после первого снега. Все было «дешево и сердито»... Вероятно, именно в эти годы «великой настороженности» в России было безнадежно подорвано доверие к марке «made in China».

Одичавшая пореформенная Россия охотно отоваривалась на «контейнерных рынках», а китайцы сколачивали на русской нищете целые состояния.

Известно, что массово прибывающие в Москву китайцы даже стали давать столичным гостиницам, где чаще всего останавливаются, собственные имена. Так, «Останкинскую» они именуют «Дунфун», «Молодежную» — «Илинь», «Орленок» — «Олун», «Севастополь» — «Оя», «Космос» — «Юйхан», «Измайлово» — «Женьмень»^[22].

Естественно, все это способствовало созданию у россиян крайне негативного образа гостей с Востока — мелких торговцев и «челноков». К сожалению, от негативных стереотипов страдают чаще всего ни в чем не повинные люди. Например, у всех на слуху была печальная история восемнадцатилетнего скрипача по фамилии Чэнь, который приехал в Москву на конкурс имени Чайковского и накануне выступления был избит толпой болельщиков, бесновавшейся после поражения сборной России в игре с Японией на чемпионате мира.

Постепенно торговля в России стала приобретать цивилизованные черты, началось наступление и на китайские «контейнерные рынки», все чаще происходили милицейские рейды, завершавшиеся конфискацией товара. Китайцы по-прежнему платили милиционерам щедрые взятки, но работать на нелегальных рынках становилось все труднее и опаснее.

Страхи давние и новые

В марте 2009 года у российского посольства в Пекине появилась толпа безработных китайцев. Собравшиеся пытались проникнуть на территорию российского дипломатического представительства и требовали, чтобы им предоставили бесплатные визы в Россию. Как оказалось, в этот день в Пекине кем-то был распространён слух о том, что якобы на Дальнем Востоке россияне предоставляют всем желающим работу и жильё. Вот безработные люди и ринулись к посольству в надежде обрести заработок. Сообщения о митингах пекинских безработных вызвали нешуточную тревогу россиян, напуганных китайской экспансией. Сегодня стоит серьёзно задуматься о том, что, сколь бы парадоксально это ни выглядело, по данным ряда социологических исследований, жители Приморья более дружелюбно относятся к странам Европы, к Японии, Южной Корее, чем к Китаю, на границе с которым живут. Самый близкий сосед — он же самый дальний.

Страху, что китайцы ассимилируют русских и обоснуются по-хозяйски на Дальнем Востоке, уже больше столетия. Антон Павлович Чехов по дороге на Сахалин много общался с живущими в России китайцами и свои впечатления изложил в письме А. С. Суворину из Благовещенска 27 июня 1890 года: «**Китайцы** начинают встречаться с Иркутска, и здесь их больше, чем мух». Чехов даже пророчил, что при таком обилии уроженцев Поднебесной «**китайцы** возьмут у нас Амур — это несомненно». А Дмитрий Мережковский в ужасе перед «китайской угрозой» писал: «Лица у нас еще белые; но под белую кожей уже течет не прежняя густая, алая, арийская, а все более жидкая, „желтая“ кровь, похожая на монгольскую сукровицу; разрез наших глаз прямой, но взор начинает косить, суживаться. И прямой белый свет европейского дня становится косым „желтым“ светом китайского заходящего или японского восходящего солнца».

Во времена путешествия Антона Павловича Чехова китайцы являлись самой дешевой и мобильной рабочей силой на Дальнем Востоке. Они, во-первых, трудились за самую мизерную оплату и довольствовались самыми убогими бытовыми условиями, во-вторых,

были исполнительны и усидчивы, а в-третьих, не страдали алкоголизмом, в отличие от многих русских работников. Естественно, что работодатели чаще всего делали выбор в пользу китайцев, отказывая своим соотечественникам. Это и было главным экономическим обоснованием растущей «желтой угрозы». С подобной проблемой столкнулась Россия и в XXI веке, когда бизнесмену выгоднее принимать на работу «нелегала» из стран «ближнего зарубежья», чем официально трудоустроить русского человека, которому нужно платить достойную зарплату. Точно так же 100 лет назад прибывающие в Россию чаще всего нелегально китайцы составляли конкуренцию русским работникам. Известный общественный деятель, а впоследствии участник Белого движения Спиридон Дионисьевич Меркулов предлагал эффективный способ борьбы с «желтой опасностью» на рынке труда Дальнего Востока: установить для китайцев достаточно высокую минимальную зарплату, ограничить для них продолжительность рабочего дня, навязывать строгое выполнение санитарных норм. И подобная «легализация» мгновенно сделает китайского работника неконкурентоспособным. Однако здравое предложение Меркулова так и не было осуществлено, поскольку многие российские предприниматели были заинтересованы в дешевой рабочей силе из Поднебесной. Китайская диаспора на Дальнем Востоке жила очень замкнуто, и, как отмечает современный исследователь А. Г. Ларин, «характерно, что многочисленные члены диаспоры не испытывали необходимости обращаться к российским властям для решения внутренних проблем. Во всяком случае, китаец никогда не подавал в российский суд иска к китайцу, хотя еще в 1883 году был принят закон о подсудности китайцев российским судам»^[23].

Айгунский трактат между Россией и Китаем в числе прочего разрешал китайцам посещение России с торговыми целями.

И уже в начале 1860-х годов купцы из Айгуниа открыли свои первые лавки в Благовещенске. Некоторые торговые люди из Поднебесной не довольствовались одним Дальним Востоком и устремились в города Центральной России. С 1867 года была установлена практика налогообложения китайских мигрантов, первоначально их обязали покупать «билеты» на ловлю «морской капусты» и вырубку удельного леса. Затем с китайских

предпринимателей стали взимать акцизные сборы, а китайских земледельцев в Приморье обложили поземельным налогом.

В конце 1880-х годов была учреждена четкая процедура въезда китайцев на территорию Российской империи — мигранты из Поднебесной должны были проходить границу в специальных пунктах пропуска, где они получали визу и платили 30 копеек пошлины, обретая право находиться в России в течение месяца. Если китайцу требовалось пробыть в России дольше, ему следовало просить на то разрешение местного начальства, а также получить специальный билет и уплатить 1 рубль 10 копеек за год. Такие правила в 1885 году были учреждены в Приморской области, а в 1886 году — в Амурской. Введение «паспортного налога», который не платили приезжающие из других стран, вызвало недовольство китайских властей^[24].

Отношения русских и китайцев на Дальнем Востоке были омрачены и вооруженными конфликтами. В 1867 году российские власти прекратили нелегальную добычу золота китайскими бандитскими формированиями — «хунхузами» на левобережье Амура у селения Илихэ, а в ответ хунхузы развязали настоящий террор в Приморье, чиня поджоги в российских селах. Разбойничьи банды китайцев были разбиты регулярными войсками.

Огромную роль в китайской колонизации сыграло строительство Уссурийской железной дороги, на строительстве которой в 1891 году было занято около 2 тысяч китайцев.

В конце XIX века в России появляются первые «чайна-тауны». Так, в 1893 году во Владивостоке многие китайцы и корейцы были переселены в специально для них построенный квартал.

После поражения России в войне с Японией русское население Дальнего Востока стало чувствовать себя неуверенно и открыто заговорило о «желтой опасности» — уже со стороны Китая. Приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер доносил в Санкт-Петербург, что, по его мнению, «переоценка своих сил может побудить Китай под давлением Японии сделать необдуманый шаг, который вовлечет его в столкновение с нами». «Желтая опасность» также была связана с тем, что китайцы нещадно эксплуатировали природные ресурсы Дальнего Востока — промышляли в тайге охотой, звероловством, сбором женьшеня, организовывали добычу пушного зверя в Уссурийском крае. На китайских хозяев вынуждены были

работать многие русские охотники. Приамурский генерал-губернатор Н. Гондатти в 1912 году в докладной записке премьер-министру В. Н. Коковцову писал, что в Приамурье гости из Поднебесной *«дают полную волю своим алчным инстинктам»* — приучают местное население к опиуму, втридорога продают некачественные товары из Китая, а торгуя в кредит, заламывают бешеные проценты, приводя людей к полному разорению и порой голодной смерти.

Новый виток массового «пришествия китайцев» начался в годы Первой мировой войны, когда в России резко возрос спрос на рабочую силу. Совет министров Российской империи даже вынужден был отменить существовавший тогда запрет принимать иностранцев на казенные работы. В Китае началась активная вербовка для России. С января 1915 года по апрель 1917-го по железным дорогам в Россию было ввезено 159 972 китайских рабочих. Их приток был прекращен Временным правительством уже после Февральской революции. А тем временем из-за начавшейся разрухи на транспорте китайцы лишились возможности вернуться домой, и большинство из них осталось без работы, жилья и средств к существованию. Положение усугублялось еще и тем, что далеко не все китайцы знали русский язык. Уже советская власть в мае 1919 года сумела эвакуировать назад в Поднебесную порядка 40 тысяч китайцев.

Впоследствии и советской власти довелось заниматься привлечением китайской рабочей силы. 2 марта 1928 года на заседании Совета труда и обороны было принято постановление об организованном ввозе 2 тысяч корейских и китайских рабочих для золотопромышленности Дальнего Востока. Однако советско-китайский конфликт лета 1929 года, чему послужило нарушение Китаем договоренности о совместном управлении Китайско-Восточной железной дорогой, осложнил дальнейший ввоз китайской рабочей силы в Советский Союз. Трудовая миграция в СССР вновь стала возможна после образования Китайской Народной Республики. 17 января 1955 года Совет Министров СССР принял постановление «О наборе в Китайской Народной Республике рабочих для участия в коммунистическом строительстве и трудовом обучении в СССР». Организацией вербовки занималось Главное управление трудовых резервов, в составе которого даже возникло отдельное управление по набору китайских рабочих. Мигрантов планировали направить в 22

региона страны, в том числе на стройки Иркутской, Читинской, Кемеровской, Томской и других областей. В Москве было решено, что на китайских рабочих распространяется трудовое законодательство СССР, социальное страхование, пенсионное обеспечение и бесплатное медицинское обслуживание. Перед выездом в Советский Союз рабочим решено было выплатить единовременную безвозмездную ссуду в 200 тысяч юаней. В числе прочих, китайских рабочих принял городок Усолье-Сибирское, куда из Поднебесной прибыло 400 человек. Китайцы трудились на строительстве жилья и промышленных объектов^[25]. Однако условия их проживания оказались не самыми благоприятными — во-первых, из-за бытовой неустроенности, а во-вторых, из-за настороженного или порой враждебного отношения местного населения, которое отнюдь не горело желанием на практике реализовывать политический постулат знаменитой песни «Москва—Пекин», где пафосно звучало: «*Русский с китайцем братья навек*». Братские узы, однако, не ощущались.

Не только Россия испытывала страх перед китайской экспансией. Востоковед Александр Лукин свидетельствует: «Идея о „желтой угрозе“, вызвавшая стремление к ограничению китайской иммиграции... возникла не в России. В Германии в своих высказываниях и письмах (в том числе к Николаю II) к ней постоянно обращался кайзер Вильгельм, и она практически стала идеологической основой дальнейшей политики этой страны после Японо-китайской войны 1894-1895 годов. Примерно в то же время во многих странах мира распространяется страх перед массовой китайской иммиграцией, порождаемой ростом численности низкооплачиваемых китайских рабочих. В 1900 году на западе США жило более 100 тысяч китайцев. В этой стране вопрос об ограничении китайской иммиграции стал одной из важных предвыборных тем. В 1882 году право въезда китайских рабочих в страну было приостановлено. В 1888 году президент Г. Кливленд объявил, что китайцы — „элемент, невежественный относительно нашей конституции и законов, не поддающийся ассимиляции нашим народом и опасный для нашего мира и благоденствия"»^[26]. Как известно, за свою историю Соединенные Штаты Америки приняли мигрантов больше, чем любая другая страна в мире. Ограничение на въезд азиатов стало сокрушительным ударом по прекрасному мифу об Америке, которая

радушно принимает выходцев из всех стран и становится новой родиной для каждого странника, откуда бы он ни был родом.

В России также предпринимались меры по ограничению китайского присутствия в регионе Дальнего Востока. В частности, именно на это был направлен установленный в 1892 году запрет на приобретение иностранцами земли в Приамурье и Приморье. Однако главные меры, на которые шло царское правительство для ограничения «китайского присутствия», находились в сфере регулирования миграционных процессов. Прежде всего здесь необходимо упомянуть генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьева-Амурского, заключившего в 1858 году с Китаем знаменитый Айгунский трактат, по которому Амур до самого устья стал государственной границей России с Китаем. Россия получила в свое владение огромный массив Приамурских территорий, и колонизация этих земель, их интеграция в имперское пространство России стала основной задачей генерал-губернатора. Действовал он порой весьма радикальными мерами — однажды распорядился выстроить штрафных солдат, высланных из России на Амур, попарно с забайкальскими крестьянскими девушками и тут же обвенчать их, поскольку для заселения Приамурья нужны были семьи, а не холостяки. Самый надежный способ колонизации Муравьев-Амурский видел в вольном крестьянском переселении, и в составленном им лично проекте правил для переселения в Амурский край он предлагал, чтобы «зашедшие в эти области крепостные люди становились свободными». Однако эти планы не нашли поддержки в столице. Тем не менее усилиями Муравьева-Амурского в течение 1855-1862 годов сюда было переселено порядка 17 тысяч человек. Уже после смерти Муравьева-Амурского он был воспет такими стихотворными строками:

Умом и волею могучей
Нашел Востока ты предел
И сквозь веков немые тучи
Величье россов проглядел.
Ты там, на грани отдаленной,
Родное знамя водрузил.
Заветной мыслью вдохновленный

Великий план осуществил.
Твоим гонимы обаяньем,
Народы шли с родной земли,
С надеждой смелой, упованьем
В твой край бестрепетно пришли.

Второй этап российской колонизации Дальнего Востока был связан с реформами Петра Аркадьевича Столыпина. Переселенческая политика Столыпина привела к более впечатляющим результатам, чем те, которых в свое время сумел добиться Муравьев-Амурский. В 1908 году, выступая перед депутатами Государственной думы, Столыпин говорил: « Отдаленная наша суровая окраина вместе с тем богата, богата золотом, богата лесом, богата пушниной, богата громадными пространствами земли, годными для культуры. И при таких обстоятельствах, господа, при наличии государства густонаселенного, соседнего нам, эта окраина не останется пустынной. В нее прососется чужестранец, если раньше туда не придет русский...» В те же годы генерал Алексей Николаевич Куропаткин писал, что **«если бы упразднить русско-китайскую границу и допустить свободное передвижение в Сибири китайцев на равных с русскими правах — сибирские местности могли бы в короткое время окитаиться»**. Своей переселенческой политикой Столыпин не только решал проблему крестьянского малоземелья и развивал частную собственность на землю, но и обживал отдаленные регионы страны, делал их по-настоящему русскими. Всего с 1900 по 1908 год на Дальний Восток переехало 172 тысячи крестьян из европейских губерний России.

Здесь была Россия

К концу XX века перед Россией вновь встала проблема колонизации Дальнего Востока, на территорию которого, словами Столыпина, *«просасывается чужестранец»*. Директор Института политического и военного анализа Александр Шаравин полагает, что *«вся беда в том, что большая часть... иммигрантов прибывает к нам незаконно. Эта миграция осуществляется просто подпольно. Эта нелегальная миграция ведет к росту преступности. По крайней мере, они не платят налогов. Значит, не работают на наше государство, а подкармливают чиновников, коррупционеров. Это база для коррупции, преступности, и это идет нам во вред...»*^[27] В 2009 году британская газета «Гардиан» писала: *«Дальний Восток всегда был наиболее уязвимой с военной точки зрения частью разраставшейся империи России, являющейся самой большой в мире страной. Он находится в 6100 километрах (3800 миль) и в восьми часах лета от Москвы, и живет там всего 6,5 миллиона российских граждан. А рядом, на противоположном берегу Амура, в северо-восточной части Китая проживает 107 миллионов китайцев. В условиях такого демографического дисбаланса в российском воображении возникает первобытный страх по поводу того, что Китай со временем попытается отнять не уступающий по размерам Европе российский Дальний Восток, богатый природными ресурсами, лесом, углем и рыбой»*^[28].

Китайцы никогда не признавались и, разумеется, открыто не признаются в стремлении осваивать дальневосточные территории, даже в том случае, если такие устремления имели бы место. Наоборот, китайская сторона всячески подчеркивает, что заселение российских регионов никак не отвечает ее перспективной политике. На сей счет известный российский историк-китаист Сергей Тихвинский свидетельствует: *«Многие китайские собеседники... выражают глубокое удивление в связи с распространенностью в России, особенно на Дальнем Востоке, убеждения в наличии угрозы со стороны КНР. В свою очередь, российские туристы, во все возрастающем количестве посещающие пограничный китайский город Хэйхэ, откровенно недоумевают, почему в местном краеведческом музее развернута*

постоянная экспозиция, трактующая всю прошлую историю российско-китайских отношений отнюдь не в духе добрососедства, а как непрерывную цепь агрессивных актов России, направленных на захват китайских земель»^[29].

То, что китайская сторона порой умышленно провоцирует россиян на китаефобию, — факт тоже, к сожалению, очевидный. В Китае достаточно много идеологов, пытающихся толкнуть своих соотечественников к пересмотру российско-китайских границ и возобновлению дискуссий о территориальных претензиях Поднебесной. О самых вопиющих провокациях рассказывает Андрей Куминов в книге «Китай — надвигается война?»: «Еще в 1953 году в Китае вышла книга „Краткая история современного Китая“ с картами, в соответствии с которыми китайскими являются территории Вьетнама, Кампучии, Тайваня, Монголии, Тибета, части Индии, Казахстана, Приамурья, Уссурийского края — границы в их значении гипотетического максимума влияния Цинской империи XVIII века. В 1978 году увидели свет два тома „Истории агрессии царской России в Китае“... [...] Вышедший в 2002 году в Шанхае учебник по истории для восьмого класса содержит карты «захватов», произведенных царской Россией, служит целям закрепления... мысли китайской интеллигенции, трактующей исторические события в форме необходимого „возвращения“, а по сути захвата российских территорий, у подрастающего поколения китайской молодежи...»^[30]

Население европейской России испытало неподдельный шок, когда в 2006 году в средствах массовой информации были обнародованы данные, согласно которым стало известно, что многие россияне, живущие на Дальнем Востоке, переводят свои накопления не в доллары и евро, а в юани!^[31] Они уже словно бы чувствуют себя китайскими гражданами: до Москвы лететь далеко, а Поднебесная — вот она, под боком.

Миф о «китайском Дальнем Востоке» все еще не теряет своей актуальности. Однако совершенно очевидно, что бояться нужно не китайской угрозы, а вымирания русского населения, превращения российских городов и сел в пустыню. Ужесточением миграционной политики проблему Дальнего Востока не решить.

В конце 2009 года в России была утверждена Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского

региона на период до 2025 года. Сегодня на нее возлагаются большие надежды. Думается, самое важное в этой Стратегии — меры укрепления демографической политики. Дело ведь в том, что китайская экспансия (реальная или мифическая) — не причина, а следствие главной нашей проблемы — демографического дисбаланса.

Самый эффективный способ противостоять «желтой угрозе» — вести грамотную миграционную политику, всеми силами государства стимулировать переселение на осиротевший Дальний Восток, как это мудро и дальновидно делал Петр Аркадьевич Столыпин. Давайте вспомним его опыт!

Сегодня, как и 100 лет назад, мысли о «ползучей экспансии» китайцев в богатые природными ресурсами, но слабозаселенные регионы России беспокоят многих. Известный политик, представитель Российской Федерации при Организации Североатлантического договора (НАТО) Дмитрий Рогозин прямо предупреждает: «Достаточно переселить на российский Дальний Восток один процент населения Китайской Народной Республики, и со стратегическими запасами нефти, газа, водных и минеральных ресурсов, а затем и со своей территорией можно будет распрощаться»^[32]. По-прежнему распространено мнение о том, что наш великий восточный сосед может скоро получить контроль над стратегически важными районами, лежащими к северу от «Реки Черного дракона», то есть Амура. Он получит доступ к сырьевой базе и заселит безлюдные края «лицами ханьской национальности». А дальше будет поступать в соответствии с идеями Сунь Цзы, считавшего, что длительный контроль над запланированным к покорению пространством чужой страны, которое лежит за пределами собственных границ, в конце концов приведет к переносу этих границ. Жизнь на востоке России тогда пойдет исключительно по китайским правилам.

Чтобы понять, так ли все сегодня обстоит на самом деле, необходимо проанализировать феномен миграции граждан КНР. Теоретическим исследованием этого вопроса у себя на родине занимается профессор Хоу Вэнчжу. С его точки зрения, в новейшие времена организованный экспорт рабочей силы начался в Китае в 1977 году и получил довольно быстрое развитие по сравнению с другими странами, экспортирующими рабочую силу. За последующие 10 лет

среднегодовой рост экспорта намного превзошел показатели Филиппин, Индонезии и Таиланда. В 1990-х годах по мере ускорения реализации политики реформ темпы роста экспорта китайской рабочей силы значительно увеличились.

Профессор Хоу Вэнчжу делит своих соотечественников-мигрантов на пять категорий:

- работники, занятые за рубежом в соответствии с международными трудовыми контрактами, заключенными между китайским правительством или китайскими фирмами, с одной стороны, и иностранными правительствами, фирмами и физическими лицами — с другой;

- работники, занятые за рубежом в соответствии с контрактами на выполнение международных проектов, заключенными между китайскими и иностранными фирмами на основании международных тендеров;

- эксперты и квалифицированные рабочие, такие как менеджеры, техники и наставники, работающие в китайских зарубежных фирмах;

- работники, нанимаемые иностранцами на китайской территории;

- индивидуалы, работающие за рубежом с помощью государственных агентов.

К началу XXI века по международным трудовым контрактам ежегодно за рубеж выезжало уже более 300 тысяч китайских граждан, а общая стоимость контрактов приближалась к 16 миллиардам долларов. Китайцы за границей заняты в разных сферах трудовой деятельности, но прежде всего в строительстве. Профессор Хоу Вэнчжу не приводит данных на сегодняшний день, но даже цифра двадцатилетней давности вполне впечатляет. За период с 1986 по 1990 год граждане КНР, работавшие по контрактам за рубежом, заработали в общей сложности 168 миллиардов долларов.

Для того чтобы расширить экспорт рабочей силы и поддержать китайских граждан, работающих за рубежом, Госсовет КНР поручил Министерству экономики и торговли вести кооперацией услуг, оказываемых зарубежным работникам, включая установление связей на правительственном уровне, и уполномочил Министерство труда взять на себя заботу по защите законных прав и интересов работающих за рубежом. Были приняты соответствующие законы. В соответствии с ними контракты должны заключаться между

работниками и посредническими фирмами. Соглашение должно основываться на принципах равенства, свободного волеизъявления и переговоров. Содержание соглашения обычно определяет условия труда, продолжительность рабочего дня, заработную плату, права и обязанности. Трудовые мигранты должны соблюдать законные условия занятости, установленные принимающей страной. В период занятости работники обязаны следовать законам принимающего государства. Посреднические фирмы несут ответственность за нарушение названных законов работниками, которых они набрали.

Китайские фирмы поощряют организованный экспорт работников во все страны и регионы, где, по их данным, есть такая потребность. Особое место в этом вопросе отводится России, чья огромная территория нуждается в развитии. По оценке Хоу Вэнчжу, ей более всего требуются овощеводы, лесорубы, строители, специалисты по китайской медицине. Киргизстану, Казахстану, Таджикистану и Монголии также требуется рабочая сила из Китая. Германия, Япония и США заинтересованы в экспорте китайских программистов. Профессор утверждает, что китайское правительство пресекает любые формы несанкционированной внешней миграции, включая как незаконную иммиграцию, так и незаконную эмиграцию.

В 2007 году в Пекине прошел XVII съезд Коммунистической партии Китая, на котором руководители страны по традиции приняли программу действий на последующую пятилетку. Одна из целей этой программы обозначена как увеличение открытости Китая внешнему миру вширь и вглубь. Эта цель подразумевает следующие шаги:

- продолжение политики создания зон свободной торговли внутри страны;

- формирование устойчивой цепи: поиск источников сырья за рубежом — переработка его собственной рабочей силой в Китае — реализация готовой продукции за рубежом;

- развертывание зон торгово-экономического сотрудничества в зарубежных странах (они уже действуют в странах Африки, на очереди Азия);

- расширение экспорта китайских трудовых ресурсов. Именно эти направления политики КНР многие китаеведы

склонны рассматривать как проявление экономической экспансии. В частности, в отношении России, где год от года растут масштабы

проникновения китайского бизнеса во внутреннюю экономику. Нередко можно слышать, что территория Восточной Сибири и Дальнего Востока превращается в источник энергоносителей и сырья для Поднебесной. Из лежащих в недрах этих территорий природных запасов наши соседи легко обеспечат себя железом, оловом, золотом, редкоземельными металлами и другим сырьем. Переработка будет осуществляться на предприятиях с китайским персоналом. Они могут быть созданы и на нашей территории, где количество иностранной рабочей силы множится год от года.

Для подтверждения самых мрачных прогнозов приводятся факты хищнических действий китайских бизнесменов, получивших доступ к лесному фонду России, представляется весьма мрачная перспектива выкачивания сибирской нефти в результате заключенных в прошлом году межправительственных соглашений о сотрудничестве в энергетической сфере.

Один из ведущих российских китаеведов полковник разведки Андрей Девятое — не сторонник столь радикальных взглядов. При этом, в отличие от ряда теоретиков, которые берутся за тему о Китае от случая к случаю, в зависимости от конъюнктуры, он изучает нашего соседа постоянно на протяжении уже 40 лет. Девятое много времени работал в этой стране, глубоко знает реалии, традиции и нравы китайцев. Его взвешенные оценки нередко идут вразрез с однобокими суждениями о фатальности китайской угрозы для российского государства. В частности, Девятое считает, что у китайского руководства нет стратегии возвращения Приамурья и Приморья, которые отошли к России по Айгунскому и Пекинскому договорам XIX века.

Да, в 1964 году в запале спора с руководством КПСС Мао Цзэдун озвучивал стратегический территориальный счет к Советскому Союзу на полтора миллиона квадратных километров, «несправедливо отторгнутых у Китая». Да, в период советско-китайского вооруженного противостояния нашим военным подбрасывались «секретные» карты, где часть Сибири и Дальнего Востока были обозначены как территории Китая. Но тогда наши страны враждовали и карта использовалась в качестве психологического оружия. Если же взять обычный географический атлас, изданный в Пекине в середине 1980-х годов, тоже в непростое время отношений между нашими

странами, то там и намека нет на то, что китайцы считают соседние земли своими. В то время как некоторые иные страны не стесняются изображать на картах российские территории спорными и перекрашивают своим цветом. К тому же между Российской Федерацией и КНР заключен договор о государственной границе, и Китай четко соблюдает международные соглашения.

Вместе с тем, несмотря на отсутствие у китайского руководства планов «мирного или немирного» захвата наших земель, стратегические интересы Китая на соседних российских территориях несомненно присутствуют.

Растущая экономика огромной страны нуждается в подпитке сырьем, которого маловато в пределах собственных границ, поэтому для Китая естественно строить расчет на то, чтобы запасы энергоносителей, руд и прочих ресурсов из сибирских недр не уходили «на сторону», а были ориентированы на экспорт в Поднебесную. Убедить Москву поступить именно так -* это и есть политика «бесконечной хитрости» Пекина. Так же как и практика экспорта рабочей силы.

По официальной статистике КНР, сегодня в России работает около 30 тысяч китайцев, которые заняты главным образом на строительных и сельскохозяйственных объектах в областях и краях Дальнего Востока, Сибири и европейской части страны. Срок их пребывания регламентирован — не более трех лет, ведь, по заявлениям правительства Китая, оно не собирается бороться с перенаселенностью своих регионов за счет других стран. **Неофициально же количество граждан Поднебесной в холодной России оценивается разными источниками от 200 тысяч до полумиллиона.** Причем российские пограничники утверждают, что каждый год численность китайцев увеличивается на несколько тысяч. Не исключено, что какая-то часть легально въехавших не покидает пределы Российской Федерации в назначенный срок. В указанное количество включены как рабочие, так и торговцы, студенты, бизнесмены.

Самое сложная ситуация с китайскими мигрантами сейчас сложилась на Дальнем Востоке, где российское население уменьшается, а количество приезжих из-за Амура растет. К тому же в сложные 1990-е годы этот регион попал в зависимость от импорта

китайских товаров, поэтому волей-неволей властям приходится рассчитывать на Китай, в противовес угрозе экономического коллапса.

Программа сотрудничества российских субъектов федерации с провинциями северо-востока КНР («Дунбэй») до 2018 года предусматривает строительство совместных предприятий в России. Китай требует использовать на них свою рабочую силу. В связи с дефицитом трудовых ресурсов в нашей стране отказываться от китайских работников нельзя, но предпочтение должно отдаваться россиянам. В сложившемся на сегодняшний день удручающем положении самая главная ответственность лежит на федеральных и местных властях, непродуманные действия которых уже привели к изоляции наших дальневосточных рубежей. Местным властям следует наводить порядок, не откладывая в долгий ящик. Иначе доброхоты из «Дунбэя» наведут здесь порядок по-своему.

Обеспокоенность тем, что китайские «гастарбайтеры» могут занять рабочие места коренных жителей, растет не только в России. Такие же проблемы сегодня решают власти Индии и Вьетнама, где наплыв трудовых мигрантов намного превышает масштабы китайского присутствия в России. В этих странах вводятся более строгие правила, регламентирующие въезд граждан КНР, ограничиваются возможности иностранных компаний по найму «чужаков». Мощные китайские промышленные фирмы часто побеждают в тендерах на право строить в других странах заводы, электростанции, железные и шоссейные дороги, после чего в страну въезжают сотни китайских рабочих.

Во Вьетнаме, который 30 лет тому назад уже изгонял со своей территории этнических китайцев, сейчас снова образовались целые китайские поселения. Это вызывает серьезное недовольство и вьетнамских политиков, и местных бизнесменов. А в островном королевстве Тонга два года назад аборигены, возмущенные тем, что китайские пришельцы заволокли остров, сожгли и разграбили несколько десятков китайских магазинов. Россиянам следует принять во внимание эти «тревожные сигналы».

Не всем известен тот факт, что в конце 1930-х годов на территории советского Приморья и Приамурья тоже проводилась депортация китайского населения, проживавшего там компактно с начала XX века. Двадцать лет назад, в 1989 году, Верховный Совет СССР принял декларацию о признании незаконными и преступными

репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению. В связи с этим чаще всего принято вспоминать о депортации поволжских немцев, чеченцев, крымских татар, калмыков в годы Великой Отечественной войны. Но в действительности же мероприятия по депортации начались раньше и не на западе страны, а у дальневосточных границ.

В 1930-х годах Япония оккупировала северо-восточную часть Китая и образовала там марионеточное государство Маньчжоу-Го. Его территория использовалась японцами в качестве плацдарма для подготовки нападения на СССР. Советско-японские вооруженные столкновения в 1938-1939 годах у озера Хасан на юге Приморья и у реки Халхин-Гол на востоке Монголии показали, что самураи всерьез готовятся к захвату дальневосточных земель Советского Союза.

Для подготовки боевых мероприятий они активно использовали агентурную разведку. Натренированных офицерами Квантунской армии агентов десятками перебрасывали на советскую территорию, многие из них оседали на жительство возле военных гарнизонов, аэродромов и военно-морских объектов в Хабаровске, Благовещенске, Владивостоке и других населенных пунктах. Борьбой с ними занимались советские пограничники и органы контрразведки. По сегодняшний день одним из самых известных пограничников в нашей стране является Никита Карацупа, служивший с 1933 года на заставе «Полтавка» Гродековского погранотряда Тихоокеанского пограничного округа. Ему удалось задержать или уничтожить не одну сотню японских шпионов и диверсантов. Многие из них были этническими китайцами и корейцами.

Обстановка в областях и краях советского Дальнего Востока в 1930-х годах была очень тревожная. Ни у кого не вызвало удивления событие, произошедшее 23 апреля 1937 года. В тот день газета «Правда» выступила со статьей, разоблачающей японский шпионаж на Дальнем Востоке. В статье сообщалось, что агентами японцев, как правило, были китайцы и корейцы.

21 августа 1937 года вышло Постановление Совета Народных Комиссаров СССР «О выселении корейского населения пограничных районов Дальневосточного края». Органам НКВД предписывалось немедленно приступить к мероприятиям по выселению, завершить всю операцию предусматривалось к 1 января 1938 года. За два месяца

к 25 октября 1937 года было выселено 36 442 корейских хозяйства, то есть 171 781 человек. Вместе с корейцами депортации подверглись тысячи русских репатриантов из Харбина и натуральных китайцев. Под одну гребенку «причесали» и проживавших в тех краях немцев, поляков и прибалтов.

В считанные дни опустели процветавшие корейские деревни и целые городские районы. Исполнительные подчиненные полпреда НКВД по Дальнему Востоку Генриха Люшкова, летом 1937-го расправившиеся с «врагом народа», «троцкистским прихвостнем» комиссаром госбезопасности 1-го ранга Терентием Дерибасом — предшественником Люшкова — и его окружением, взялись за «врага внешнего». Китайские семьи проживали колониями: во Владивостоке — в старой части города в районе Пекинской улицы, в Хабаровске — на Казачьей горе и в слободке за железнодорожным вокзалом, много их было в селах Манзовка, Сучан, Бикин и прочих местах привольного таежного края. После операции НКВД там долго было безлюдно.

* * *

ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦА

Некоторые потомки депортированных китайцев официально возвратились в СССР в 1950-1960-х годах. Один из них позже вспоминал, что он родился во Владивостоке в 1936 году. Его мать была русской, выросшей в Харбине, а отец — китайцем, работавшим на объектах КВЖД в северо-восточном Китае. В Советский Союз они приехали официально в конце 1920-х годов, когда обстановка вокруг КВЖД начала накаляться из-за провокационных действий китайских властей. В семье кроме него были еще старшие братья.

По рассказам своего отца он знал, что осенью 1937 года во Владивостоке к ним в квартиру пришли работники милиции, потребовали срочно собрать необходимые вещи и быть готовыми к отъезду в Китай. Немного погодя всю их семью с маленькими детьми и нехитрым скарбом отвели на вокзал, который находился неподалеку. Там уже были

собраны сотни владивостокских китайцев. Всех погрузили в длинный эшелон, состоявший из вагонов-теплушек, и повезли в неизвестном направлении.

Сперва по эшелону ходили слухи, что в Китай отправят морскими судами, потом решили, что их погрузят на баржи и по Амуру и Сунгари повезут до Харбина. Однако паровозы тянули составы с Дальнего Востока по Транссибу все дальше и дальше в глубь страны. Через две-три недели они остановились в теплой для осеннего времени Алма-Ате. Ехавших вместе с китайцами корейцев собрали вместе и пешими колоннами погнали в казахские степи, которые им предстояло обживать. Позже, в 1970-х годах, корейские поселения в тех местах превратились в колхозы-миллионеры — гордость советской овощеводческой отрасли.

Китайские семьи посадили на подводы или грузовики и повезли под воинской охраной дальше на юг. На линии государственной границы, которая отделяла СССР от китайской провинции Синьцзян, переселенцев высадили. Советские пограничники показали им направление движения по автодороге Сары-Озек — Ланьчжоу и, примкнув штыки, потребовали покинуть территорию Советского Союза. Дальше до города Урумчи пришлось идти пешком.

Дорогу пережили не все. В семье рассказчика заболела мать, которая умерла через некоторое время после прихода в Урумчи, одновременно с ней умер средний брат. Отцу, оставшемуся с двумя детьми на руках, удалось выжить. После освобождения Харбина от японцев в 1945 году оставшиеся родственники возвратились в Харбин. Старший брат завел свою семью и остался в этом городе на всю жизнь. Младший в возрасте двадцати лет начал ходатайствовать об отъезде в СССР на постоянное место жительства. В 1962 году его желание было удовлетворено, ему разрешили жить сначала в Казахстане, а позже при восстановлении советского гражданства — в любом месте страны.

(Илья Дроканов. Воспоминания)

В советские времена примеры такого возвращения были единичными случаями. Китайцев на Дальнем Востоке проживало очень мало. В период обострения советско-китайских отношений за тем, чтобы представители титульной нации соседнего государства бесконтрольно не появлялись в местах у государственной границы, бдительно следили органы КГБ и МВД СССР. Некоторые города, например Владивосток и Благовещенск, имели статус закрытых населенных пунктов, куда обычные граждане СССР могли въезжать и оставаться на жительство лишь по специальным разрешениям контрольных органов.

Но в конце 1980-х годов ситуация заметно изменилась: статус закрытых городов отменили, контроль за прибытием иностранцев в страну ослабили. Жители провинций, лежащих за Амуром, по безвизовому обмену охотно поехали в Хабаровский и Приморский края, в Амурскую область торговать, ремесленничать и обрабатывать пустующие земли.

* * *

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА

Стоя на линии **границы** в районе озера Хасан, странно видеть единую территорию, не разделенную хребтами или водными преградами. Там всего лишь проведена условная линия границы, карандашом по карте. Но взгляд цепляется за бесконечные необработанные, заросшие бурьяном и покрытые пятнышками девственных озер земли по нашу сторону границы. И тут же у китайских соседей — возделанные, без единого «дикого клочка» сплошные поля и рисовые чеки.

(Илья Дроканов. Воспоминания)

* * *

Домой в Китай они возвращаться не торопились. Пользуясь тем, что власти новой России сквозь пальцы смотрели на бесконтрольную

«китаизацию», граждане соседней страны стали обживать на новых местах. Нередким явлением стало образование смешанных браков, особенно в русских селах. Русские женщины, как правило, радушно относятся к холостым пришельцам: китайцы не пьют, любят семью, несут деньги в дом. А дети у русских женщин рождаются китайцами: ассимиляция — извечный китайский «путь хитрости». Известный китаист Аркадий Жемчугов пишет: «Китайская кровь, как выяснилось, практически не знает себе равных. Генетически от любого кровосмешения китайца с иностранцем рождается китаец. Даже если один из партнеров негр, все равно получается китаец. Вот и иудеи не признают евреями детей, у которых кто-то из родителей китайских кровей»^[33]. Китайская кровь «пересиливает» любую другую, то есть в конкуренции народов китайцы обладают генетическим преимуществом. К сожалению, и в России, и в странах европейской демократии наложено табу на серьезное обсуждение проблем кровосмешения. Стоит начать серьезно заниматься этой темой, как тут же начинают звучать обвинения в «фашизме» и «расизме». В итоге получается, что на темы расовых смешений говорят только маргиналы и диссиденты-националисты, которые не боятся бросить вызов общественному мнению. Расовая тема отдана «на откуп» экстремистам. Это весьма печально, ведь замалчивание «неудобных» проблем делает их особенно взрывоопасными. Между тем признать такое генетическое качество китайского народа, как способность полностью доминировать при смешанных браках, необходимо иметь в виду руководству любой страны при выработке своей национальной политики. По сути, речь идет о признании факта, который является очевидным.

В XIX веке философ Владимир Соловьев предсказал, что настанет день, когда каждый из нас обнаружит у себя под кроватью китайца. Похоже, пророчество начинает сбываться.

Впрочем, в России уже происходят события, когда на пути «китаизации» наших городов встают барьеры в виде конкретных действий официальных властей. В 2009 году резонансным событием стало закрытие Черкизовского рынка в Москве. На печально известном «Черкизоне» китайский бизнес чувствовал себя так же привольно, как в родных городах Поднебесной. Деловой и «околоделовой» люд с паспортами граждан КНР был вынужден резко свернуть свою

активность, шедшую вразрез с российским законодательством. Китайские потери в результате внезапной операции московской мэрии составили, по оценке Андрея Девятова, примерно 15 миллиардов долларов. К премьер-министру России Владимиру Путину за поддержкой приезжали представители китайских министерств экономического блока. Но проявление силы в Китае привыкли уважать. Новый пример: в феврале 2010 года Министерство коммерции КНР выразило озабоченность в связи с возможным закрытием другого московского рынка — Измайловского, на территории которого стоит более шести тысяч контейнеров с товарами китайских производителей стоимостью почти 2 миллиарда долларов. Причина закрытия Измайловского рынка — нарушение правил таможенного оформления.

Во второй российской столице — Санкт-Петербурге — также намечается некоторое отступление китайцев. Китайская экономическая «экспансия» в Питере, о которой много говорилось в наших СМИ несколько лет назад, стала заметно сходить на нет. В широко разрекламированном проекте строительства квартала «Балтийская жемчужина» в конце прошлого года появились новые нюансы. Китайские инвесторы готовы отдать долю петербургским строителям: есть намерение привлечь в проект первого стороннего инвестора — ЗАО «Строительный трест». Эта компания может изменить свой статус — из подрядчика стать инвестором. Причина, очевидно, кроется в появлении у китайских партнеров экономических проблем. К привлечению соинвесторов китайских «товарищей» вынуждает низкий объем продаж построенных квартир в жилом комплексе. Петербургские строители, которые сами давно претендовали на участок, отданный под проект «Балтийская жемчужина» их коллегам из Шанхая, скорее всего, постараются отбить у китайцев этот «лакомый кусок».

В тех регионах России, которые лежат к востоку от Уральского хребта, китайцы чувствуют себя более уверенно. Там бизнесмены из КНР действуют теми же методами, что и европейские колонизаторы на заре колониализма в Азии и Африке. В структуре российского экспорта в КНР можно выделить два основных блока — это поставки энергоносителей, которые осуществляются крупными государственными или связанными с государством предприятиями, и

поставки лесоматериалов, которые хотя и ведутся мелкими фирмами, но фактически контролируются местными администрациями субъектов федерации. В сумме они дали 68% российского экспорта в Китай в 2008 году. О том, каким образом китайские «купцы» вывозят к себе на родину лесное богатство России, пишет Вячеслав Чубаров в статье «**Эпоха развитого колониализма**»:

* * *

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА

В сфере лесного экспорта российское правительство попыталось изменить ситуацию: в 2007 году оно приняло решение о запретительных пошлинах на экспорт необработанного леса. Планировалось, что вводиться они будут постепенно: 10 евро за кубометр с 1 июля 2007 года, 15 евро — с 1 апреля 2008-го, 30 евро — с января 2009-го и, наконец, 50 евро — с января 2011 года. По замыслу разработчиков плана это должно было уменьшить вывоз необработанного леса и дополнительно мотивировать переработку леса внутри страны. Однако и в 2008-м, и в 2009 годах российское правительство специальными решениями отложило введение запретительных пошлин на неопределенный срок.

Основной удар нововведения должны были нанести именно по экспорту древесины в КНР, так как он составляет 60% всего экспорта леса из РФ. Однако эффект получился противоположный: лесопромышленники, стремясь свести к минимуму потери от обещанных высоких пошлин, резко увеличили заготовку леса и его вывоз в Китай. Ни о каком развитии деревообрабатывающей промышленности речь и не шла, тем более что новые пошлины не стимулировали первичную обработку древесины, при вывозе такого материала платежи оказались аналогичными. Вообще лицензии на вырубку выдавались лесничествами, которые получали неплохие деньги на развитие лесного хозяйства. Но разрешенные объемы заготовки практически всегда превышались, на что местные власти, как правило, смотрели сквозь пальцы. Лесорубы валили лес и в заповедных, и в природоохранных городских зонах и, понятно, не щадили деревья редких видов.

При этом нарушители действуют практически безнаказанно. Так, в первой половине 2009 года в Хабаровском крае было заведено почти 100 уголовных дел за незаконную вырубку леса, однако осуждены по ним были лишь 15 человек, и все они получили условные сроки. По мнению людей, знакомых с ситуацией, система «крышевания» работает на всей территории Сибири и Дальнего Востока. К примеру, говорят, что проверяющие органы наведываются только на те делянки, разработчики которых «не поделились» или «не поделились в достаточном размере». Согласно негласным правилам, лесорубы должны отдавать покровителям пятьдесят, а иногда и больше процентов дохода от своей деятельности.

Многие сотрудники таможни намеренно занижают объемы вывозимого леса. Интенсивному росту незаконной вырубки и контрабанды леса способствует и то, что китайские бизнесмены официальным договорам предпочитают оплату наличными, которые попадают на российскую территорию по китайским же каналам. По разным данным, доля незаконно заготовленной и вывезенной древесины в общем объеме лесозаготовок в России составляет до 50%. Фактически весь оборот леса в Сибири и на Дальнем Востоке является «серым» — и криминализация его усиливается.

Но даже отлаженная практика утаивания реального объема вывозимого леса не в состоянии скрыть факт бесконтрольных лесозаготовок. Экспорт леса в Китай уже в течение многих лет превышает объем, определяемый по выданным лицензиям на вырубку. Так, в Хабаровском крае в 2009 году официально было заготовлено 8,2 миллиона кубометров леса, а вывезено за границу 9,7 миллиона. В Читинской области в 2008 году было выдано лицензий на 3 миллиона кубов леса, а экспортировано только в КНР 4,3 миллиона. А ведь экспорт шел еще и в Японию, и в Южную и Северную Корею (в этом случае значительная часть леса попадала транзитом в тот же Китай).

Варварская вырубка в Сибири и на Дальнем Востоке привела к тому, что высококачественного леса осталось там на 5-7 лет—так полагают многие эксперты, в частности во Всемирном фонде дикой природы (WWF), филиал которого есть на российском Дальнем Востоке. Введение заградительных пошлин могло бы навести хоть какой-то порядок в этой сфере, однако, как уже упоминалось, оно было отложено. Объяснялось это тем, что в условиях мирового кризиса

необходимо поддерживать отечественного производителя. Но не менее важной причиной было давление, которое активно оказывали на Москву Швеция и Финляндия, также заинтересованные в отсрочке ввода новых пошлин. Взамен они давали согласие на прокладку трубопровода Nord Stream.

Однако реальным бенефициаром в этой ситуации оказался Китай. Несмотря на резкое падение общего объема торговли, поставки необработанной древесины практически остались на прежнем уровне. В 2008 году в КНР было отправлено 20,12 миллиона кубометров необработанной древесины, а за девять месяцев 2009-го — 14,84 миллиона. Таким образом, легальный и полунелегальный бизнес на вывозе леса-кругляка в КНР чувствует себя хорошо. Ряд экспертов считают, что российское правительство уже опоздало с заградительными пошлинами. Даже если они будут введены в ближайшие годы, это не остановит варварскую вырубку лесов, а лишь приведет к дополнительному смещению отрасли в тень.

(Вячеслав Чубаров. Эпоха развитого колониализма// Деньги. 2010.25 января)

* * *

Факты, приведенные экспертом, подтверждаются многочисленными свидетельствами российских граждан, живущих в тех краях, про которые вождь пролетарской революции Владимир Ленин 90 лет назад сказал: «Владивосток далеко, но ведь это город-то нашенький!». А ведь Дальний Восток отдавать иностранцам не хотел, в отличие от его сегодняшних высоколобых критиков, которые равнодушно взирают на разорение богатейшего российского края. В этом месте впору вспомнить о «бесконечном пути хитрости». Но этой хитрости китайского соседа более всего способствует наше «расейское» ротозейство. Ибо на своей территории государству надлежит наводить порядок своими силами.

Вячеслав Чубаров в процитированной статье размышляет и о проникновении граждан КНР в российские субъекты федерации. Он пишет, что до реформ начала 1990-х годов на российском Дальнем Востоке проживало около 8 миллионов человек. За 20 лет население

региона уменьшилось на 2 миллиона, большинство граждан переехало в европейскую часть страны. Между тем в трех приграничных провинциях на северо-востоке КНР проживает более 100 миллионов человек. Однако, несмотря на такой демографический перекоп, массового наплыва китайских переселенцев на сопредельные территории все-таки не наблюдается. Более того, в отличие от первой половины 1990-х, когда, по разным оценкам, на российском Дальнем Востоке осело от 1,5 до 2 миллионов нелегальных иммигрантов, сейчас ситуация не вызывает столь серьезных опасений. В 2008 году на территории Дальнего Востока, по данным российской миграционной службы, было всего 31 тысяча китайских граждан — по большей части это рабочие на лесоповале и строительстве, а также мелкие предприниматели. В основном они находятся в России на законных правах, имеют рабочую или бизнес-визу.

Как правило, китайские граждане работают на российской территории 10-11 месяцев, а отдохнуть уезжают на родину. Большинство из них рассматривают пребывание за границей как временное. Этим, в частности, объясняется тот факт, что китайцы не стремятся приобретать недвижимость на российской территории, предпочитая жить в съемных домах и общежитиях. Более того, российскую территорию в последние годы покинули несколько тысяч граждан КНР, которые проживали у нас несколько лет и занимались в том числе фермерством. Вероятные причины — неблагоприятный экономический и природный климат. Не понравилось им у нас, тяжело обрабатывать землю, снимать урожай, выращивать скот! Края-то не южные.

Неудивительно, что панические высказывания звучат гораздо громче, чем взвешенные суждения. Поэтому голоса тех, кто скептически относится к «китаизации» российских территорий, чаще всего оказываются не услышаны. Например, мало кто внял словам депутата Государственной думы Владимира Рыжкова, который подчеркнул: «О китайской угрозе говорят только люди, которые не знают этой страны. У Китая нет планов захвата российских территорий». Эту точку зрения разделяет публицист Владимир Бондаренко, длительное время работавший на Тайване. Он не верит в «китаизацию» Сибири, поскольку китайцы еще лет сто будут продолжать осваивать более близкую им по менталитету Юго-

Восточную Азию, вплоть до Филиппин и Австралии, успешно завоевывали позиции на западе США от Сан-Диего до Сан-Франциско. Холодная Сибирь их как-то не привлекает. С точки зрения Владимира Бондаренко, наблюдающееся в Китае снижение интереса к русскому языку и литературе подтверждает отсутствие реальных планов по скорейшему освоению Сибири. Ну не хотят они нас завоевывать, не хотят!.. Когда Советский Союз был для Америки главным конкурентом, в университетах стран НАТО ввели в обязательном порядке кафедры русского языка и литературы. Старшие офицеры обязаны были пройти курс на этих кафедрах или в Монтере, или в Гармиш-центре, на американской базе в Германии. Потенциальные противники изучали Пушкина и Чехова, готовили кадры военных переводчиков. Как говорится, врага надо знать в лицо. Сейчас факультеты русистики по всей Европе и Америке закрываются в таком же массовом порядке. Потеряв былую мощь, Россия утратила и обаяние своей культуры.

В последнее десятилетие отмечается существенное уменьшение количества граждан КНР, которые обращаются к российским властям с просьбами о получении гражданства или вида на жительство. Это также указывает на то, что китайцы не видят для себя экономических перспектив на российском Дальнем Востоке и в Сибири. Подтверждают это и особенности китайской эмиграции на сопредельные территории. Китайцы не селятся «чайна-таунами», хотя и стремятся жить в определенных районах. Это крайне нетипичное для выходцев из КНР явление. Причины здесь могут быть разными, в том числе нежелание пускать корни в этом российском регионе. Анализ китайского бизнеса на Дальнем Востоке и в Сибири показывает, что китайцы не рассматривают эту территорию как место своего дальнейшего проживания — по крайней мере, в настоящий момент. Целью их являются ресурсы из этих районов. Причем, как и 100 лет назад, их «выкачивание» осуществляется в откровенно варварской форме, когда не только не создается новая инфраструктура, но разрушаются даже остатки старой, созданной при СССР. Фактически китайский бизнес своими хищническими действиями ведет Дальний Восток и Сибирь к экономической деградации.

Кто спасет Дальний Восток?

Не так давно и в тех краях наконец-то проявились первые факты официального пресечения «загрязняющей» деятельности восточных бизнесменов на нашей земле. Россельхознадзор провел инспекцию и обнаружил высокую степень загрязнения токсичными веществами земель в Красноярском крае, занятых китайскими теплицами. Экспертиза показала превышение концентрации опасных химических соединений в почвах сельскохозяйственных угодий, где выявлены такие опасные вещества, как бензопирен, водорастворимый фтор и мышьяк. Сейчас надзорные органы намерены через суд запретить использовать загрязненные опасными химическими веществами земли для сельскохозяйственного производства. А депутаты краевого парламента решили разработать регламент для иностранцев, занимающихся овощеводством. Кроме того, в Красноярском крае на 2010 год был резко сокращен лимит на гастарбайтеров в интересах сохранения приоритетного права граждан Российской Федерации на рабочие места. Читая в прессе сообщения о таких мудрых шагах, так и хочется воскликнуть: «Давно пора!»

Официальная стратегия Москвы, как можно заметить, состоит в том, что в обозримой перспективе на Дальнем Востоке и в Сибири за счет поставок энергоносителей восточному соседу создать условия для «рыночной диффузии», что экономика России и Китая окажется в крепких взаимных объятиях. В сложившихся условиях серьезные конфликты между нашими странами станут невозможными, потому что принесут слишком много ущерба обеим. Именно поэтому Кремль стремится увязать завершение строительства нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан» с освоением новых месторождений и масштабной продажей нефти — до 80 миллионов тонн в год, но уже по рыночной цене.

В качестве подтверждения реальности таких замыслов российского руководства можно привести названия документов, подписанных в ходе государственного визита председателя КНР Ху Цзиньтао в Москву в июне 2009 года:

Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в сфере природного газа.

Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в угольной отрасли.

Меморандум о взаимопонимании между китайской государственной золотодобывающей корпорацией и Группой компаний «Ренова».

Меморандум о взаимопонимании между Министерством коммерции Китайской Народной Республики и Министерством экономического развития Российской Федерации по стимулированию двусторонней торговли машинно-технической и инновационной продукцией.

Рамочное соглашение между Экспортно-импортным банком Китая и Внешэкономбанком СССР о предоставлении кредита на сумму до 700 миллионов долларов США.

Президент России Дмитрий Медведев, принимая китайского коллегу, подтвердил государственные гарантии на поставку в Китай в течение 20 лет 300 миллионов тонн нефти общей ценой 100 миллиардов долларов. Это означает, что Россия до 2030 года будет поставлять в КНР по 15 миллионов тонн нефти ежегодно по фиксированной цене 57 долларов за баррель. Тем самым подтверждалась сделка «нефть в обмен на кредиты», предусматривавшая прокладку до конца 2010 года нефтепровода Сквородино — российско-китайская граница — Дацинское месторождение в Китае, а также предоставление кредитов российской стороне на сумму 25 миллиардов долларов. В ответ Ху Цзиньтао выразил надежду на то, что обе стороны добросовестно выполнят взятые обязательства для завершения строительства российско-китайского нефтепровода в назначенный срок.

Следует вспомнить и о том, что сегодняшние фактические поставки сырой нефти из России в Китай производятся по железной дороге в объеме до 15 миллионов тонн ежегодно.

Неоднократно на межправительственном уровне поднимался вопрос и о поставках газа. В прошлом году состоялось подписание соглашения о возможных поставках в Китай до 70 миллиардов кубических метров газа в год по цене, привязанной к мировой.

Предусмотренный объем составляет примерно половину от сегодняшнего экспорта российского газа в Европу. В Западной Сибири газодобывающие мощности для поставок голубого топлива в Китай имеются, но нет трубопровода. В Восточной Сибири пока нет ничего — ни скважин, ни трубы. Поэтому поставки газа в плане реализации заключенного соглашения в лучшем случае могут начаться не раньше 2015 года после проведения соответствующих строительных работ.

Приведенные факты реально демонстрируют сегодняшний уровень взаимодействия двух соседних стран в вопросе поставок энергоносителей. Планов немало, аппетиты Китай нагулял завидные, но утверждать, будто он вот-вот проглотит «Матушку-Рассею» от Урала до Енисея и дальше, пока не стоит. Не надо запугивать самих себя. Следует осознавать потенциальную угрозу и своевременно упреждать ее.

В качестве заключения к этой главе хочется привести мнение специалиста по истории и современности Китая Евгения Анташкевича, который многие годы посвятил практическому изучению восточного соседа и немало колесил по городам и провинциям Поднебесной, общался с китайскими бизнесменами, журналистами, представителями официальных властей.

* * *

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА

Я уверен, китайцам сейчас и в обозримом будущем не до конфликтов с серьезным противником. Мы для них — противник серьезный, они это понимают. Китай подобен умной обезьяне, которая дождетя результата битвы тигра и дракона, а потом слезет с дерева, чтобы подесть остатки. Далее. Китайцам нечего делать в таком суровом климате, как у нас. Перенаселенность центральных и восточных провинций — мегапроблема для страны, но у них хватает собственных незанятых земель в Маньчжурии и Внутренней Монголии. К чему забираться севернее? Все «хуацяо» растекались только в южных направлениях, в те страны, где можно себя реализовывать, никому ничего не доказывая.

Конечно, им нужны ресурсы. Но при попытке захватить наши необъятные просторы потом придется их отстаивать и оборонять. Это еще тяжелее, ведь удерживать придется не только завоеванную территорию, надо поддерживать технологически сложное производство по добыче и транспортировке ресурсов, имеющее свою инфраструктуру. А ну как забайкальские партизаны XXI века подорвут участок магистральной трубы метров на пятьдесят? Интервентам придется ее менять, но взять такую же будет негде, потому что их делают только в Германии или на Ижорском заводе. А то, что китайцы делают сами по лицензии, для северной климатической зоны вряд ли подойдет.

Китай находится накануне энергетического кризиса, потому что собственных киловатт для плавки алюминия, стальных сплавов, производства пластмасс, высокотехнологичной химической продукции и даже традиционной мануфактуры явно не хватает. Своих ресурсов мало. Захватить чужие проблематично. Остается одно — купить. Плюс кооперироваться с соседями. Что они и делают.

*(Евгений Анташкевич, член Общества изучения
Отечественных спецслужб)*

Падет ли Великая Китайская стена?

Политика и тайна стратагем

На самом деле ничто в мире не ново...

Характерная особенность традиционного мышления восточной цивилизации — это стратагемность. Впрочем, «*стратагема*» слово европейское, его возникновение связывают с древнегреческим понятием, служащим для обозначения военных хитростей, а потому оно не передает всех смысловых оттенков, которые понятны каждому китайцу. Наше понятие «стратагема» гораздо беднее, чем китайские «чжимоу», «моулюе», «цэлюе», «фанлюе». С этими терминами связано представление китайцев

О стратегическом плане, который таит в себе некую хитрость, манок, ловушку для противника. Поэтому не всякая стратегия является стратагемой. Востоковед Владимир Мясников пишет: «Стратагемность зародилась в глубокой древности и была связана с приемами военной и дипломатической борьбы. Огромное влияние на теоретическую разработку стратагемности оказал величайший военный мыслитель Древнего Китая Сунь Цзы, автор трактата „О военном искусстве“, который требовал облекать предварительные расчеты в форму стратагем... На протяжении тысячелетий китайские полководцы составляли стратагемы для взятия крепостей и достижения успеха в военных кампаниях...»^[34] Стратагема хороша тогда, когда она превращает воина в дипломата, а дипломата в воина. Стратагема — явление столь же философское, сколь и практическое, за каждой из них стоит определенная тактика поведения. В традиционной китайской культуре нет морального запрета на применение хитрости во имя достижения своих целей, наоборот, подобная находчивость поощряется. Быть мудрым по-китайски — значит не упустить подходящий момент, чтобы добиться своей цели. А в политике прямая дорога всегда труднее, чем обходной путь... Широкую известность за пределами Китая получили такие стратагемы, как «*убить чужим ножом*» (сделать дело чужими руками), «*в покое ожидать утомленного врага*» (выматывать противника, находясь в засаде), «*грабить во время пожара*» (извлекать выгоду из чужих неприятностей), «*поднять шум на востоке — напасть на западе*»

(скрывать истинные намерения, запутывать врага, пускать его по ложному следу), «*объединиться с дальним врагом, чтобы побить ближнего*» и т. д.

Одна из стратагем, которая выглядит особенно таинственной, гласит: «*Обмануть императора, чтобы он переплыл море*». В чем ее смысл? Считается, что название этой стратагемы происходит от легендарного эпизода из биографии танского императора Тай Цзун, жившего в VII веке. Тай Цзун пошел войной на государство Когуре, находившееся на Корейском полуострове. Но дойдя до Восточного моря, он растерялся и пал духом. Тогда хитроумный генерал Сюэ Жэньгуй сказал: «Что, если бы император мог проехать по морю аки посуху?» На следующий день императору доложили, что некий богатый крестьянин, живущий на берегу моря, пожелал доставить для войска провиант на время переправы и говорить с императором. Обрадованный император направился со свитой к берегу. Самого моря он не увидел, так как великое множество искусно расположенных палаток закрывали от него водную гладь. Крестьянин пригласил императора войти в его дом. Император и его спутники уселись и стали пить вино и лакомиться угощениями. Но вскоре император услышал за окном свист ветра и заметил, что пол в доме раскачивался. Он приказал слуге отдернуть занавески и увидел, что вокруг расстился морской простор. «Где мы?» — с тревогой спросил он. «Мы плывем к берегам Когуре», — ответил генерал Сюэ Жэньгуй. Получается, что, будучи обманутым, император Тай Цзун ничего не потерял, ведь мудрость хитреца-генерала помогла ему преодолеть сомнения. Европейский монарх, скорее всего, впал бы в ярость от того, что его обвели вокруг пальца, как ребенка. А восточный владыка оценил *хитрость как доблесть*. Эта мудрая притча — яркое свидетельство полезности «обходных маневров» в достижении стратегической цели, в ней заключена вся сущность китайской стратагемности как военного и дипломатического оружия.

Насколько тонкое это дело — Восток, нам некогда доходчиво объяснил товарищ Сухов. И сегодня понимание сущности стратагемного сознания Востока — это ключ для «расшифровки» скрытых мотивов в отношениях Китая с самыми мощными партнерами — Россией и Соединенными Штатами Америки. Для начала следует задуматься, всегда ли мы понимаем, чего в

действительности хочет Китай. Например, тем аналитикам, которые пророчат грядущий военный конфликт Китая и России, следует вспомнить, что высшим проявлением воинской доблести считается в Китае победа без применения собственного оружия (*«убить чужим ножом»*), В понимании китайцев самый великий воин тот, кто не воюет вообще. А когда мы видим очередное потепление отношений Китая с Соединенными Штатами, нужно задумываться о безопасности России, помня стратегию, предписывающую *«объединиться с дальним врагом, чтобы побить ближнего»*. Из каждого внешнеполитического маневра Китая следует вычленять некий стратегический алгоритм.

Сегодняшний расклад сил в мировой политике удивительно напоминает фабулу классического китайского романа «Троецарствие», посвященного событиям III века н. э., когда Поднебесная распалась на три противоборствующие государства. Типология этих трех царств выглядит следующим образом: Вэй — агрессор, Шу — миролюбивое царство, а У — царство, питающее подозрение к Шу. В представлении современного Китая роль царства Вэй играют Соединенные Штаты Америки, миролюбивого Шу — сам Китай, а вечно настороженного У — Российская Федерация. Если бы не подозрительное отношение царства У, то двум царствам удалось бы сообща противостоять агрессору Вэй — такой политический вывод можно сделать из новейшего геополитического прочтения метафоры «Троецарствия»^[35]. Однако «миролюбие» современного Китая — это реализация в политической практике мудрой стратегии *«в покое ожидать утомленного врага»*.

Мудрец Сунь Цзы учил: «только тот, кто преуспеет в военном деле, сможет разрушить чужие государства без продолжительной войны, сражаться он должен под Небом с высшей целью „сохранения“». Его завет актуален и для новейшей политики. При участии в глобальном соперничестве каждой стране следует правильно определить собственную позицию, ведь «если правильно выбрать место на берегу реки, то однажды ее воды принесут к твоим ногам труп твоего врага!».

Устойчивый треугольник разнонаправленных политических сил Китай — США — Россия (Советский Союз) образовался после окончания Второй мировой войны. На протяжении шести с лишним десятилетий векторы сил не раз менялись, принося успехи и неудачи

той или иной стороне объективно существующей политико-геометрической фигуры. В начале 1950-х годов консолидированная позиция СССР и КНР нанесла ощутимый удар по американским интересам в Азии, и прежде всего в Корее. В 1970-1980-х годах Соединенные Штаты, боровшиеся против «империи зла», и Китай, выступавший против советского «гегемонизма», при кажущихся противоречиях объединились против Советского Союза. Активные усилия Вашингтона, молчаливо поддержанные Пекином, привели к тому, что над Кремлем навсегда был спущен красноразветвленный флаг СССР.

Историческая справедливость требует признать, что, несмотря на перипетии запутанных и драматичных советско-китайских отношений, Китай сделал все от него зависящее для того, чтобы сохранить Советский Союз или хотя бы продлить его жизнь. Падение Советского Союза вызвало нешуточную тревогу в политической элите Китая. В Пекине вплоть до Беловежских соглашений не верили, что «старший брат» по социалистическому лагерю так быстро и бесславно прекратит свое существование. Вообще последние годы жизни СССР — это время небывалой активизации внешнеполитического сотрудничества с Китаем. Даже роковой 1991 год был наполнен рядом важных событий советско-китайского сотрудничества в политической, экономической, военной сферах. Лидеры Коммунистической партии Китая, всерьез обеспокоенные серией «бархатных революций» в Восточной Европе, пытались, очевидно, предотвратить повторение подобных событий и в Советском Союзе.

26 февраля 1991 года с визитом в Пекин прибыл заместитель Генерального секретаря ЦК КПСС В. Ивашко, который обсуждал с китайским лидером Цзян Цземинем вопрос предоставления Советскому Союзу товарного кредита в 1 миллиард швейцарских франков. На Западе этот кредит оценили как политический шаг Китая — демонстрацию поддержки социализма в СССР. В начале мая в Пекин прибыл министр обороны Советского Союза маршал Д. Язов, обсуждавший вопросы расширения сотрудничества в военно-промышленном комплексе и, в частности, о поставках в Китай истребителей Су-27.

Логично, что Китай не оказался в числе стран, осудивших «путч» августа 1991 года. Российский дипломат Олег Борисович Рахманин

отмечает: «Официальные источники в Москве и историки в Пекине сейчас обходят вопрос о фактическом одобрении китайским руководством документов, заявлений Государственного комитета по чрезвычайному положению. Известно, что посол КНР в СССР Юй Хунлян после появления документов ГКЧП... официально посетил в Кремле и. о. президента СССР Г. Янаева и выразил позитивное мнение пекинского руководства [...]. Когда руководящие деятели СССР, входившие в ГКЧП, были арестованы, срочно собралось Политбюро ЦК КПК, на котором... был обсужден курс внутренней и внешней политики Китая, направленной на предотвращение „падения социализма"...»^[36] Историки и политики спорят об истинном значении августовского «путча», но одной из главных версий является предположение о том, что ГКЧП был создан для предотвращения краха социализма в Советском Союзе. За августовским «путчем» последовали декабрьские Беловежские соглашения, поставившие точку в истории СССР. Премьер Госсовета КНР Ли Пэн заявил, что «коренные реформы в Советском Союзе привели к великому хаосу и к развалу» и что ситуация в СССР стала «непредсказуемой». Скрепя сердце Китай признал независимость бывших союзных республик и начал строить новую внешнюю политику — уже исходя из того, что СССР проиграл «холодную войну» и мир стал однополярным.

Американский политолог Гилберт Розман заметил, что в то время, когда рушился Советский Союз, «в Китае высказывались опасения, что из всех стран Азиатско-Тихоокеанского региона Россия сделает главную ставку на Японию. Считалось, что в результате деловые и экономические контакты с Японией отодвинут на задний план российско-китайские отношения... В таких условиях возросла бы угроза применения разработанного совместно Соединенными Штатами, Россией и Японией плана по установлению контроля над Китаем»^[37]. Еще 11 апреля 1974 года, когда социалистический лагерь казался несокрушимым, член Политбюро ЦК КПК Дэн Сяопин на Генеральной сессии Ассамблеи ООН говорил о том, что «две сверхдержавы — США и СССР — сумасбродно пытаются захватить мировую гегемонию» и являются «самыми крупными в наше время международными эксплуататорами и угнетателями»^[38], навязывая свою волю и Китаю. Действительно, быстро развивающийся Китай чувствовал себя между двух огней, между Сциллой и Харибдой. Он

был заинтересован в завершении «холодной войны», даже ценой поражения той страны, которую долгое время почтительно именовал «старшим братом». Как оказалось, время работало против Советского Союза, но — в пользу Китая. В 1991 году распад СССР оценивался в Пекине как удар по геополитическому положению Китая. Но в глобальной перспективе оказалось, что Беловежские соглашения принесли Китаю больше выгоды, чем ущерба. Во-первых, исчезновение советской сверхдержавы открыло перед Китаем путь к мировому лидерству. «Перепрыгнуть» через голову «старшего брата» при его жизни Китаю было не суждено, а в условиях однополярного мира Китай очень быстро занял освободившееся место восточного «центра тяжести». Во-вторых, китайское руководство сделало надлежащие выводы из ошибок советских коммунистов, которые не смогли провести своевременные экономические реформы и модернизировать промышленность. Профессор-экономист А. С. Селищев на сей счет замечает: «Роль рыночных механизмов в КНР значительно возросла после демонтажа СССР, когда в 1992 году на XIV съезде КПК было принято решение всемерно ускорить экономическое развитие страны в связи с превращением мировой системы в однополярную. Если в 1980-е годы рыночные отношения формировались главным образом в сфере материального производства, то с начала 1990-х годов бурное развитие получили рынки недвижимости, ценных бумаг, информации, рабочей силы, научных технологий»^[39]. По мнению ряда аналитиков-китаистов, вся внешняя политика Поднебесной сегодня жестко детерминирована принятой в 1993 году Военным советом при ЦК Компартии Китая доктриной под названием «Три севера, четыре моря». Суть ее сводится к тому, что Срединное государство (Китай) занимает центральное место в пространстве четырех океанов — от Северного Ледовитого до Индийского и от Атлантического до Тихого. Центр, то есть Китайское государство, должен в исторической перспективе одолеть три «севера» — Североамериканские Соединенные Штаты, Североатлантический альянс (НАТО) и евразийский север — Россию^[40]. Поскольку в Китае издавна высшим проявлением военного искусства считается одоление врага без применения оружия, то в доктрине «Три севера, четыре моря» следует видеть стратегию бескровного доминирования и «мягкой силы». Китай явно не хочет войны ни с кем из трех «северов».

Российская Федерация, появившаяся на дымящихся развалинах советского колосса, оказалось намного слабее своего предшественника. А две другие стороны треугольника в тот период, наоборот, укрепились. Пришедшее в начале 1990-х поколение российских дипломатов пыталось прислониться к «кормильцам» из-за океана, образовать новый союз Россия-США. Вашингтонских политиков подобный альянс не интересовал, потому что лидеру нового однополярного мира не требовалась территория от Калининграда до Владивостока в форме суверенного государства. Интересны были сырьевые ресурсы, а не какие бы то ни было политические сюрпризы. С огромным трудом в начале XXI века московскому руководству удалось вытянуть страну из положения долгового рабства и восстановить ее авторитет до того уровня, когда в мире начинают с ней считаться.

Китай — ближайший сосед России на Дальнем Востоке, поэтому в российской политике появились надежды завести дружбу с быстро прогрессирующей Поднебесной и создать собственный военно-политический союз против потенциальных недругов. Однако в Пекине открыто не заинтересовались идеей возобновления «вечной дружбы» образца 1950-х годов. Хотя на практике сближение сторон в политической и экономической сферах произошло, и новая модель российско-китайских взаимоотношений стала именоваться стратегическим партнерством.

Во внешней политике и Российская Федерация и Китайская Народная Республика безусловно следуют духу и букве основополагающих международных актов, выработанных мировым сообществом после окончания Второй мировой войны. В решении экономических проблем соседние страны в настоящий момент завязаны друг с другом настолько, что не могут позволить себе проявление конфронтации. При этом лидеры в Москве и Пекине неоднократно подчеркивали, что совместно выступают за формирование многополярного мира против гегемонии одного государства на международной арене.

Война НАТО против Сербии в 1999 году буквально толкнула Россию и Китай в объятия друг друга. Впервые за много лет наши страны почувствовали, что их связывают не формально-протокольные декларации дипломатов и политиков, а стратегические интересы,

понятные и каждому русскому, и каждому китайцу. 7 мая во время бомбардировок Белграда было разрушено здание китайского посольства, в котором погибло трое китайских журналистов, а еще несколько человек получили ранения. Представители НАТО тут же заявили, что на самом деле их целью было здание Федерального управления по снабжению, которое якобы занималось экспортом и импортом оружия. После этого трагического инцидента Китай уже не мог идти на какие бы то ни было компромиссы, он перестал быть сторонним наблюдателем югославской трагедии. Планировавшийся визит в Китай министра обороны Коэна был тут же отменен, была прервана договоренность о вхождении кораблей ВМС США в Гонконг, прекращены консультации по проблемам контроля над вооружением. Цзян Цземинь даже отказался от телефонного разговора с Биллом Клинтоном, который хотел принести ему личные извинения^[41].

Тем временем в Китае начались стихийные демонстрации, в Пекине митингующие забросали камнями и бутылками здание посольства США, на улицах жгли американские флаги, рвали и топтали портреты Клинтона. Таковую же волну протеста вызвала агрессия НАТО и в России, где антиамериканские настроения достигли апогея. На фоне югославского военного конфликта внезапно начал разгораться еще более серьезный — между США и Китаем, который уже никак не мог считаться локальным. За его развитием с нескрываемой тревогой следил весь мир. По итогам сложных переговоров американцы вынуждены были выплатить Китаю компенсацию в 28 миллионов долларов.

Однако вскоре получила распространение версия, что высокоточная ракета, выпущенная стратегическим бомбардировщиком ВВС США «В-2А», отнюдь не случайно попала в здание китайского посольства. Вероятно, таким образом Соединенные Штаты хотели показать, что в их власти — не только развязать войну на Балканах, но и, если понадобится, дотянуться до Поднебесной. И бомбардировка китайского посольства в Белграде выглядела как акция устрашения. Не все ли равно, какой город бомбить — сегодня Белград, завтра Пекин. Низложенный президент союзной Югославии Слободан Милошевич на судебном процессе в Гааге обвинял НАТО в том, что удары по китайскому посольству были нанесены прицельно.

Символично, что именно в Китае в декабре 1999 года президент России Борис Ельцин сделал свое самое громкое антиамериканское заявление, ставшее международной сенсацией. Билл Клинтон надавил на больное место российского президента, сказав, что «России придется заплатить высокую цену» за Чеченскую кампанию. Ельцин, находясь в это время с официальным визитом в Пекине, тут же жестко прореагировал на критику со стороны американского коллеги: «Билл Клинтон вчера позволил себе надавить на Россию. Он, видимо, на секунду, на полминуты забыл, что такое Россия, что Россия владеет полным арсеналом ядерного оружия»^[42]. Очевидно, решимость Ельцина «поставить на место» американского президента, который позволил себе вмешательство во внутренние дела России, укрепилась поддержкой окружавшей его в эти дни китайской политической элиты. Борис Николаевич не просто посоветовал Клинтону воздержаться от оценок действий российских федеральных сил в «мятежно» Чечне, но и напомнил ему о ядерном потенциале России — а это уже можно было оценить как прямую угрозу. Сам факт, что Ельцин критиковал Америку, находясь на земле Китая — самого мощного соперника Соединенных Штатов, придавал его словам большую весомость и политическую значимость. Продолжил мысль президента и сопровождающий Ельцина министр иностранных дел Игорь Иванов, который сказал в интервью, что жесткое заявление главы государства было «связано с тем, что в последнее время раздаются различного рода выступления, высказывания в адрес России», авторы которых «под различными предлогами пытаются диктовать России, как ей решать сугубо внутренние проблемы». Аналитики из разных стран тут же сошлись во мнении, что Россия и Китай продолжают сближение на антиамериканской основе. На самом деле тогда в Китае Борис Ельцин сказал гораздо больше, чем хотел. Из Пекина российская делегация посылала важный «месседж» в Вашингтон: Россия и Китай сообща готовы противостоять глобализации по-американски и выступают против однополярного мира. Период, когда ослабленная Россия делала бесконечные уступки Западу, кончился. И в Белом доме это отрезвляющее послание, по-видимому, услышали. Американская «Лос-Анджелес таймс» 10 декабря 1999 года писала, что «Чеченская кампания вызвала ожесточенную критику со стороны США и

европейских стран, но, похоже, подталкивает Китай и Россию все ближе друг к другу»^[43].

Америке есть о чем тревожиться. Брэдли Тэйер, адъюнкт-профессор военно-стратегических исследований Университета штата Миссури, и Томас Скайпек, военный аналитик из Вашингтона, указывают, что сегодня стратегический потенциал ядерного сдерживания США представляется уже не таким грозным и надежным, как во времена холодной войны. «За последние два десятилетия Соединенные Штаты не произвели ни одного нового ядерного боеприпаса, а их силы межконтинентальных баллистических ракет и ядерная инфраструктура находятся на грани истощения... В то время как Соединенные Штаты сталкиваются с существенными проблемами в области стратегических сил и являются по сути дела единственной страной, неспособной производить новое ядерное оружие, остальные ядерные государства — Китай, Франция, Великобритания, Индия, Израиль, Северная Корея, Пакистан и Россия — не уходят на такие „ядерные каникулы“. Как мы отмечали недавно в *The National Interest*, стратегический ядерный баланс в последние годы заметно изменился, и отнюдь не в пользу Вашингтона... Хотя ядерная модернизация Китая важна и этот вопрос будет обретать постоянно растущее значение... было бы целесообразно подумать о том, чего добивается в этой области Россия. Вызвано это тем, что, во-первых, китайская модернизация ядерных сил идет хоть и верно, но медленно, и ее успехи весьма скромны. Китайская ПЛАРБ (атомная подводная лодка с баллистическими ракетами) „Ся“, например, никогда не выходила на ядерное патрулирование. Во-вторых, что более важно, мы неизбежно приходим к выводу о том, что эстафету стратегической ядерной гонки Вашингтон все-таки передал Москве. Если говорить просто, то Россия создает ядерный арсенал XXI века, а Соединенные Штаты нет. Если США не изменят курс и не предпримут необходимые шаги по модернизации своего арсенала, то Россия обеспечит себе стратегическое господство, получив соответствующие политические дивиденды»^[44]. Очевидно, в Вашингтоне никак не надеялись, что Россия, в 1990-х годах не без помощи США поставленная на грань экономической и демографической катастрофы, быстро начнет восстанавливаться и укреплять обороноспособность. И если, как это видно из процитированного отрывка, американские военные

аналитики не склонны придавать серьезное значение модернизации ядерного потенциала Китая, то стратегическое господство России постепенно становится в их глазах реальной угрозой. А Россия не может не получить выгоду из затянувшихся «ядерных каникул» Соединенных Штатов, как не упустит этого исторического шанса и Китай. Предшественник Обамы Джордж Буш неоднократно рекомендовал руководству Китая встать на путь демократизации (естественно, в американском понимании «демократизации»). Он, в частности, очень глубокомысленно подчеркивал, что «народ Китая заслуживает основополагающей свободы, которая является естественным правом для всех человеческих существ»^[45]. Но народ Китая вряд ли оценил по достоинству столь трогательную «заботу» американского лидера. По крайней мере, необходимости в «основополагающей свободе», которой якобы так радуются все «человеческие существа», китайцы сегодня явно не ощущают, тем самым приводя в искреннее недоумение своих американских друзей. Китайцы прекрасно понимают, что так называемая демократизация равносильна капитуляции Китая в его противостоянии Соединенным Штатам. У них перед глазами яркий пример — печальная судьба Советского Союза, погибшего в процессе «демократизации». Британский политолог Марк Леонард приводит высказывание китайского ученого Пань Вэя из личной беседы: **«Вы говорите о демократии, как будто это религия, подлежащая распространению по всему миру. Но выборы не могут решить ни одну из проблем, стоящих сегодня перед Китаем».** И этой точке зрения придерживается абсолютное большинство китайцев.

Тем не менее ценности западной демократии проникают в Китай и оказывают свое, в основном разрушительное, для национальной культуры Поднебесной влияние. Как пишет российский журналист Андрей Фефелов, «издание книги китайского автора на английском языке за океаном — уже само по себе есть гарантия успеха на родине. Поэтому многие китайские литераторы стараются опубликовать именно в Америке свои вещи. Оказывается, в Китае легче продать книгу под маркой: „Этот роман читают в США“. Внутренне зависимое от Америки состояние умов вполне характеризует слой китайской молодежи, живущей в крупных промышленных центрах. Это люди, помешанные на электронике, на западных уровне потребления и

образе жизни. Америка, в свою очередь, активно работает с китайской интеллигенцией, стремительно формирует свое идейное и культурное лобби»^[47].

В последние годы Соединенные Штаты с ревностью восприняли процесс выстраивания нового облика российско-китайских отношений и предприняли встречные шаги. Юрий Жулин отмечает, что уже не первый год среди политической элиты Соединенных Штатов идет жаркая дискуссия по «китайскому вопросу». Политика США по отношению к Поднебесной — это «среднеарифметическое» от двух противоположных концепций — «либералов — сторонников глобализации китайской экономики и китайского общества — и „новых левых“». „Либералы“ считают дальнейшее улучшение китайско-американских отношений главным условием адаптации Китая к требованиям глобализирующегося мира. „Новые левые“ видят в глобализации уловку США по усилению своего влияния в мире и в Китае»^[48]. После воцарения в Белом доме администрации демократов во главе с президентом Обамой одним из приоритетов во внешней политике был выбран курс на сближение с Китаем. 14 ноября 2009 года Барак Обама заявил в своем выступлении, посвященном американской политике в Азии, в токийском концертном зале «Сантори-холл», что «ядерная воинственность» Китая не испугает мировое сообщество, которое якобы единодушно настроено на обеспечение сдерживания ядерных сил.

Ближайшие советники нового президента, непосредственно отвечающие за формирование мирового порядка, — Збигнев Бжезинский и Генри Киссинджер — высказались за установление американо-китайского союза по формуле G-2.

Генри Киссинджер прямо заявил, что при Бараке Обаме всему миру придется выбрать новый порядок или погрузиться в хаос. А Збигнев Бжезинский, совершивший в январе 2009 года визит в Пекин по случаю тридцатой годовщины восстановления дипломатических отношений между США и КНР, публично огласил идею образования «большой двойки».

России эти «добрые дяди», само собой, определили роль жертвенного животного, заклание которого предусматривало бы безоблачное будущее нового союза и успешное становление нового порядка на планете.

Тема концепции G-2 мгновенно приобрела большую популярность в мире. О ней заговорили, хотя никто не мог дать ей четкого определения. Неясной оставалась и структура предполагаемого союза. Сама концепция, похоже, предполагала, что «большая двойка» будет обладать силой, потенциалом и волей для того, чтобы устанавливать повестку дня в международных делах. Обоим участникам союза отводилась роль мировых гегемонов.

Эксперты по российско-китайским отношениям взялись за подсчет напастей, которые падут на нашу голову в случае создания Китаем и США союза против России. Заместитель директора Института политического и военного анализа Александр Храмчихин опубликовал статью под заголовком «Дележ России. Будут ли Пекин и Вашингтон делить мир?», в которой делает собственные предположения.

* * *

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА

Если российско-американские отношения будут обостряться и дальше, то в Вашингтоне появятся сторонники идеи отдать Россию Китаю, то есть дать Пекину понять, что Америка ничего не будет иметь против, если китайская экспансия пойдет в северном направлении. В обмен на это Китаю будет предложено не проявлять слишком большой активности в других частях земного шара. По некоторым сведениям, Пекин уже несколько лет безуспешно зондирует в Вашингтоне вариант дележа мира между двумя странами.

Высочайшая взаимная зависимость Китая и США в области экономики и ограниченность нынешних американских военных возможностей может привести к благосклонному отношению американской элиты к реализации подобного сценария. Для США весьма выгодным будет вариант замыкания Россия и Китая друг на друга, что заведомо поглотит силы сторон. Гегемония США в мире подорвана, и Вашингтону необходимо нейтрализовать своих основных оппонентов.

(Александр Храмчихин. Дележ России. Будут ли Пекин и Вашингтон делить мир?// <http://ryсарhipelag.ucoz.ru/news/2009-11-27-2481>)

* * *

В самом Китае долго молчали по поводу отношения к реализации американской идеи образования «большой двойки». Прошло три месяца после выступления Збигнева Бжезинского в Пекине, прежде чем появилась официальная реакция руководства КНР на американское предложение. На саммите Европейского Союза и Китая в Праге в мае 2009 года премьер Госсовета Вэнь Цзябао отверг концепцию образования «большой двойки», состоящей из Китая и Соединенных Штатов, заявив, что «говорить о доминировании двух стран в международных делах абсолютно необоснованно и ошибочно». Таковы были первые публичные комментарии по поводу идеи G-2 со стороны пекинских лидеров, хотя и ранее высокопоставленные китайские чиновники и политические аналитики высказывали сомнения в практической полезности концепции G-2.

Свое видение причин отказа КНР от «лестного» предложения США высказывает на страницах гонконгского издания «Asia Times» 29 мая 2009 года доктор Цзянь Цзюньбо — доцент Института международных исследований Шанхайского университета Фудань.

* * *

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА

У Китая нет ни потенциала, ни желания для того, чтобы участвовать в какой-либо «большой двойке». Да, Китай занимает третье место в мире по уровню ВВП, является крупнейшим кредитором единственной в мире сверхдержавы — Соединенных Штатов и одним из пяти постоянных членов Совета безопасности ООН и, что скрывать, действительно кажется мощной державой.

Однако Китай с его огромным населением и пробелами в развитии и благосостоянии может также считаться бедной, недостаточно развитой страной — в прошлом году Всемирный банк поместил его на 104-е место в мире по уровню ВВП на душу населения. Китай остается развивающейся страной, а США значительно опережают его почти во всех секторах экономики, равно как по мягкому влиянию и военной силе. На настоящий момент и в обозримом будущем Китай — не пара Соединенным Штатам в плане глобальной мощи.

Ответственность государства — члена G-2 участвовать в формировании мировой экономики и международных отношений выходит за пределы возможностей и амбиций Китая. Со стороны государства — так же, как и человека — неразумно участвовать в чем-то, что превышает его возможности. Именно поэтому, когда западные комментаторы рассуждают о G-2, у Китая неизбежно возникают подозрения относительно их намерений. Многие китайские ученые опасаются, что в рамках G-2 Китай может оказаться втянутым в структуру, построенную США, и от него потребуют вносить больший вклад в экономическое и социальное развитие мира, чем он может себе позволить.

Реализация идеи G-2 также означала бы, что Китаю придется радикально пересмотреть свою систему правления. В качестве члена G-2 Китаю потребовалось бы стать лидером как во внешне-, так и во внутривнутриполитических делах, а это вызвало бы опасения перед вмешательством Запада во внутренние дела Китая.

Кроме того, идея такой группы противоречит ключевым принципам внешней политики Китая — таким как многосторонний подход и стремление к многополюсному миропорядку. Например, на пражском саммите Китай-ЕС Вэнь Цзябао подчеркнул важность отношений Китая и ЕС.

Еще одна важная причина, по которой Китай не хочет G-2, — это то, что она не будет легитимной международной структурой. Если G-2 будет построена при помощи США, то возникает вопрос: кто дал США такое право? Можно

предположить, что если бы идею создания G-2 вынесли на глобальный референдум, то она была бы отвергнута большинством стран. Ни одна другая страна, за исключением США, не желает возникновения «рах-Chimericana». Отказ от создания G-2 не означает, что Китай уклоняется от глобальной ответственности. Китай приветствует повышение своей роли и роли других крупных развивающихся стран в рамках «большой двадцатки».

Даже став реальностью, G-2 никогда бы не смогла заменить собой силу, функции и авторитет ООН как единственной международной организации, признанной большинством государств мира. Хотя ООН сталкивается с множеством проблем в плане эффективности и подотчетности, она остается лучшей площадкой, на которой международное сообщество может мирно решать вопросы, представляющие общий интерес.

Как США стали объектом антиамериканизма в мире после того, как бывший президент Джордж Буш начал в 2003 году войну в Ираке, так и G-2 однажды могла бы стать объектом нападков антигегемонистских и антиимпериалистических движений, которые повредят глобальному имиджу Китая.

Не требует доказательств тот факт, что идея G-2 не приведет в восторг другие страны, особенно такие восходящие звезды промышленно развитого мира, как Индия, Россия и Бразилия. Все эти страны достаточно амбициозны, для того чтобы соперничать за влияние и власть на международной арене, как с США, так и с Китаем. Идея G-2 не основана ни на реалиях международной политики, ни на пожеланиях Китая и остального мира.

(Цзянь Цзюньбо. «Asia Times». 29.05.2009)

* * *

Существовало и другое мнение китайских экспертов: Вашингтон, предлагая Пекину глобальное взаимодействие, пытался таким образом

приобщить экономические возможности Поднебесной к решению проблемы выхода из кризиса, а ее политические силы — к урегулированию ситуации в Ираке и Афганистане и обузданию своих иранских и северокорейских недругов. Бывший военный атташе КНР в России Ван Хайюань заявил: «Американцы в международной политике действуют односторонне. И везде такие столкновения интересов и противоречия будут продолжаться между США и Китаем еще очень долгое время. Поэтому высказывания о том, что Китай с Соединенными Штатами может управлять миром, — это нереально и невозможно. Поэтому Китай не будет ослаблять связи со своими стратегическими партнерами. Не будет ослаблять свои связи с широким кругом развивающихся стран. G-2 — немудрый выбор».

После визита президента Барака Обамы в Китай в ноябре прошлого года стало окончательно ясно, что идея «большой двойки» не проходит. А итоги декабрьского климатического саммита в Копенгагене показали, что Пекин готов к продолжению серьезных споров с Вашингтоном по самым ключевым вопросам. Каковы бы ни были реальные причины у китайского руководства, факт остается фактом: идея G-2 осталась нереализованной.

В сложившейся ситуации Америка повела себя как уверенная в своих силах женщина, уязвленная отказом выбранного партнера.

Во внешнеполитическом ведомстве госпожи Хилари Клинтон тщательно продумали первые шаги нового дипломатического курса США с целью нанесения наиболее чувствительных уколов по самолюбию Пекина. Во-первых, в Вашингтон для встреч на высшем уровне пригласили Далай-ламу, во-вторых, президент Обама пообещал правительству Тайваня продать крупную партию оружия, а в-третьих, американские массмедиа вновь подняли шум вокруг проблемы свободы слова в КНР, борьба за которую всегда была коньком политики демократов США. В последнем случае скандал вокруг атаки китайских хакеров на поисковик Google пришелся словно ложка к обеду и вызвал резкое обличение угрозы свободному потоку информации. Госсекретарь Клинтон не преминула сразу же упрекнуть китайских коллег и призвать их покончить с цензурой в Интернете.

Кстати, о Всемирной сети. Исторической датой создания китайского Интернета считается 20 сентября 1987 года, когда профессор Цянь Тяньбай из Пекинского научно-исследовательского

института вычислительных машин отправил первое электронное письмо из Китая: *«Через Великую стену — доступ к миру р.* Хотя Китай сегодня является абсолютным лидером по количеству пользователей Интернета, с ним у китайского руководства весьма не простые отношения. Интернет-канал «с помехами» преодолевает Великую Китайскую стену. Как пишет британец Марк Леонард, «большинство диктатур рассматривают Интернет как явление, схожее по сути с погодой. Например, лидер Зимбабве Роберт Мугабе запрещает местные веб-сайты, когда там присутствует критика правительства.. Бирма, Иран, Вьетнам и Тунис пытались возвести „стены" вокруг своих стран, но их меры защиты скорее напоминают не заграждения, а решето. Саудовская Аравия в этой области добилась большего успеха — здесь все трафики сосредоточили в руках единственного интернет-провайдера, и он отсеивает все сайты, не устраивающие их духовных лидеров. Подобные каналы попадают в категорию „антиисламских" и отключаются. Китай по количеству населения в шестьдесят раз больше Саудовской Аравии, и большинство экспертов считают, что полностью контролировать в одном центре весь объем трафика невозможно. Однако Пекин постарался эффективно справиться с подобным вызовом... По слухам, был создан сотысячный корпус «электронной» полиции с огромным бюджетом: ему было поручено „прочесывать" каналы Интернета, блокировать „вредные" сайты и проверять электронную почту клиентов»^[49]. Система фильтрации, о которой тут идет речь, известна под неофициальным названием «Великий китайский файрвол». Естественно, американцы никак не могут остаться в стороне, когда где-то на планете имеет место подобное нарушение права человека на получение информации. И вот уже долгие годы западные общества ведут войну за отмену всяких цензурных ограничений в Китае, однако эти запреты, по всей видимости, в той или иной форме будут существовать в Поднебесной всегда. В вопросах развития Интернета, как мы видим, Китай идет дорогой, очень отличной от других стран, это *очень китайский Интернет.*

Яблоком раздора по-прежнему является деятельность секты «Фалуныун», которая, по информации китайцев, опирается на поддержку ЦРУ и может сыграть такую же «подрывную» роль, как, например, движение «Солидарность», в свое время внесшее большой

вклад в демонтаж социалистического строя в Польше. В 1999 году деятельность этой мощной религиозной организации, посмевшей бросить вызов официальной политике Коммунистической партии Китая, была запрещена на территории КНР, а многие ее члены подверглись репрессиям. Как и следовало ожидать, западные правозащитные организации тут же встали на защиту запрещенной секты, и в своей кампании, направленной против компартии Китая, они зашли так далеко, что начали распространять пугающие слухи, будто у арестованных членов «Фалуньгун» в секретных пыточных застенках вырезают органы для нужд трансплантации. В Вашингтоне даже была зарегистрирована особая организация — Коалиция по расследованию преследований в отношении «Фалуньгун» в Китае. История «Фалуньгун» дала повод для создания еще одного мифа о кошмарах китайского коммунистического тоталитаризма, которым пугают европейских и американских обывателей.

Пекин отреагировал на прозвучавшие из Вашингтона осуждения, как и ожидалось, резкой критикой Соединенных Штатов за вмешательство во внутренние дела и нарушение договоренностей по поставкам оружия на Тайвань. Кроме того, с угрозой предупредил, что может заморозить контакты по военному сотрудничеству и ввести санкции в отношении крупнейших американских фирм, ведущее место среди которых занимает корпорация «Боинг» и другие крупные производители авиационной техники.

Но Америка не была бы Америкой, если бы не перешла от слов к делу. Президент Обама, вопреки прозвучавшим предостережениям, в конце января уведомил конгресс США о поставке Тайбэю большой партии вооружений на общую сумму 6,4 миллиарда долларов. На остров предполагается отправить 263 ракеты ПВО Patriot-3, многоцелевые вертолеты UH-60 Black Hawk, а также оборудование для систем войсковой связи. На руках у американцев еще заказы на корабли и самолеты, например на 66 истребителей F-16, которые давно просит Тайбэй.

В середине февраля в Белом доме Барак Обама и Хилари Клинтон встретились с духовным лидером тибетцев Далай-ламой. Беседа, правда, была представлена как неофициальная. В последние двадцать лет все американские президенты встречались с Далай-ламой, при этом каждый раз подчеркивался неофициальный характер этих встреч.

Только в 2009 году Обама не принимал мятежного гостя из Тибета, потому что готовился к своему первому официальному визиту в Китай, на который возлагались большие надежды. Весь прошлый год администрация США предусмотрительно не давала хода пакету контрактов на продажу оружия Тайваню. Препрады рухнули лишь после того, как в Вашингтоне потеряли надежду на серьезный политический флирт с китайским руководством.

Лидер тибетских буддистов Далай-лама XIV является лауреатом Нобелевской премии мира и обладателем высшей награды США — Золотой медали Конгресса. Его ежегодные вашингтонские встречи инициируют международное обсуждение проблем Тибета, поощрение сепаратистов и, соответственно, осуждение пекинской национальной политики. Высокогорный Тибет был присоединен к КНР в 1949-1950 годах. В 1959 году китайские войска подавили вспыхнувшее народное восстание тибетцев, а их духовный лидер покинул родину и укрылся в Индии. С тех пор Далай-лама пытается мирным путем добиться независимости Тибета и осуждает правительство КНР за «оккупацию». Действия Далай-ламы на международной арене в совокупности с периодическими сепаратистскими выступлениями коренного населения Тибета, самым свежим актом которых были волнения в Лхасе перед пекинской Олимпиадой, создают постоянную головную боль китайским официальным лицам. Отсюда — крайне болезненная реакция Пекина.

В ответ на вашингтонскую встречу официальный представитель министерства иностранных дел КНР Ма Чжаосюй сделал заявление, в котором назвал ее «серьезным оскорблением национальных чувств китайского народа» и грубым вмешательством во внутренние дела страны. Американские дипломаты по поводу реакции китайцев в свою очередь снисходительно заметили, что их реакция будет «только их реакцией».

Апогеем нового раунда геостратегической игры «США-Китай» стал следующий яркий факт. Прибытие Далай-ламы в столицу Соединенных Штатов по времени аккуратно совпало с визитом отряда боевых кораблей американского 7-го флота во главе с атомным авианосцем «Нимитц» в порт Сянган (Гонконг). В то время как в Северной столице (Пекин — «Бэйцзин», северная столица) руководители государства глотали горькую политическую пилюлю, в

южной «Душистой гавани» (так переводится «Сянган») высшие чины ВМС КНР, выстроившись в ряд, в соответствии с международным военно-морским церемониалом дружно отдавали честь звездно-полосатым флагам на мачтах заокеанских «броненосцев».

В этом случае надо отдать должное выдержке китайцев: они не отказали отряду кораблей США в возможности зайти в свой порт. Хотя такие прецеденты бывали — например, в 2007 году Пекин подобным образом прореагировал на недружественный жест США. Надо полагать, что ответный ход Китай оставил на сей раз за собой. Или вожди Поднебесной преследуют иной интерес, который может быть объяснен следующим образом.

Год за годом официальный Пекин выражает неудовольствие по поводу встреч Далай-ламы с американскими президентами, мотивируя это тем, что США поддерживает сепаратизм Тибета. Но сам 74-летний духовный лидер тибетцев в недавнем интервью сообщил известному обозревателю телевизионного канала CNN Ларри Кингу, что не строит планов борьбы за полную независимость Тибета от КНР. Эта высокогорная территория не имеет выхода к морю, поэтому в случае отделения может оказаться в полной блокаде, которая станет огромным шагом назад в ее развитии. Далай-лама предпочел бы остаться в составе Китая, но получить для своей родины большую автономию, чем сейчас.

Раз ситуация не так уж горяча, зачем тогда Пекину большие политические скандалы? Пройдет некоторое время, и мятежный Далай-лама XIV уступит место молодому преемнику, с которым вопрос разрешится мирным путем, а проблемы сепаратизма исчезнут. Вместе с тем и сегодня и завтра китайские официальные лица будут заявлять протест Соединенным Штатам за вмешательство во внутренние дела. Потому что именно так следует поступать в соответствии со стратегией Сунь Цзы «Бить по траве, чтобы вспугнуть змею», то есть провести демонстративное действие, рассчитывая на присутствующего или отсутствующего зрителя.

С Тайванем дело обстоит иначе. Санкционированная администрацией Обамы сделка по продаже правительству в Тайбэе новой партии оружия достаточно четко показывает, что Вашингтон — против прогресса на пути воссоединения островной Китайской Республики с материковым собратом. Несмотря на то что многие

специалисты по Китаю в нашей стране уже объявили, что после возвращения к власти в Тайбэе партии Гоминьдан вопрос объединения решится буквально в ближайшие годы, говорить так пока рановато.

«Торопица нада нету, капитана, торопица худоза!» — любил повторять один китайский лоцман на Амуре.

В США прекрасно понимают, что мирное сращивание экономик Тайваня и КНР весома приумножит возможности Пекина, что уже показали события после воссоединения коммунистического Китая с капиталистическим Гонконгом. Именно неудержимый рост экономической мощи Поднебесной вызывает сегодня зубовный скрежет в Вашингтоне. Независимый Тайвань для него в нынешних условиях — не только «непотопляемый авианосец» в стратегически важном районе Тихого океана, но и своеобразная узда на шее «красного дракона». В данном случае Штаты следуют древнему принципу *«divide et impera»*: *«разделяй и властвуй»*. Поставка оружия, с одной стороны, вновь меняет баланс военных сил по обе стороны Тайваньского пролива, с другой — укрепляет позиции политических сил, выступающих против мирного объединения острова с КНР, заметно отдаляя решение проблемы окончательного восстановления территориальной целостности Поднебесной. Владимир Попов отмечает: «Все страны делятся Китаем на признающие и не признающие Тайвань... Тайвань предлагает материальную помощь тем странам, которые сохраняют с ним дипломатические отношения, в Пекине же эти страны скрупулезно вносят в „черный список“^[50]...»

ВВП Тайваня составляет около 400 миллиардов долларов, остров занимает по этому показателю 26-е место в мире, превосходя такие страны, как Иран, ЮАР, Аргентина или Венесуэла. Если численность тайваньского населения — всего 2% от китайского, то ВВП — примерно 10%. По размеру оборонных затрат Тайвань занимает 15-е место в мире, они составляют приблизительно 17% расходной части его бюджета. Размер тайваньских инвестиций в китайскую экономику, по неофициальным данным, превышает 100 миллиардов долларов. Примерно той же цифры достигает оборот взаимной торговли. На Китай приходится свыше 40% тайваньского экспорта. До миллиона выходцев с Тайваня работают на постоянной или временной основе на континенте. Китайские туристы составляют более двух третей посетителей тайваньских музеев и курортов.

С 1991 года в Тайбэе и в Пекине работают административные органы, функцией которых является налаживание прямых отношений между островом и материком. Большой Китай считает, что время работает на него, поэтому вся политика по отношению к Тайваню строится на этом. В Тайбэе же осознают, что для Пекина легче купить остров, чем завоевать его, поэтому его ставка сделана на сотрудничество, а не на конфронтацию. Приоритет во всех спорных вопросах отдается экономике, а не задаче объединения. Новый президент Тайваня Ма Инцзю, избранный под лозунгами радикального улучшения отношений с КНР, старается не раздражать пекинское руководство лозунгами о независимости Тайваня. Материковый Китай представляет для тайваньского бизнеса неиссякаемый рынок сбыта продукции, а также объект для инвестиций и может выступать в качестве поставщика остро необходимого сырья и комплектующих.

КНР, в свою очередь, может и не спешить в решении тайваньской проблемы, время терпит. Если для Тайваня Китай — главный торговый партнер, то Пекин числит островитян где-то в конце второго десятка. Занимаясь экономикой, китайское руководство не забывает о политике. Никто не может исключать, что громы и молнии в адрес Вашингтона по поводу продажи оружия Тайбэю — лишь повод для получения преференций на переговорах об экономическом сотрудничестве в духе известной стратагемы «На востоке поднимать шум, на западе наступать». К тому же Пекин позиционирует себя как государство, которое не боится идти на риск обострения отношений с мировой сверхдержавой.

Разразившийся скандал вызвал отклики экспертов, многие из которых считают, что угрозы Пекина так и останутся угрозами. Холодной войны между США и КНР не будет, а умеренная конфронтация со временем завершится. Ведь на кону слишком большая ставка: товарооборот между двумя странами составляет 410 миллиардов долларов!

Вашингтон, держа в уме необходимость продолжения активного экономического сотрудничества с Пекином, все же будет критиковать Китай за нарушения прав человека, за демпинг при экспорте товаров в США, за неоправданно низкий курс юаня и т. п. При этом над американцами будет довлеть то обстоятельство, что КНР является крупнейшим кредитором США и располагает их государственными

облигациями на сумму 800 миллиардов долларов. Собственно говоря, одна из причин серии «ударов Обамы-Клинтон» в этом и кроется. Газета «Вашингтон пост» написала без обиняков: зазнался Китай, испытывает чувство триумфа по поводу того, что страна, исповедующая альтернативную политическую и экономическую доктрину, успешно преодолевает экономический кризис, тогда как США и Запад в целом движутся к упадку. Поэтому Америка, критикуя Китай, все же боится «перегнуть палку»: не стоит будить спящего дракона... Об этом же говорил известный российский дипломат Юлий Квинцицкий: «За Китаем, с одной стороны, ухаживают, с другой — на него давят и грозят ему»^[51].

Президент Обама подвергается усиливающемуся нажиму в своей стране, как по внутривнутриполитическим, так и по внешнеполитическим темам. Ему обязательно надо провести ряд важных решений через конгресс, прежде всего — законопроект о реформе системы здравоохранения, имеющий принципиальное значение для его политической карьеры. Промежуточные выборы в ноябре 2010 года, скорее всего, приведут к усилению позиций соперников-республиканцев, а это ослабит позиции Белого дома на Капитолийском холме. Американский истеблишмент не готов поступиться чем-нибудь, связанным со сверхдержавным статусом страны. Осознавая это, президент демонстрирует решимость всячески сохранять лидерство США в мире.

Пока два «тигра» — США и Китай — ввязались в конфликт между собой, демонстрируя силу мускулов, самое время обратить внимание на позицию третьей стороны упомянутого треугольника, то есть России. Сможет ли наша страна уподобиться мудрой обезьяне, которая терпеливо наблюдает за схваткой, чтобы потом воспользоваться ее результатами? Российская пресса уже писала, что сразу же после американского демарша в мидовскую высотку на Смоленской площади зачастили китайские дипломаты с целью прощупать позицию Кремля в отношении обоих участников конфликта. Причем зачастую вопросы ставятся напрямую: «Вы с нами?»

У Москвы в этом случае складывается уникальная ситуация: можно добиваться своей выгоды и от Пекина и от Вашингтона. С китайцами следует договариваться о равноправии в решении проблем

взаимного сотрудничества и финансовых вопросов. По отношению к американцам пора четко обозначить круг наших интересов на территории бывших советских республик, а также наше видение вопросов СНВ и ПРО. Договориться, наконец, о взаимоприемлемых позициях в спорах по Ирану. Наш МИД уже успел продемонстрировать собранность и быстроту реакции: вскоре после сообщений о поставках американского оружия Тайваню прозвучало заверение российского главы внешнеполитического ведомства Сергея Лаврова о том, что Иран вскоре получит зенитно-ракетные комплексы С-300, дело осталось лишь за урегулированием некоторых технических вопросов. Значит, можем, когда захотим? «От каждого свинства надо уметь оторвать свой кусок ветчины», — заметил как-то добрый кулинар.

Занимаясь анализом обстановки в треугольнике Китай-США-Россия, нельзя упускать из виду еще одну крупную мировую силу — Индию, позиция которой по-своему воздействует на каждую из сторон этой геометрической фигуры. Индия в экономическом развитии идет «ноздря в ноздрю» со своим пограничным соседом и соперником. А по численности населения через десяток лет перегонит его. Поэтому есть большой резон посмотреть, как политика Дели соотносится с политическими процессами в рассматриваемом треугольнике. Тем более что информированный китаевед — заместитель директора Института российско-китайского стратегического взаимодействия Андрей Девятков выстроил в одной из своих опубликованных работ другой политический треугольник: США-Индия-КНР, прокомментировав современные отношения между его сторонами.

* * *

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА

Оценка проявленной, освещенной средствами массовой информации, части американско-индийских отношений позволяет говорить о том, что в треугольнике США-Индия-КНР по линиям США-Индия и США-Китай американцы пытаются построить отношения взаимозависимости, а на линии Индия-Китай, наоборот, обострить отношения соперничества этих двух находящихся на

историческом подъеме и конкурирующих друге другом гигантов. Для России же, в рамках организации БРИК, американцы отвели роль ложного стратегического партнера Индии, отвлекающего ее внимание на «пустые хлопоты».

При этом глобальные проблемы связаны с ненадежностью ее стратегической связки с США, возникшей после 1991 года, когда СССР рухнул, а Индия встала на путь либеральных экономических реформ. И хотя финансовый кризис Индию не затронул (благодаря барьерам для американского спекулятивного капитала), либеральные реформы не прибавили стране рабочих мест. А ставка на США («ядерное понимание», информационный Software аутсорсинг, технологическая зависимость) с ослаблением США и, соответственно, снижением темпов технической модернизации грозит Индии социальными проблемами (резней).

Отношения с Китаем однозначно характеризуются как враждебные. Китай враг потому, что успешно «захватывает рубежи современности». «Забирает на себя энергию Азии». «Перехватывает партнерские отношения взаимозависимости и взаимного сдерживания с США». «Не признает статуса Индии». «Не желает урегулирования вопроса демаркации границы с Индией длиной 4500 километров». «Контролирует сброс воды с ледников Тибета и Гималаев в Индию». Усиливает военную инфраструктуру в Тибете (Каракорумское шоссе), в Пакистане (порт Гвадар) и Мьянме. «Общего языка на политическом уровне между Индией и Китаем нет». «Решение территориального спора путем обмена участками территории перспектив не имеет». «Индии нужно догонять Китай, тогда как разрыв между совокупной мощностью Индии и Китая будет лишь нарастать».

Пакистан — источник постоянной угрозы. Гнездо терроризма. Пакистанский радикальный ислам несет хаос и путем хаоса намерен затянуть мусульман Индии в состав Халифата (мусульман в Индии больше, чем все население Пакистана). «Священная война» радикального ислама (как продолжение Британской интриги, игры банковской группы Ротшильдов — Ост-Индской компании — и усилий MI-6) нацелена на Кашмир. Диалога с Пакистаном у Индии нет вообще. И если слабеющие США к 2012 году уйдут из Афганистана, то Кашмир (долина Шринагар) сразу рванет взрывом терроризма и экстремизма против Индии.

«Индия несчастна и с шестью окружающими бедными странами от Афганистана до Бангладеш и Шри-Ланки». «Исламский нарыв», нехватка воды и эпидемии, как следствие глобального потепления, угрожают потоками беженцев.

Поэтому, под ударами надвигающегося хаоса, главная проблема будущего для Индии это «**как сохранить страну** как композитную цивилизацию».

Что же касается отношений с **Россией**, то РФ с 1991 года, взяв курс на Запад, сорвала все сделки с Индией и так толкнула Индию в объятия США. И хотя разногласий в политике между Россией и Индией нет, в экономике усиливается провал. Стратегические связи в части военно-технического сотрудничества слабеют (доля РФ в ВТС Индии уменьшилась с 90 до 30%). А в культуре наблюдается имитация: 2009 год объявлен «Годом Индии в России», но об этом народ даже не подозревает, ибо ничего не происходит. «Транспортный коридор из России в Индию через Иран есть фикция». Финансовый капитал России не воспринимает Индию как объект инвестиций. И бизнес-элита Индии, взаимно, ориентируется не на Россию, а на США. Разговоры же о принятии Индии в ШОС и треугольнике «Россия-Индия-Китай» есть чистая бюрократия, так как механизма принятия новых членов в ШОС нет, а связка Индии с США сильнее.

Со стратегической высоты оценка соотношения сил (совокупной мощи) Индии и Китая за явным преимуществом должна быть сделана в пользу Китая.

Преимущества определяются следующими обстоятельствами:

— Китай выступает этническим и культурным монолитом ханьской нации (на 1,3 миллиарда китайцев приходится всего 50 миллионов национальных меньшинств). Тогда как Индия является конгломератом: 5 каст, 12 религий, 20 литературных языков, множества племен и народов;

— Китай никогда не был колонией. «Опиумные войны» XIX века с Британией выдержал. А иностранное влияние всегда переваривал с сугубо китайской спецификой. Индия же гордится тем, что в 1858 году британская королева Виктория была провозглашена «Императрицей Индии». Индия приобщилась к Западу. А Британия, следуя принципу «разделяй и властвуй», управляла Индией, имея колониальную администрацию всего в 4 тысячи человек;

— Китай традиционно воспринимается как классическая восточная деспотия, оплот социальной иерархии и целесообразности. Колониальным же наследием Индии выступает западная «парламентская демократия» и ставка на закон;

— Китайская экспансия осваивает «глобальную деревню», а в городах мира оседает и закрепляется в «чайна-таунах». За рубежом Китай разворачивает национально обособленную теневую экономику с силовым прикрытием мощного преступного сообщества (триады). Индия же встраивается в современный англосаксонский «глобальный город» и своей мафии не имеет.

(Андрей Девятков. Индия, «Группа двух» и Россия»// www.clubvi.ru. 24.11.09)

* * *

В начале 2010 года главнокомандующий сухопутными войсками Индии генерал армии Дипак Капур объявил на учебном семинаре командного состава индийской армии о том, что военно-политическое руководство страны приступило к пересмотру государственной военной доктрины. В соответствии с положениями новой стратегии национальной обороны Индия будет готовить вооруженные силы не только к обеспечению безопасности страны в целом, но и к одновременному ведению войн с Пакистаном и Китаем, то есть «на два фронта». По мнению некоторых экспертов, новые стратегические установки Нью-Дели вполне могут привести к появлению сложностей в отношениях с КНР. Тем более что в последние годы китайские военные аналитики неоднократно выражали свою обеспокоенность в связи с растущими амбициями Индии в решении проблем национальной обороны и отмечали, что ее военная стратегия, имевшая до сих пор оборонительный характер, с китайской точки зрения все более становится «наступательной и агрессивной».

Индийские военные пребывают в состоянии готовности показать свою силу в случае возникновения конфликтной ситуации. Командующий военно-морскими силами Индии вице-адмирал Нирмал Верма, выступая перед журналистами в декабре прошлого года, заявил, что индийский флот расширит свое присутствие в океане у

южных берегов страны в противовес китайской экспансии в этом регионе. «Мы определяем, каковы наши интересы в этом районе, и работаем над тем, как превратить их в возможности, которые нужны нам для контроля над нашими морскими территориями», — уточнил адмирал. Строительство Китаем военно-морских баз в портах Янгон (Мьянма), Гвадар (Пакистан) и Хамбантота (Шри-Ланка) ведется в соответствии со стратегией «жемчужной нити», которая должна опоясать восточное побережье Индии. Следует заметить, что рядом с островным государством Шри-Ланка проходят морские пути, по которым КНР обеспечивает 80% своих нефтяных поставок, а Индия, соответственно, 65%.

Индийский адмирал сообщил, что его страна внимательно следит за ситуацией в океане, в частности за тем, что в последние годы там все чаще стали появляться боевые корабли ВМС КНР. Индийское военно-морское командование разрабатывает проект обеспечения защиты интересов своей страны в Индийском океане, который предусматривает направление в регион десятков новых кораблей и самолетов морской авиации.

ВМС Индии своевременно модернизируются: в течение нескольких лет в их составе появятся 40 новейших кораблей, в том числе авианосцы, подводные лодки, эсминцы и фрегаты. Адмирал Суриш Мехта, командовавший индийским флотом до августа 2009 года, как-то сказал по поводу своих соперников: *«Я никогда не говорил, что Китай сильнее нас. Я лишь имел в виду, что количественно нам не нужно с ним соперничать. Мы и так лучше»*. Его преемник Нирмал Верма разделяет эту точку зрения. И это не пустая похвальба соперников на ринге перед схваткой.

Боевой флот Индии несколько уступает китайскому по общему корабельному составу, но по количеству современных боевых единиц, оснащенных ударным ракетным оружием, он даст фору воинственному соседу. К тому же это — авианосный флот: под индийским флагом ходит бывший британский авианосец «Гермес», а в будущем к нему присоединится российский «Адмирал Горшков», который сейчас переоборудуется для индусов в Северодвинске. За 2,3 миллиарда долларов наш *тавкр* (тяжелый авианесущий крейсер) станет индийским флагманом «Викра-мадитья». Китаю, не располагающему своими авианесущими кораблями, сложно будет

противостоять индийской эскадре в открытом море. К тому же у индийских военных моряков гораздо больше опыта океанской службы, чем у китайских, которые лишь несколько лет назад начали отправлять свои корабли в дальние походы.

В 2010 году исполняется 60 лет установлению дипломатических отношений между Китаем и Индией. Конечно, по этому знаменательному поводу политики двух стран произнесут немало громких речей на тему развития взаимовыгодного сотрудничества и добрососедства, которое якобы ничем не омрачается... Однако юбилейная риторика маскирует растущее обоюдное отчуждение. Ведь сегодня у западных границ Китая заложена пороховая бочка, взрыв которой сулит большие беды, вплоть до падения Великой стены. Руководство КНР, несомненно, учитывает это. А в Дели присматриваются к военной политике США в зоне Индийского океана, которая строится на том, чтобы держать Китай под прицелом. Глобальная война Соединенных Штатов с международным терроризмом покрывает все новые и новые зоны на карте мира. Недавно американские официальные лица сообщали о том, что Йемен превратился в одну из опорных баз исламистов. Силы командования специальных операций США при поддержке боевой авиации уже приступили к антитеррористической операции в этой арабской стране.

Произошедшие события оценил по-своему известный индийский дипломат, бывший посол в СССР, Германии, Афганистане, Пакистане и Турции М.К. Бхадкумар. Он высказал мнение, что новая американская стратегия в Йемене на самом деле направлена не против терроризма, а против Китая. Дипломат считает, что США, ввязываясь в войну в Йемене, имеют намерение усилить свое присутствие в регионе. Американцы стремятся завладеть стратегически важным портом Аден на берегу Аравийского моря, который именуется «воротами в Азию», тем самым давая понять Китаю, что еще слишком рано говорить о закате их влияния в зоне Индийского океана.

Устраиваясь в западной части этой зоны, американцы не забывают и о восточной зоне, чтобы полностью «обвеховать» ту часть Мирового океана, к которой тяготеет континентальный Китай. По заявлению президента Российской академии геополитических проблем генерала Леонида Ивашова, Соединенные Штаты разворачивают противоракетные комплексы морского базирования на плавучих

платформах на Дальнем Востоке, в Японии. Постепенно наращивая систему ПРО, они стремятся нейтрализовать не только российский ракетно-ядерный потенциал, но и потенциал Китая.

Китайские военные специалисты, которых следует отнести к группировке пекинских «ястребов», оценивая обстановку на восточных, западных и южных рубежах Поднебесной, утверждают, что в ближайшие 20 лет их страна может оказаться втянутой в войну. По их мнению, Китай сейчас окружен в основном враждебными странами, связанными с США. «Вашингтон может разжечь пожар на заднем дворе КНР, но в таком случае мы тоже можем разжечь пожар у них на заднем дворе», — предупреждает один из пекинских специалистов по военной политике.

В условиях острого соперничества Пекина и Вашингтона за возможность беспрепятственно контролировать океанские пути транзита грузов внешней торговли и обеспечения надежных поставок сырья и энергоресурсов особое значение приобретает Шанхайская организация сотрудничества, которая была учреждена в 2001 году лидерами России, Китая, Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана. Общая территория стран, входящих в ШОС, составляет 30 миллионов квадратных километров, то есть 60% территории Евразии. Изначально страны Запада отнеслись к созданию ШОС с подозрением и даже затаенной враждебностью. Этот евразийский конгломерат тут же окрестили блоком «анти-НАТО» и «клубом автократов», намекая на то, что в странах — членах ШОС остро стоит проблема прав и свобод человека. Получалось, что в состав Шанхайской организации сотрудничества вошли исключительно «восточные деспотии»^[52], являющиеся потенциальными агрессорами. И такая реакция неудивительна, ведь Соединенные Штаты Америки прилагают все усилия, чтобы не допустить сближения России и Китая, а уж тем более тесной интеграции крупнейших евразийских государств как новых «полюсов силы». В июне 2006 года на саммите ШОС президент Ирана Махмуд Ахмадинежад подчеркнул, что у Ирана, России и Китая общие взгляды на многие мировые проблемы, а также призвал сообща противостоять давлению тех держав, которые «склонны запугивать»^[53]. Понятно, что президент Ирана имел в виду Соединенные Штаты.

Распад СССР привел к такой ситуации в международных отношениях, когда насущно необходим переход к устойчивой многополюсной системе мироустройства. Очевидно, что у многополюсной модели мира сегодня есть только один серьезный противник — западная цивилизация во главе с Соединенными Штатами. Запад опасается, что потеря привилегированного положения обернется для него потерей идентичности, «размыванием» европейских наций и, как следствие, полным экономическим и политическим крахом. Важна не столько реальность подобного сценария, сколько проблема западного менталитета, который по-прежнему верен идее универсальности западной модели развития. Однако странам Запада рано или поздно придется принять многополюсную модель мировой политики. И чем скорее это произойдет — тем лучше для всех.

Именно ШОС стоит сейчас на страже сухопутных северных границ Китая — стратегического тыла Поднебесной. Ни одна страна в мире не способна воевать одновременно на нескольких фронтах. Руководство КНР не исключает вероятности возникновения военного пожара на «путях транзита» с южной стороны. В таких условиях следует рассчитывать на бесперебойные поставки стратегических ресурсов на севере, через Центральную Азию. Территории Ирана, Туркмении, а также стран — членов ШОС становятся объектом его особой заботы. Стратегический тыл должен быть безопасным.

О важности Шанхайской организации сотрудничества для Китая размышляет автор статьи «Силы для антитеррора» Андрей Голобков на страницах одного из декабрьских номеров московского журнала «Военно-промышленный курьер».

* * *

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА

Главная же задача военной составляющей ШОС для Китая — реализация концепции многополярного мироустройства, включающего на этом направлении в первую очередь стратегическое партнерство с Россией и партнерские отношения с центральноазиатскими

республиками. В России, кроме того, Пекин видит не только свой геополитический тыл, но и «важный военно-технический ресурс». Ведь основой вооружения НОАК остается российская или скопированная с российских образцов вооружения техника. Не стоит забывать, что Китай — по-прежнему крупнейший партнер России в военно-технической сфере, а совместные учения ШОС — источник новых контрактов на поставку ВВТ и заметно оживляют сотрудничество в этой сфере.

Государства — члены ШОС желают видеть в Шанхайской организации не столько военно-политический альянс, сколько структуру, способную восстановить баланс сил на обширном пространстве, обеспечить безопасность в зоне своей ответственности, развивать экономическое сотрудничество, а отношения с Западом строить на прагматичной основе. Данный путь является бесконфликтным и имеет большой потенциал дальнейшего развития.

(Андрей Галобков. Силы для антитеррора // Военно-промышленный курьер. 2009. 16 декабря)

* * *

Что же касается российской стороны этого стратегического треугольника, то политическое руководство нашей страны, несомненно, должно учитывать основные принципы китайской внешней политики, изложенные однажды и на долгие времена премьером Госсовета КНР Чжао Цзяньном почти четверть века назад, в марте 1986 года. Один из них гласит: **«Китай никогда не ставит себя в зависимость от сверхдержав, никогда не вступает ни с кем из них в союз, не устанавливает стратегических связей. Китай осуществляет политику подлинного неприсоединения и никогда не рассматривает эту политику по отношению к Советскому Союзу как инструмент в отношениях с Соединенными Штатами, и наоборот».**

Это не конъюнктурная политическая установка. Это — истинная политика восточного государства, для которого собственная долгосрочная стабильность гораздо важнее временных политических альянсов.

Китайский юань против американского доллара

Китай может «взорвать» экономику США

Не так давно в Соединенных Штатах была издана получившая немедленный резонанс книга воспоминаний бывшего министра финансов Генри Полсона, члена команды президента Буша-младшего. В мемуарном бестселлере отставной финансист утверждает, что перед началом мирового финансового кризиса в 2008 году до него дошли сведения о том, что Россия якобы предложила Китаю синхронно сбросить облигации двух полугосударственных американских ипотечных агентств с целью нанесения ощутимого удара по экономике США. По словам эксминистра, Пекин отказался от таких действий, не желая в тот момент дестабилизировать американский финансовый рынок. Но в мире тогда расценили вероятный вариант экономической войны как угрожающий.

После осложнения в отношениях Вашингтона и Пекина в начале 2010 года гипотетический сценарий Генри Полсона оказался на языке у многих экспертов. Они заговорили о том, что Китай в случае необходимости вполне способен угрожать Соединенным Штатам применением этой финансовой «бомбы».

Действительно, сегодня КНР фактически является крупнейшим кредитором США. На руках у китайцев 20% всех американских ценных бумаг в виде облигаций американского министерства финансов на общую сумму 800 миллиардов долларов, при том что общие активы КНР в США, по оценкам экспертов, почти в два раза превышают эту цифру и составляют около 1,5 триллиона долларов.

Сухие статистические данные совсем недавно лихорадили умы многих аналитиков, исследующих состояние мировой экономики. Их выводы оказались суровыми: китайцы обладают детонатором, с помощью которого могут взорвать всю американскую финансовую систему. Пессимисты утверждали, что на фоне всеобщей ухудшающейся экономической обстановки в 2009 году продажа Китаем американских гособлигаций — вопрос времени.

Это будет бескровная победа Китая.

Облигации министерства финансов США — это долговые обязательства, по которым правительство самой богатой страны в мире

обязано заплатить с процентами. Именно по этой причине, из-за доходов в процентах, во многих странах и покупают американские ценные бумаги.

Интересно то, что инвесторы со всего света и теперь продолжают скупать эти долговые обязательства, несмотря на продолжающийся кризис. Резон, считают экономисты, таков: фактическая доходность американских облигаций растет, потому что инфляция в США снижается. Расчетливые инвесторы предпочитают низкую доходность на фоне низкой инфляции.

Имеются и критики этой точки зрения, которые предостерегают от чрезмерного увлечения американскими ценными бумагами, поскольку они раздувают спекулятивный пузырь, вот-вот готовый лопнуть и при этом разрушить американскую экономику. Но хотят ли кредиторы США подобного финала? По всему выходит, что нет.

Ведь в случае краха экономики Соединенных Штатов иностранные инвесторы потеряют вдвойне на американских гособлигациях. Во-первых, в данной ситуации произошел бы рост процентных ставок, который привел бы к катастрофическому снижению рыночной стоимости американских ценных бумаг, находящихся в портфелях иностранных инвесторов. Во-вторых, произошло бы «падение» курса доллара, что представляло бы серьезную угрозу иностранным вложениям.

В связи с этой двойной опасностью и вследствие растущего дефицита, а также из-за опасения банкротства США часть инвесторов могла бы принять решение о выводе средств с рынка американских гособлигаций. Но они продолжают держать эти уже не столь ценные бумаги.

Начало распродажи любых ценных бумаг приводит к их обесцениванию. Поэтому иностранные инвесторы держат их изо всех сил, чтобы не потерять стоимость собственных вложений.

Американские власти во главе с Баракком Обамой рассчитывают на то, что иностранные инвесторы продолжат финансировать растущий государственный долг США. Благодаря долгу американская экономика должна выйти из кризиса в непредсказуемом будущем. Ожидается, что кредиторы, в особенности Китай, Япония и Саудовская Аравия, будут финансировать триллионные программы стимуляции американской экономики, продолжая скупать американские облигации. Однако это

станет возможным, если перечисленные государства откажутся от части внутренних инвестиций, предназначив остатки свободных средств на покупку американских ценных бумаг, финансируя таким образом растущий американский дефицит.

Китайское правительство долго рассматривало возможность вывода своих инвестиций с достаточно рискованного американского рынка. На данном этапе Китай все же воздерживается от этого шага, понимая, что он вызовет крах американского рынка и девальвацию доллара, что принесло бы огромные потери в том числе и для Китая.

Часть экспертов продолжают считать, что продажа Китаем гособлигаций США отложена на неопределенный срок. Естественной реакцией Федеральной резервной системы (ФРС) США в этом случае было бы повышение процентной ставки, что теоретически могло бы заинтересовать инвесторов и вернуть их капиталы на американский рынок, однако в условиях рецессии, роста безработицы и проблем на кредитном рынке такое представляется неправдоподобным.

Скорее всего, ФРС и администрация США будут по-прежнему пассивно смотреть на события в американской экономике, ожидая, что ослабленный доллар позволит увеличить конкурентоспособность американских товаров на мировом рынке, а рост стоимости экспорта уменьшит дефицит внешнеторгового бюджета страны.

Такой ход событий явно нежелателен для крупнейших экспортеров США — Китая и Японии, чьи товары стали бы менее привлекательными для американских покупателей. Но им уже никуда не деться.

По мнению некоторых японских экспертов, экономика США зависит от центральных банков Японии, Китая и других стран, чтобы они инвестировали в гособлигации США и поддерживали американские учетные ставки низкими^[54]. Америка, фактически банкрот, по-прежнему будет притягивать средства извне, поскольку крупнейшие экспортеры, поставляющие товары на американский рынок (и одновременно кредиторы США), уже стали заложниками ее экономики. Конечно, Китай мог бы уже сегодня обрушить американскую экономику, но одновременно Поднебесная потеряла бы существенную часть своего инвестиционного портфеля и экспортного рынка. Глобализация сделала крупнейшие экономики мира

сообщающимися сосудами со всеми вытекающими из этих сосудов последствиями.

Реальные события не оправдали прогнозы пессимистов. Китай не стал избавляться от американских ценных бумаг. Принцип *«торопиза надо нету»* остается актуальным. В декабре прошлого года в средствах массовой информации прошли сообщения о том, что, по мнению представителя Банка Китая, доллар США из-за сокращения спроса на гособлигации вашингтонского Министерства финансов и ускорения работы американского печатного станка будет не укрепляться, а слабеть. Одновременно официальный Пекин предупредил, что в условиях продолжающегося кризиса руководству Соединенных Штатов не следует ожидать от других стран увеличения закупок гособлигаций для финансирования американских дефицитов. Всезнающие эксперты тут же пришли к выводу, что КНР таким способом пытается сбить цену в преддверии собственных долларовых покупок.

Российские специалисты по финансовым рынкам, внимательно отслеживающие ситуацию в мире, высказали мнение, что опасения китайцев по поводу доллара США не имеют под собой реальных оснований, это всего лишь восточное лукавство.

Не исключено, что на самом деле китайцы намерены приобрести дополнительные долларовые активы, а «тревожными» заявлениями сбивают на них цену. Американцы старательно стимулируют производство, максимально снизив ставки. Ставка рефинансирования доведена до 0-0,25%, чтобы деньги стали практически бесплатными. За счет увеличения денежной массы и скорости обращения долларов в США создаются условия для производственного роста. Рост денежной массы — показатель отрицательный, но одновременно с ним растет и производство. Поэтому доллар может укрепиться по отношению к конкурентам, например к евро, и на фоне увеличения количества долларов в экономике.

Между тем китайские власти считают, что настает время и для юаня стать *«третьим столпом»* глобальной финансовой системы на фоне сложностей, происходящих с долларом и евро. Эти две давно существующие опоры с трудом обеспечивают устойчивость мировых финансов. Время диктует необходимость появления третьей валюты в

качестве опоры, которая среди прочего позволит двум другим повысить свою надёжность.

Совершенно прав был президент России Дмитрий Медведев, когда в июне 2009 года на саммите Шанхайской организации сотрудничества сказал, что «нынешний набор резервных валют и основная резервная валюта — доллар США — со своими функциями не справились». Конечно, новая резервная валюта не появится в одночасье. Ее введение — процесс длительный, но главное — сделать первый шаг. Востоковед Ю. А. Гусев писал: «...Китай проводит умелую и взвешенную валютную политику, что весьма скоро может привести к тому, что юань легко займет место доллара в тихоокеанских расчетах. Сейчас, после восстановления своего контроля над Гонконгом, Китай является единственной страной в мире, где существует две валюты — юань и гонконгский доллар, что дает возможность не только накапливать иностранную валюту, но и с большой выгодой для себя вести внешнеэкономические отношения со всем миром»^[55].

Фиксированный валютный курс Китая давно стал предметом беспокойства у представителей сильнейших экономик мира. Китайские власти искусственно занижают обменный курс своей валюты, что влечет повышение цены доллара в юанях. В свою очередь, за счет этого повышается стоимость долларов, которые Китай зарабатывает от экспорта, при этом снижая цену тех долларов, которые он расходует на импорт. Удерживая свою валюту в состоянии искусственной слабости, то есть постоянно сохраняя более высокую цену доллара в юанях, Китай создает себе излишки долларов.

Здесь следует добавить, что Пекин абсолютно не заинтересован в обмене даже части долларовых резервов на золото. Периодические продажи Международным валютным фондом партий драгоценных металлов проходят без участия Китая. Видимо, китайцы вполне обоснованно считают этот актив малополезным. Кроме того, они и сами успешно наращивают добычу золота в собственной стране.

Сегодня Соединенные Штаты ищут рычаги финансового воздействия на Китай, чтобы лишить своего соперника козырей. Президент Барак Обама дал понять, что в 2010 году его администрация будет проводить жесткую линию в отношении Китая по проблеме дисбалансов в торговле. На встрече с сенаторами от Демократической

партии он твердо обещал, что будет оказывать «постоянное давление на Китай и другие страны, требуя от них открыть свои рынки на взаимной основе». Один из наиболее авторитетных экономистов США, лауреат Нобелевской премии по экономике, профессор Принстонского университета Пол Кругман, ведущий свою колонку в «New York Times», делает собственный анализ экономической политики КНР.

* * *

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА

Исходя из последних данных о том, что экономика Китая вновь находится на подъеме, становится ясно, что эта страна проводит политику меркантилизма. Да, это меркантилизм — основная определяющая философия раннего периода истории современной Европы, ныне приспособленная для Китая образца XXI века.

Основной принцип меркантилизма состоит в том, что экономика страны — это ключ к достижению превосходства над политическими соперниками. Жестко регулируя экономику, особенно поддерживая активное сальдо торгового баланса, правительство может увеличить стратегическую мощь государства.

Китай действует в соответствии с этим принципом и удерживает курс своей валюты на невысоком уровне, сочетая контроль над капиталом и государственное вмешательство. Это привело к росту активного сальдо торгового баланса, а затем и экспорта капитала из страны, которая вполне могла бы быть естественным импортером капитала.

Понятно, что такая политика обеспечивает интересы Китая за счет других стран — в то время когда экономика многих самых крупных из них оказалась в ловушке ликвидности.

Но насколько серьезно негативное воздействие такой политики КНР? Вот краткая оценка.

Давайте сначала рассмотрим активное сальдо торгового баланса Китая. Этот показатель пошел было на снижение в

связи с недавними потрясениями в мировой торговле, но сейчас, кажется, снова начал расти. В своих прогнозах на предстоящие годы экономисты МВФ Оливер Бланчард и Джан-Мария Милеси-Ферретти предсказали, что положительное сальдо торгового баланса Китая на 2010-2014 годы будет равно 0,9% мирового ВВП.

Вы можете подумать, что такой сценарий окажет шоковое негативное воздействие на чистый экспорт остальных стран мира, хотя с формальной точки зрения здесь есть некоторые небольшие различия. Этот шок, в свою очередь, отрицательно скажется на способности правительств во всем мире покупать товары и услуги. Так что потенциально нас в результате ожидает серьезное снижение мирового ВВП — по некоторым оценкам, примерно на 1,4%.

Это не так много. Китай не является главным препятствием для экономического оздоровления. Но этот показатель имеет значение, особенно если принять во внимание, что крупные экономически развитые страны (например, США) обеспечивают соответствующую долю мирового ВВП. Если использовать общепринятые приблизительные оценки, согласно которым каждый процент национального ВВП равен 1 миллиону рабочих мест, то нас в Америке из-за китайского меркантилизма ожидает потеря 1,4 миллиона рабочих мест. И это пугающая перспектива.

(Пол Кругман. Китай во власти США // NEWSru.com. 15.03.2010)

* * *

Вполне понятно, что в США негативно воспринимают современную роль Китая в мировой экономике. Однако в других странах склонны иначе оценивать китайскую позицию. Некоторые даже готовы видеть КНР в качестве мощного «локомотива» мировой экономики, который способен вывезти партнеров из мирового кризиса.

Очевидно, именно США стояли за развязанными против Китая «торговыми войнами». В октябре 2008 года были обнародованы сенсационные данные о том, что некоторые китайские компании — производители пищевых продуктов — добавляли в продукцию меламин — крайне вредное для жизни и здоровья химическое соединение, которое используется при производстве бытовой химии. В частности, токсичные добавки были обнаружены в детском молоке. Эти данные послужили основанием для начала глобальной информационной войны против китайских товаров во многих странах мира, в том числе в США и России. Еврокомиссия тут же призвала страны — члены ЕС усилить контроль на границах за всеми поставками продовольственной продукции из Китая. По всему миру зазвучали призывы: *«Не покупайте ничего китайского! Это смертельно опасно!»* Охотились за «подозрительным» молоком и в России. Как всегда в подобных случаях, локальная угроза была раздута до планетарного масштаба. Был выбран подходящий момент, чтобы попытаться поставить «заслон» перед китайской экономической экспансией. Не остается в долгу и Пекин. С 13 февраля 2010 года импортеры курятины («ножек Буша») должны будут платить налог, компенсирующий разницу между внутренними и экспортными ценами на куриное мясо. Это явная антидемпинговая мера, которая защищает внутренний рынок Китая.

Во многих странах мира предпринимались попытки ограничить продажу китайских игрушек, которые, по некоторым данным, небезопасны для детского здоровья. Когда Индия ввела запрет на ввоз игрушек из Китая, Поднебесная тут же начала оспаривать это решение через ВТО как нарушающее правила международной торговли. Так же и в России, куда большая часть игрушек из Поднебесной попадает нелегально, некоторые экологи и врачи утверждают, что от китайских игрушек дети рискуют получить аллергию, кожные заболевания, бронхиальную астму и даже болезни печени.

Можно уверенно прогнозировать, что год от года «торговые войны» Китая и США будут становиться все более ожесточенными.

2009 год, несомненно, можно назвать Годом Китая, хотя бы потому, что Поднебесная заслуженно получила статус «мастерской мира». Обогнав Германию, она вышла на первое место по экспорту. Его объем составил 1,2 триллиона долларов, то есть очень большую

сумму, если учитывать глобальный кризис, нанесший тяжелый удар по торговле. ВВП страны вырос на 8,7%, что несколько ниже средней цифры прошедшего десятилетия (около 10%), но все-таки очень прилично, ведь речь идет о третьей или даже второй экономике мира. Увеличивается количество показателей производства и потребления, по которым КНР вышла на первое место. Она впервые стала самым крупным рынком автомашин, отодвинув с этой позиции США. В Китае больше всех выплавляют стали, а объем выпущенного цемента равняется показателям всего остального мира. Российский публицист Артем Акопян размышляет о том, что в XX веке Китай, в отличие от стран Запада, неуклонно *«развивал производство и обладает теперь невиданной индустриальной машиной. Такой, которая скоро будет способна одна обеспечивать весь мир дешевой и качественной продукцией. А что развивали страны Запада? Мифические „современные технологии“? Где они? Что может быть современной мобильных телефонов и компьютеров, а где они производятся? Чем занимался последнее десятилетие Запад? Плодил никчемных менеджеров с гигантскими зарплатами? Развивал финансовую систему? Но целый золотой миллиард не прокормишь банковскими махинациями, да и не горят желанием финансисты кого-либо кормить. Западные страны сначала перенесли производство в тот же Китай, потом умудрились допустить, что даже сфера услуг, которые можно оказывать дистанционно, стала уходить, например, в Индию. И кто же остался? Финансисты и адвокаты. Но ни те ни другие не создают хоть чего-либо конкретного, они могут проводить махинации и отсуживать деньги. Но для этого деньги должны откуда-то появляться, А откуда?»*— задает он резонный вопрос.

Ряду торговых партнеров связи с Китаем помогли избежать больших трудностей: благодаря приобретению китайцами сырья в Австралии и странах Юго-Восточной Азии экономика этой части планеты оживилась. Торговля с Китаем уже помогла Южной Корее и Японии. А вот с Вашингтоном Пекин так и не смог договориться о путях улучшения экономических взаимоотношений. В условиях кризиса и растущего бюджетного дефицита американцам крайне важно улучшить торговый баланс, добившись ревальвации китайского юаня. Но в Китае не готовы поступиться преимуществом, так как

любое ослабление торговли чревато огромными проблемами для перенаселенной страны.

Китайская экономика «курьерским поездом» влетела в 2010 год, в котором ее могут ждать не только успехи. Велика опасность возникновения торговых войн с Евросоюзом и США. Пока же на протяжении первых месяцев наступившего года Китай продолжает наращивать обороты. Объем экспорта китайских товаров в феврале резко возрос на 46% по сравнению с февралем прошлого года, что опережает ожидания аналитиков, прогнозировавших рост в пределах 35-40%. Такой подъем усилит давление на Пекин со стороны мировых финансовых институтов, добивающихся от китайских властей повышения курса национальной валюты.

Одновременно с увеличением объемов экспорта в феврале зафиксирована и активизация импорта в Китай: показатель вырос на 44,7%. Этот факт эксперты объясняют усилиями властей по стимулированию спроса внутри страны. Повышение уровня импорта в феврале привело к тому, что профицит внешней торговли Китая снизился до 7,6 миллиарда долларов, самого низкого показателя за последние 12 месяцев.

Невзирая на раздражение Вашингтона, Пекин удерживает курс юаня неизменным по отношению к доллару на протяжении полутора лет, чтобы облегчить положение китайских экспортеров. Китайские официальные лица заявляют, что правительство пока крайне осторожно относится к идее ослабления контроля над курсом юаня из-за туманных перспектив мировой экономики.

Достигнутые экономикой КНР результаты являются впечатляющими на данный момент. Тем не менее некоторые специалисты считают, что восторги по поводу быстрого роста Китая все же преувеличены. Руководитель Института анализа экономических циклов в Копенгагене и главный редактор Датской радиокорпорации по вопросам финансов и энергетики Йорн Тудstrup имеет собственный взгляд на «китайский феномен» в мировой экономике.

* * *

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА

Считается, что Китай может спасти мировую экономику, обойдя в скором времени США по валовому национальному продукту и став крупнейшей экономической державой планеты. Это представление основано на быстром и высоком росте КНР и положительном сальдо торгового и финансового баланса, который страна сохраняет много лет. Он позволил ей скопить резервы, в 4-5 раз превышающие резервы Соединенных Штатов. Только в 2008 году платежный баланс Китая был сведен в плюсе в 426 миллиардов долларов, в то время как дефицит баланса США составил 673 миллиарда долларов.

Однако есть и те, кто не столько надеется на продолжение китайского роста, сколько боится его. Думаю, что первая группа будет разочарована, а вторая, которая опасается превращения мощного Китая в военную сверхдержаву, может пока не волноваться.

По крайней мере 60% китайцев по-прежнему живут в сельской местности, располагая базовыми продуктами питания, но не обеспечены хорошими школами, системой здравоохранения и заботой о стариках. В течение многих лет граждане КНР испытывали помехи и поборы со стороны коррумпированных местных властей, использовавших силу для захвата их земель, — и эта ситуация не изменилась. Население страны сталкивается с загрязнением окружающей среды, нехваткой воды и увеличившимся давлением экономического кризиса, в том числе из-за возвращения домой тех членов семьи, которые потеряли работу в городах.

В Китае продолжают социальные волнения, замалчиваемые как в китайской, так и в международной прессе. К примеру, 27 июля 2009 года «Financial Times» сообщила о восстании в северо-восточном Китае, где рабочие государственного сталелитейного предприятия «Tonghua Iron and Steel» до смерти забили директора, после того как тот пригрозил большинству из 50 тысяч служащих увольнением в результате приватизации и модернизации производства. Недавние националистические манифестации в автономном районе Синьцзян, где ханьские мигранты

подверглись нападениям тюркских мусульман—уйгуров, стали очередным подтверждением конфликтов с меньшинствами, означающих тенденции к расколу государства.

На мой взгляд, руководство КНР видит стоящие перед ним вызовы. Поэтому в ближайшие годы Китай будет полностью занят домашними проблемами, в том числе серьезным демографическим вызовом, ибо его население стареет. Чтобы вести себя в империалистическом, милитаристском стиле, стране будет не хватать продуктов питания, энергетики, сырья. У Китая велики запасы угля, но нет достаточных резервов нефти, газа и другого сырья, чтобы обеспечить рост, необходимый для повышения уровня жизни большинства ее 1,3 миллиарда жителей. Вот откуда растущие обязательства Пекина в Африке, усилия по обеспечению страны сырьем, прежде всего энергией, но также и продовольствием.

Надежды на спасение Китаем экономики мира основывались на том, что китайцы будут стремиться жить лучше и тратить зарабатываемые средства. Но убедить их откладывать меньше и тратить больше, обеспечивая мировой экономический рост, — иллюзия. Китайцы отложат столько, сколько необходимо для оплаты обучения своих детей, охраны их здоровья и заботы о старших поколениях. Потребуются десятилетия и большие вклады государства, для того чтобы превратить эти услуги в общедоступные. А без этого большая часть населения, потребляющая сегодня лишь одну десятую часть того, что потребляют переживающие кризис 304 миллиона американцев, будет продолжать откладывать значительную часть своего дохода.

(Йорн Тулstrup отвечает на вопросы «Независимой газеты». <http://www.ngju/courier/2009-11-16/>)

* * *

Прошедшая в марте 2010 года сессия высшего законодательного органа КНР — Всекитайского собрания народных представителей подтвердила точность прогноза датского ученого. В докладе премьера Госсовета Вэнь Цзябао прозвучало, что 2010 год Пекин намерен посвятить исправлению перекосов, вызванных антикризисным курсом правительства в прошлом году. Власти КНР также намерены продолжать эксперименты по демократизации страны. Эти меры должны позволить Китаю избежать возможного социального взрыва.

В прошлогоднем послании Вэнь Цзябао говорил, что рост ВВП будет достигнут во многом за счет увеличения внутреннего потребления, однако главным локомотивом роста китайской экономики оказались госрасходы и безудержное кредитование. Власти страны крайне встревожены ростом «плохих» кредитов, а также «надуванием пузырей» на рынках ценных бумаг и недвижимости. По оценкам чиновников, в прошлом году около 30% выданных госбанками кредитов пошли не на поддержку экономики, а на биржу.

Руководство КНР беспокоит рост безработицы и социальной напряженности в стране. В прошлом году, по словам Вэнь Цзябао, безработица составила 4,3%, в этом году власти намерены удержать ее на уровне 4,6%. Впрочем, по оценкам китайских экспертов, в прошлом году количество выступлений в китайских деревнях значительно увеличилось, хотя никаких цифр власти не публикуют. Помимо крестьян источником нестабильности стали нетрудоустроенные выпускники вузов (около 1 миллиона человек), служащие убыточных госпредприятий, а также 130 миллионов мигрантов из сельских районов, многие из которых потеряли работу в городах из-за остановки работавших на экспорт фабрик.

Ожидается, что в этом году на поддержку деревни правительство потратит 951,8 миллиарда юаней (почти 140 миллиардов долларов), а на поддержание занятости — 43,3 миллиарда юаней (6,3 миллиарда долларов). Особенно тщательно власти проследят за тем, чтобы на улице не остались вчерашние студенты, которые при неблагоприятном стечении обстоятельств могут стать ядром оппозиции власти в городах. Из-за роста социальных расходов дефицит бюджета составил в 2010 году 105 миллиардов юаней (около 15,4 миллиарда долларов) — почти 3% ВВП. В результате затормозилось финансирование других сфер, которые ранее были для Пекина в числе приоритетов: например,

военные расходы вырастут всего на 7,5%, в то время как с 1989 года оборонный бюджет рос в среднем на 13% в год. Зато расходы на образование составят не менее 4% ВВП.

Итоги сессии ВСНП свидетельствуют, что Пекин готов поддерживать социальную стабильность не только за счет госрасходов, но и с помощью постепенной модернизации политической системы. Предполагается создать условия для того, чтобы население могло чаще выступать с конструктивной критикой правительства, а также увеличить роль СМИ в контроле над чиновниками. В условиях кризиса власти КНР усилили борьбу с коррупцией, разрешив местным СМИ публиковать расследования о злоупотреблениях чиновников.

При изучении итогов ежегодного форума высшего законодательного органа КНР вспоминается недавняя статья во французской газете «Le Monde», в которой рассматривался вопрос, не грозит ли Китаю «советский синдром»? Автор статьи — историк Тьерри Вольтон — сравнивает сегодняшние успехи Китая на мировой арене с началом триумфальной эпохи Советского Союза полвека назад. В 1959 году советский лидер Хрущев пообещал, что его страна скоро обгонит американцев. Затем последовала масштабная пропагандистская кампания, призванная поставлять на Запад статистику, бесспорно подтверждавшую превосходство социалистического способа производства. По словам Вольтона, читая западные газеты того времени, убежденные в том, что СССР будет великой державой конца XX века, Кремль и сам поверил в собственную пропаганду и могущество. Однако в начале 1990-х Советский Союз распался.

Сегодняшняя «синомания» гораздо сильнее прежней «советомании», считает Вольтон. Она обострилась в последние годы благодаря тем же механизмам, что лежали в основе возвышения СССР: поразительные экономические успехи, акцентированные с помощью лестной статистики; притягательность экзотической культуры и образа жизни для Запада; укрепление позиций на международной арене, поддержанное крупными странами во имя справедливости. Сейчас уже стало банальностью предсказывать, что Китай к середине века станет мировым лидером. Эта убежденность тем сильнее, что западный мир вновь переживает кризис.

В статье говорится, что, как когда-то СССР, Китай претендует на долю в управлении миром, достойную его экономических успехов. Однако этой страной руководит одна партия, возглавляемая людьми, воспитанными по единому образцу, контролирующими экономику и распределяющими ее плоды. Поэтому автор задает вполне резонный вопрос: не грозит ли Китаю «советский синдром», а его руководителям — те же пороки, что привели к краху СССР? В результате игры в отражения между китайскими коммунистами, слишком самоуверенными и убежденными собственной статистикой в успехах режима, и западными лидерами, озабоченными своим торговым балансом и дефицитом, Пекин рискует забыть о присущих ему недостатках, свойственных любой социалистической системе.

Сложные времена Китаю предсказывают многие экономисты, прежде всего из Соединенных Штатов. Например, Гордон Чан из Корнельского университета пишет, что Китай добился процветания в необычно благоприятный период после холодной войны и, как тогда казалось, бесконечной глобализации и экономического развития. Этот период закончился, и сегодня идет мировой спад деловой активности. Однако Компартия Китая «вцепилась» в экономическую модель, ориентированную на экспорт, которая на практике плохо приспособлена к мировым условиям. Китай подвержен колебаниям потребительского спроса в мире. Государство принимает меры, чтобы не допустить снижения экспорта при помощи бюджетного стимулирования. Но государственные бюджетные расходы неустойчивы, они способны привести к дисбалансам и дезорганизации, которые не так-то просто устранить. Судя по материалам состоявшейся сессии ВСНП, в Пекине это учитывают и стараются принять меры. Но если в ближайшее время мировые рынки не поднимутся, китайская экономика окажется в неприятной ситуации.

Мысль продолжает экономист и политолог Овед Шенкар из Университета штата Огайо. Угроза экономике КНР исходит не только извне. Угроза стабильности находится и внутри страны. Китайская экономика должна постоянно расти, у нее нет иного выбора. Для того чтобы поддержать существующий уровень занятости, необходим рост как минимум 8% ежегодно. Речь не идет о росте, который создает рабочие места. Речь идет о росте, который не создаст новых безработных. В США, да и на Западе часто неправильно понимают

Китай и говорят: «Это диктатура, ее руководству плевать на то, что думают люди». Эта позиция далека от реальности. Китайское руководство гораздо больше волнуется о том, что думают люди, чем американское.

Если в Китае возникнет ситуация, при которой народное недовольство выплеснется в протесты и приведет к краху режима, для руководства страны это будут не просто проигранные выборы. В США можно проиграть выборы и вернуться через четыре года или через восемь лет. В Китае такое невозможно. Поэтому руководство страны понимает, что надо быть очень внимательным к тому, что происходит в обществе. Вожди КНР стараются держать занятость на стабильном уровне, для чего создают излишек производственных мощностей. В настоящий момент времени это является частью программы по выходу из кризиса, но в КНР так поступали и раньше. Проблема в том, что при этом они не только идут на риск сами, но и создают потенциально опасную ситуацию для всего мира.

Самый страшный сценарий развития событий — это когда Китай ради обеспечения возможности работы собственной экономики наводнит весь мир своими сверхдешевыми товарами и будет насильственно снижать цены на всех рынках повсеместно, потому что ему надо будет продавать хоть за копейки, чтобы удержаться на плаву. Таков сценарий начала глобального катаклизма с непредсказуемыми результатами. Никто не может предугадать, насколько далеко готов зайти Китай ради спасения своей экономики.

Кроме того, Оуд Шенкар пессимистично рассматривает перспективу вхождения КНР в число передовиков не только индустриального, но и постиндустриального мира. Китай в этом очень заинтересован, но пока не видно, получится у него или нет. Инновационным сектором экономики нельзя управлять с помощью государственного планирования, хотя Пекин прилагает **огромные** усилия, чтобы усилить инновационный сектор — одну из наиболее слабых сторон **«красного дракона»**.

Американскому коллеге вторит известный российский специалист, научный руководитель Высшей школы экономики Евгений Ясин, который считает, что Китай едва ли сможет войти в число лидеров постиндустриального мира в ближайшее время. Та политическая система, которая сегодня способствует успехам этой

страны, одновременно препятствует **инновациям**. Нынешняя модель китайского общества, живущего под руководством компартии — это возрождение традиционной китайской бюрократии, которая в значительной степени была подорвана в эпоху революций и в период правления Мао Цзэдуна. В Китае не принято ругать **бюрократов**, как это происходит, например, в России. Бюрократия и централизация подразумевают ослабление конкуренции, что в конечном итоге создает серьезные препятствия для развития инновационной экономики в КНР. Сегодняшние конкурентные преимущества этой страны — временные, пока имеются резервы поздней индустриализации. Когда они будут использованы, Китай уткнется в собственный культурный барьер. Очевидно, что он не сможет генерировать нововведения с такими же результатами, как развитые страны Европы, Америки и Япония. По крайней мере, на довольно продолжительном временном отрезке.

Не исключено, что «**китайский век**» когда-нибудь настанет. Но явно не в этом столетии, таково мнение упоминавшегося выше Гордона Чана.

К сказанному остается добавить следующее. Борьба китайского юаня с американским долларом сейчас — явление очевидное. Но утверждать, что в результате этой борьбы юань позеленеет, а зеленый цвет доллара изменится на красный, невозможно. Пока все останется как прежде, потому что в кардинальных изменениях никто в мире не заинтересован.

Непобежденная коррупция. Главная борьба — впереди

Чтобы не запачкать рук, иногда нужно положить на ладонь банкноту.

Станислав Ежи Лец

По уровню коррупции Китай — на одном из первых мест в мире. Россияне сильно ошибаются, когда считают, что отечественное чиновничество — самое коррумпированное в мире: нам до Китая, слава Богу, еще далеко... В мае 2007 года в Китае с визитом находился председатель Счетной палаты России Сергей Степашин, который сказал, что его впечатлили китайские способы борьбы с коррупцией. Степашин даже призвал россиян поучиться у Поднебесной «самой системе борьбы с коррупцией, сделать прозрачной деятельность своих чиновников»^[57]. Однако, на наш взгляд, пример Китая в данном случае России малополезен. В Поднебесной сегодня масштабы коррумпированности органов государственной власти всех уровней столь велики, что это уже не скрывают даже руководители Коммунистической партии Китая. Видимо, они постепенно приходят к пониманию того, что одними репрессивными мерами («свинцом в затылок») проблему чиновничьей продажности не решить. Жестокость наказания за должностные преступления — это не столько следствие желания искоренить такое социальное зло, как коррупция, сколько проявление общественного страха, недоверия к прогнившему государственному аппарату и неспособности оздоровить его без «хирургического вмешательства».

Это может показаться странным, но отцом китайской коррупции является философ Конфуций. Формально конфуцианство **религией** не является, оно никогда не имело своих церковных институтов, но зато на роль «священнослужителей» конфуцианства всегда могли претендовать государственные чиновники Китая. Труд «Лунь юй» («Суждения и беседы»), который начал составляться «апостолами» Конфуция еще при его жизни, стал для китайцев тем же, чем во все

времена была Библия для христиан и Тора для евреев. Конфуцианство стало официальной идеологией Китая в период династии Хань (III век до н. э. — III век н. э.). Эта идеология формирует образ «благородного чиновника», воплощающего высочайшие моральные качества и жизненную мудрость. Как результат, конфуцианство создало основу для того, чтобы чиновничество возвысилось над законом, уверовало в собственную непогрешимость. Именно в этом представлении — корень коррупции. Эксперт из Китая, доктор юридических наук Фэнь Бао свидетельствует: **«Взятничество э Поднебесной было узаконено до середины XX века. Например, государственный чиновник во времена династии Цин имел право не принять посетителя»** если тот пришел к нему без подарка. Мелкому клерку было положено нести гуся, тому, чья должность повыше, — целого поросенка. В России законодатели часто кивают на Китай: мол, жесткие меры применять ни к чему — взяточников толпами ставят к стенке, а чиновники как брали, так и берут. Скажу вам одно. Если бы в Китае не было смертной казни и сроков за взятки по 25 лет, у нас бы по-прежнему просители являлись в министерство с жареным поросенком в руках»^[58]. А россиянин Владимир Попов в книге «Три капельки воды» приводит высказывание китайского промышленника: «3 моей практике не было случая, чтобы чиновник не взял; бывало, что поначалу отказывались, но это значит, надо было давать больше: я так и делал, и они брали»^[59]. Уже один этот фактор заставляет задуматься о том, что система государственного управления Китая поражена тяжелым недугом. Факты коррупции свидетельствуют прежде всего о сращивании криминала и государственной власти. Джеймс Киндж пишет о том, что рядовому китайцу порой бывает непросто отличить «ряженого» бандита от настоящего представителя власти: «Средства массовой информации регулярно сообщают о случаях с криминальными элементами, которые разъезжают по стране, прикидываясь важными чиновниками и пользуясь услугами подхалимов... В стране, где униформа внушает не вызывающее сомнение уважение, число людей, подражающих офицерам полиции и военным, просто на удивление велико»^[60].

Многим европейцам, приезжающим в Китай, начинает казаться, что в этой стране вообще не действуют никакие законы, на каждом шагу иностранец сталкивается с явлением, которое научнообразно

называется «правовой нигилизм», а проще говоря — «беззаконие», выражающееся в том числе в произволе представителей власти. Ханне Чен рассказывает, как европейцев в Китае шокирует, что «водители автобусов незаконно перепродают уже забронированные места другим пассажирам. Служащие в государственных гостиницах предъявляют фантастические счета за несуществующие дополнительные услуги; даже в телефонные переговоры с заграницей закладываются значительные „колебания тарифа" — в зависимости от того, кто хотел бы поучаствовать в посредничестве, и от того, насколько наивен клиент. Ссылки на занимаемое клиентом высокое положение срываются мало. Иностранцы, правда, скорее могут рассчитывать на успех, чем соотечественники, и все же, в принципе, никого вообще не интересует, что является „законным". Разрешено то, что допускается полицией, чья благосклонность, по общему мнению, продается»^[61].

То и дело среди китайских чиновников начинаются повальные «чистки», чреватые самыми серьезными последствиями. Продажных чиновников могут ждать пожизненное заключение или смертная казнь, но даже эти суровые меры не приуменьшают масштабов коррупции. С учетом остроты проблемы в стране даже была создана спецслужба — Государственное управление по предотвращению коррупции, подчиняющееся напрямую правительству. В декабре 2007 года к смертной казни был приговорен бывший вице-губернатор провинции Аньхой Хэ Минсюй, который получил взятки в общей сложности на сумму 1,12 миллиона долларов США. Одновременно к высшей мере наказания был приговорен бывший народный прокурор муниципалитета Тянь-цзинь Ли Баоцзинь, который заработал на взятках 760 тысяч долларов. Тысячи чиновников увольняют с государственной службы за злоупотребления и коррупцию,

Однако борьба с коррупцией идет не только репрессивными методами — как кнутом, так и пряником: например, в 2007 году Центральная комиссия по проверке дисциплины при ЦК КПК издала указ, который предусматривал амнистию в отношении тех чиновников, которые добровольно сознаются в коррупции. И, как ни странно, результат превзошел все ожидания: всего за один месяц 1790 человек пришли с повинной, вернув государству взяток на 10,2 миллиона долларов США. Весьма компетентный человек — бывший посол Российской Федерации в Китае Игорь Рогачев рассказывает: «Общая

для наших двух стран проблема — это весьма развитая коррупция. В этом плане, как известно, происходит смычка власти и бизнеса, чиновников и предпринимателей- Взяточников в Китае находят на всех уровнях — от сельских администраций до центрального правительства. Высшая мера в уголовном кодексе КНР — это смертная казнь или смертная казнь с отсрочкой исполнения. Так вот, в самых серьезных случаях коррупции суд без колебаний выносят такой приговор. Но не зря говорится, что важна не строгость наказания, а его неотвратимость. Власть старается использовать внесудебные, прежде всего воспитательные методы, взывая к совести чиновников, напоминая о славных революционных традициях коммунистов-бессребреников»^[62].

Однако традиции бескорыстного служения государству давно сданы в архив — даже в такой стране, как Китай, где власть старается блюсти «чистоту идеи». По данным исследования, проведенного по инициативе Государственного совета КНР, практически все китайские миллионеры (более 90%) являются детьми государственных чиновников, также они занимают самые высокие должности на государственных предприятиях.

Годится ли Владимир Путин на роль «русского Дэн Сяопина»?

*Ах! если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незнанья иноземцев.
Воскреснем ли когда от чужевластья мод?*

А. С. Грибоедов. Горе от ума

Французская газета «Le Monde» в 2007 году охарактеризовала политический режим Владимира Путина как «китайский путь» — то есть авторитарная власть, иллюзия многопартийности, декларируемая экономическая свобода при жестком государственном регулировании экономики^[63]. По сути, Владимир Путин был назван новым Дэн Сяопином.

Усиление Российского государства — главный «ужастик» западных либералов. Поэтому стоило Владимиру Путину выстроить дееспособную «вертикаль власти» и задавить региональный сепаратизм, как тут же к нему был привешен ярлык авторитарного политика. Изобразить Россию «восточной деспотией» — излюбленный прием западных либералов. Давно известно, что в отношении России Запад применяет «двойные стандарты»: усилия европейских и американских политиков по укреплению государственности своих стран оцениваются как естественное соблюдение национальных интересов, а вот аналогичные действия российского президента объявляются авторитаризмом.

В самой России политика Владимира Путина в отношении Китая подвергается критике со стороны как либералов, так и патриотов-консерваторов. Последним кажется, что правительство России ничего не делает, чтобы остановить тотальное проникновение китайцев в нашу страну, и даже негласно поддерживает «ползучую экспансию». Либералы, в свою очередь, упрекают Путина за якобы присущее ему стремление строить Российское государство по образцу «закрытого общества» КНР. А Борис Немцов, считающий, что из-за Путина в

России возникло «полицейское государство», все-таки находит кое-какие различия между российским и китайским обществом: *«китайская машина подавления социального протеста стоит на страже низких налогов и защиты конкурентоспособности Китая, делая Китай ведущей экономикой мира, путинская машина подавления стоит на страже корыстных интересов правящей верхушки, сырьевой олигархии, а вместо конкурентоспособности генерирует отсталость».*

Сравнением Путина с Дэн Сяопином также занялась недавно японская газета «Sankei». Уйдя с поста президента, Путин якобы стал «теневым руководителем», влияние которого основано на огромном моральном авторитете, а также на невидимых для посторонних глаз «нитях» управления, сосредоточенных в руках Путина еще со времени работы в спецслужбах. «Ни от кого не может ускользнуть тот факт, что умеющий быстро принимать многочисленные политические решения Владимир Путин... пытается обеспечить себе пожизненное право руководить страной. Вопрос в том, в какой форме эта власть сохранится в его руках... — размышляет автор „Saokei“. — Владимир Путин, конечно, обладает огромным влиянием, народной поддержкой и наверняка оставит свой след в истории, но я сомневаюсь, что он сможет получить титул настоящего „вождя“, стоящего над системой и над конституцией, которым обладал Дэн Сяопин»^[65].

О том, что вариант «теневого руководства» по примеру Дэн Сяопина вряд ли возможен для Владимира Путина (еще перед избранием Дмитрия Медведева), убедительно говорил известный российский политолог Алексей Пушков: «...российская и китайская системы — как экономическая, так и политическая — очень различные. Да, Путин восстановил вертикаль власти, но она замкнута прежде всего на него. Совершенно не очевидно, что та же самая вертикаль будет так же работать при преемнике. Когда Дэн Сяопин ушел, на его место пришел другой генсек, потом третий генсек, потом четвертый. В Китае вертикаль власти не меняется, потому что там политическая система жесткая, она достаточно ригидная, то есть развивается экономика, развивается социальная сфера, но политическая система в Китае заморожена. Там нет оппозиции, отсутствует оппозиционная печать, всем руководит коммунистическая партия Китая, есть политбюро, то есть там фактически политическая

вертикаль времен Советского Союза при значительной экономической свободе и некотором увеличении социальных свобод. Мне кажется, что это различие между Китаем и Россией не позволит Путину быть Дэном Сяопином, не говоря уже о том, что в Китае все политические элиты консолидированы. Да, между ними есть разногласия внутри партии и внутри руководства коммунистической партии Китая, но все же они объединены единой партийной структурой и они свои разногласия решают в рамках этой централизованной системы власти»^[66].

Но, Думается, одно из главных различий между Путиным и Дэн Сяопином состоит в том, что если китайский руководитель провел реформу социализма, приблизив его к законам современной рыночной экономики, то Владимир Путин вынужден был действовать в противоположном направлении — он вывел страну из стихии неуправляемого рынка и криминализированного бизнеса, усилил роль государства в экономической жизни общества, обеспечив тем самым относительную законность и правопорядок.

Перед Дэн Сяопином никогда не стояла задача консолидации общества и укрепления авторитета государственной власти, а ведь именно с острейшей необходимостью решения этих задач столкнулся Владимир Путин, заняв пост президента России.

В целом сравнение политических стратегий Дэн Сяопина и Путина открывает гораздо больше различий, чем сходств. Однако как среди сторонников Путина, так и среди его принципиальных оппонентов очень часто звучат размышления о «китайской модели», якобы реализуемой Путиным.

Сегодня нужно признать, что китайский путь для России — абсолютная утопия, которая, однако, очень нравится тем, кто хотел бы жить «немного» в социализме, а «немного» в капитализме. Но, как говорится в старом анекдоте, трудно сохранить девственность, работая в публичном доме. В конце прошлого века много шума наделала книга Андрея Паршева «Почему Россия не Америка», внятно объяснившая неприменимость американских рецептов экономического благополучия для России. Сейчас впору писать подобный же труд, но уже под названием «Почему Россия не Китай».

Известный российский дипломат, бывший посол Советского Союза в Китае Владимир Павлович Федотов осторожно напомнил соотечественникам, что при всех значительных плюсах «„социализм с китайской спецификой" нельзя рассматривать как панацею от всех бед, тем более что его содержание меняется с течением времени»^[67]. «Китайская модель» для экономики России столь же неприменима, как европейская или латиноамериканская. На протяжении 20 лет в нашей стране столь настойчиво и недальновидно внедряются европейские стандарты жизни, что невольно возникает стремление найти им какую-либо альтернативу, и неудивительно, что в первую очередь в качестве такой альтернативы хочется предложить китайскую. Очевидно, что поиск мудрых решений за рубежом — это в первую очередь проявление российского кризиса идентичности, мы самостоятельно не можем определить, к каким целям следует стремиться, мы разрываемся между «прекрасным» социализмом, который потеряли, и «диким» капитализмом, который продолжаем строить... Однако позитивная для России часть китайского опыта реформирования — это, пожалуй, только лишь те осторожность и постепенность, с которой руководство Китая во главе с Дэн Сяопином подошло к видоизменению своей политико-экономической системы. Действительно, Китай не знал ельцинско-гайдаровской «шоковой терапии», и это создает иллюзию предпочтительности китайского сценария реформ для России. Но ведь Китай не находился в таком глубочайшем политическом кризисе, как Советский Союз в 1990-е Годы, у него были возможности идти по пути постепенных реформ, а у СССР к моменту начала реформ таких возможностей уже не оказалось — государство пошатнулось и тонуло в пучине вооруженных конфликтов.

Сторонникам «китайского пути» для России следует прежде всего помнить, что, несмотря на впечатляющие экономические достижения, о которых мы говорили выше, и успехи в покорении зарубежных рынков, большинство населения Китая (а это сотни миллионов людей, живущих за пределами мегаполисов) все еще продолжают жить в нищете, и когда плоды «экономического чуда» созреют в беднейших аграрных регионах страны — пока неизвестно.

Рассуждая о «китайском экономическом чуде», следует помнить, что в XXI век Китай вошел все еще крестьянской страной. А

крестьянин не создает высоких технологий, не покупает дорогих автомобилей, не проводит отпуск на европейских курортах, даже не умеет пользоваться Интернетом... Похож ли он на гражданина страны, переживающей момент «экономического чуда»?.. Пожалуй, нет.

Нельзя судить о Китае по крупным городам — Пекину, Шанхаю, Шэньчжэню, Гуанчжоу, которые можно назвать, используя расхожее отечественное выражение, «потемкинскими деревнями» китайской экономики. Это всего лишь яркие «витрины». Здесь люди достигли того уровня жизни, который именуется «сяо кан» — то есть безбедное существование. Следует принять к сведению весьма верное наблюдение побывавшего в Китае российского профессора Вячеслава Семеновича Кузнецова, который заметил, что в Поднебесной «человека неазиатской наружности зачастую встречают как весьма состоятельную персону»^[68]. Это прежде всего говорит о том, что у большинства населения страны сформирован «комплекс нищеты». Жителям китайских провинций далеко до уровня «сяо кан». Крестьянский труд становится все более убыточным и низкоэффективным, и уже не менее 35% земель Китая находятся под угрозой «опустынивания». Признанный специалист в области российско-китайских отношений Юрий Галенович отмечает: «Немало крестьян, обитающих на берегах озера Дунтинху, в провинции Хубэй и Хунань, на землях, которые считаются житницей Китая, уже бросили свои дома и отправились куда глаза глядят, будучи вынуждены заниматься чем угодно, только не обрабатывать землю; по этой причине земли здесь оказались заброшенными»^[69].

Так что в борьбе с бедностью, которую с переменным успехом ведет сегодня правительство России, опыт Китая вряд ли пригодится...

У Китая свои проблемы, а у России — свои.

У Китая — собственная «Чечня», и не одна

В Китае, как ты знаешь, и сам император и все его подданные — китайцы.

Ганс Христиан Андерсен

Будущее Китая — гражданская война?

Китайское «экономическое чудо» — свершившийся факт. Но цена, которую Китай платит за эти «чудеса», очень часто замалчивается. Тем не менее нужно признать, что эти успехи достигнуты изнурительным трудом миллионов людей, чей труд оплачивается совершенно по-нищенски, причем при отсутствии социальных гарантий и крайне неразвитом законодательстве в сфере охраны труда и здоровья. Общенациональной пенсионной системы в Китае до сих пор нет, хотя и предпринимаются неуверенные попытки ее создания. Большинство китайцев в старости могут рассчитывать только на помощь своих детей. Россияне сегодня могут как угодно ругать отечественную пенсионную систему, но при этом надо понимать, что у нас она, к счастью, не разрушена — чему может позавидовать каждый китаец.

Таким образом, Китай никак нельзя назвать обществом социальной справедливости, и во внутренней политике Поднебесной по сей день нет заметных тенденций к ее построению, скорее очевидно, что на алтарь экономического роста государство готово положить благополучие своих граждан. Как ни странно, в социалистическом Китае сегодня происходят вещи, которые были характерны только лишь для «дикого капитализма», а именно нещадная эксплуатация людского труда. «Значительное количество исследователей считают, что средняя заработная плата в китайской экономике куда ниже доллара за час, — пишет Питер Наварра — но во многих странах мира этот показатель отстает даже от китайского: Доминиканская республика и Никарагуа в Латинской Америке, Бангладеш и Пакистан на Индийском субконтиненте, Камбоджа, Бирма и Вьетнам в Юго-Восточной Азии. Однако, несмотря на сопоставимо низкий уровень зарплат и столь же ужасные условия труда, ни одна из перечисленных стран не в состоянии конкурировать с Китаем. Одной из главных причин этого является то, что китайские промышленники получают куда более высокую производительность труда на каждый затраченный доллар. Китайские рабочие куда лучше дисциплинированы, а главное, обладают более высоким уровнем

образования, чем их собратья, живущие в фавелах Рио-де-Жанейро или в трущобах Южного Лесото»^[70].

В 1949 году с приходом к власти «великого кормчего» Мао в Китае была установлена система соцобеспечения, метафорически названная «железной миской риса» — по сути, это была калька советской системы распределения. Суть ее и в СССР и в Китае сводилась к одному: вне зависимости от производительности труда, образования и квалификации каждый человек получал гарантированное обеспечение, пусть и довольно скромное. Словом, типичная «уровниловка», которую сегодня принято уничижительно называть «совковой». В советские времена эту «уровниловку» ругали, а сейчас многие россияне вспоминают ее с ностальгией. То же самое происходит сегодня и в Китае, где, очевидно, все больше людей готовы променять «прелести» рыночной экономики на гарантированную «миску риса». Главный порок этой системы в СССР состоял в том, что она практически уничтожала стимул к эффективному труду — бездельник-алкаш на заводе получал примерно столько же, сколько и квалифицированный рабочий... При Дэн Сяопине концепция гарантированного государством социального минимума, или «железной миски риса», разрушилась как пережиток коммунального социализма, начался период формирования немногочисленного «среднего класса» и расслоения населения на бедных и богатых.

Родная сестра нищеты — безработица. А количество безработных в Китае достигло уже астрономической цифры — более 100 миллионов человек, и даже при неуклонном росте ВВП эта цифра никак не уменьшается...^[71] По некоторым данным, безработные в Китае составляют уже до 25% трудоспособного населения. В свою очередь, огромное количество свободных рабочих рук создает предпосылки для нищенской оплаты труда — возникает замкнутый круг, тормоз социального развития.

Бедность, безработица и прочие экономические трудности — постоянный «поставщик» социальных проблем Китая. Как свидетельствует главный редактор редакции информации на китайском языке «РИА Новости» Алексей Ефимов, в Поднебесной сегодня очень остро стоит «проблема социального недовольства. Она проявляется в виде „бессмысленных и беспощадных бунтов" — выступлений крестьян. Даже по официальным оценкам количество выступлений

недовольных крестьян достигает нескольких десятков тысяч в год. Сюда попадают, конечно, отнюдь не только бунты, но очень нередко случаи именно кровавых столкновений, в том числе с полицией. Чаще всего поводом является земля, которая в КНР принадлежит государству, крестьяне ее долгосрочно или даже бессрочно арендуют. Но собственник имеет право отдать землю под застройку, а крестьяне в этом случае получают жалкие компенсации, что, собственно, и вызывает недовольство, переходящее в бунты. Такая приблизительно схема»^[72].

Бурное развитие промышленности требует выделения земель под строительство заводов, магистралей, мостов, трубопроводов, объектов инженерной инфраструктуры. И власть охотно выделяет землю под эти нужды. И, как правило, никого не беспокоит судьба крестьян, которых массово сгоняют с обжитых земельных участков, определенных под промышленное строительство. Из этих изгнанных людей и формируется протестный отряд, который при любом удобном поводе готов выйти на улицы.

В свою очередь, американский профессор Питер Наварро твердо убежден, что будущее Китая обязательно будет связано с гражданскими войнами и социальной нестабильностью. Китай уже сегодня находится на грани революции, утверждает Наварро. В такой перспективе невольно можно увидеть черты позднего Советского Союза, в котором протестные настроения в конце концов достигли точки кипения. Россия в XX веке неоднократно проходила через горнило революционной смуты — 1905 год, 1917 год, 1991-й, 1993-й... «Лимит на революцию» в России если не исчерпан полностью, то, по крайней мере, сведен к минимуму. У китайского же общества такой сильной антиреволюционной «прививки» нет, и путь революционного переустройства может выглядеть для многих китайцев предпочтительным. Даже если положение не столь плачевно, как это рисует Наварро в своей книге «Грядущие войны Китая», нужно все-таки признать, что социальная напряженность в Китае нарастает и требует выхода. «Для руководства КНР нет более пугающей перспективы, чем массовое восстание крестьян. В конце концов, именно такой крестьянский „степной пожар“ и привел к власти Мао и его людей. Тем не менее, несмотря на весь ужас подобной перспективы, руководство Коммунистической партии не делает

практически ничего для умиротворения китайской деревни. Напротив, его сегодняшняя политика усиливает смуту за счет насильственных переселений, нарастающего налогового бремени, полного отсутствия борьбы с коррупцией...» — мрачно пророчит профессор Наварро^[73].

Более оптимистично и осторожно прогнозировал российский специалист в области международных отношений Анатолий Уткин: Китаю, по его мнению, «предстоят нелегкие времена внутреннего переустройства, когда возникающий средний класс восстанет против политического статус-кво. Это приведет к ослаблению внешнеполитической мощи огромной державы. Инвестиции в КНР со временем неизбежно сократятся, темп развития страны станет замедляться»^[74]. Несмотря на существенное различие в суждениях, аналитики сходятся во мнении, что рост китайской экономики в скором времени приостановится. И не исключено, что причиной тому станет социальная напряженность в стране.

Быть сверхдержавой можно только при условии внутреннего мира, согласия в обществе. Но именно внутренний мир Китая, по мнению многих аналитиков, сегодня находится под угрозой.

Бессмысленно наращивать стальные мускулы, если в организме большое сердце.

Сейчас Китай — государство очень мощной экономики. Возможно, к Китаю уже применимо понятие «сверхдержава». Однако бремя интенсивнейшего промышленного развития и мировой рыночной экспансии может в ближайшие годы надорвать страну, как надорвали советскую экономику непомерные вложения в оборонный комплекс. Социальная сфера, которая сегодня плетется в хвосте экономического развития, — это та «болевая точка» Китая, из которой со временем может разрастись раковая опухоль.

«Я не верю, что Китай сохранится как объединенная держава», — заявил недавно американский политолог-международник Джордж Фридман. Столь неожиданный прогноз на будущее сделал специалист, главным методологическим принципом прогнозов которого является лозунг: «Будь практичным, но ожидай невозможного», Фридман известен в мире благодаря сайту STRATFOR — корпорации, занимающейся политическими и экономическими прогнозами на базе секретной информации. По некоторым сведениям,

Джордж Фридман прежде работал в ЦРУ, поэтому может использовать в проводимой работе материалы, открытые не для всех.

Поясняя свои «нестандартные» выводы, аналитик напоминает, что в начале прошлого века мало кто ожидал превращения отсталой России во вторую державу мира под названием Советский Союз, которая потом внезапно рассыпалась на части. И от Китая, поделенного в конце XIX века империалистическими государствами на сферы влияния, никто не ждал, что в XXI веке он станет мощной динамичной страной с космической программой, способной бросить вызов «самим Соединенным Штатам». Такие исторические коллизии, опираясь на здравый смысл, предсказать невозможно. Фридман отбрасывает этот «здравый смысл» и выстраивает иные прогностические схемы, наделенные собственной логикой.

Американский аналитик критикует сегодняшнюю внутреннюю политику КНР. В соответствии с его геополитической концепцией у Китая в нынешней ситуации есть три варианта развития.

Первый. Продолжать безудержный экономический рост. Но история пока не знает подобных примеров, и Китай не станет исключением. Существует множество дисбалансов, которые приведут к краху, если их незамедлительно не устранить.

Второй. Рецентрализация Китая. То есть централизация на новой основе, которая поможет ослабить непосильную государственную нагрузку.

Третий. Под давлением экономических проблем Китай распадется в соответствии с традиционными региональными линиями, в то время как центральное правительство ослабеет и станет менее сильным. Это вернет Китай к положению, существовавшему до Мао, с региональным соперничеством и даже конфликтами с центральным правительством, борющимся за контроль над страной.

Любой из вышеизложенных прогнозов несет Поднебесной огромные проблемы и потерю статуса одной из главных мировых держав. По мнению Джорджа Фридмана, сбываться они начнут к концу 2020 года. Сопоставляя его с сегодняшним положением Китая, с демонстрацией его способности противостоять ударам мирового экономического кризиса в сравнении с множеством других государств планеты, следовало бы отмахнуться от предсказаний отставного аналитика из Лэнгли. Если бы не одно существенное «но».

Межэтнические столкновения, потрясшие в 2008-2009 годах китайские национальные окраины Тибет и Синьцзян, являются печальными реалиями современного Китая. Наличие взрывоопасных регионов — «ахиллесова пята» Пекина. Таких регионов в КНР насчитывается не один и не два, каждый из них имеет укоренившуюся конфликтную историю.

Антикитайские выступления в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) летом 2009 года показали, что единственный западный экономический район не может быть зоной стабильности, губительный пожар там может разгореться в любой момент, который выберут внешние пособники китайского развала. В Тибетском автономном районе на протяжении 60 лет с момента присоединения этого дикого горного края к Китайской Народной Республике не прекращается борьба тибетцев за автономию и за право вернуть своего правителя Далай-ламу.

Широко рекламируемое по всему миру стремление тибетских горцев к независимости давно превращено в звонкий политический лозунг, во имя которого в 2008 году осуществлялись антикитайские акции, направленные на бойкотирование Пекинской Олимпиады в городах и странах, где проходила эстафета Олимпийского огня. Этот факт свидетельствует о том, что стремление Тибета само по себе не столько внутритибетское, сколько внешнее, направленное на ослабление континентального китайского государства.

Еще одной потенциально взрывоопасной территорией можно считать Автономный район Внутренняя Монголия. На сегодняшний день на этих степных равнинах довольно тихо. Но его коренное население помнит, что еще накануне образования КНР в середине 1940-х годов вожди местных племен выступали за объединение Внутренней и Внешней Монголии. Только благодаря решению Сталина Мао Цзэдун получил возможность распространить свою власть на эту национальную окраину. Населяющие ее монголы никогда не питали теплых чувств к администрации из представителей ханьской нации. Еще жива память о том, как они были оторваны от остальной Монголии и подверглись насильственной китаизации, выразившейся в запретах на рождение детей, в передаче принадлежавших им земель переселенцам из соседних провинций, что в конечном счете привело к

многократному увеличению и доминированию ханьского населения в регионе.

Есть сведения, что в течение нескольких последних лет заметно активизировались антикитайские акции тибетских, уйгурских, монгольских, гуансийских и хайнаньских сепаратистов.

На первый взгляд Китай выглядит несокрушимым национальным монолитом. Казалось бы, Поднебесную совершенно неуместно сравнивать с многонациональной Россией, которая во все времена была подобна гигантскому «лоскутному одеялу» множества языков, религий и народов. Но подобный взгляд, кстати, весьма распространенный в России, является в корне ошибочным. И сегодня многие аналитики всерьез обеспокоены тем, что рост национальных противоречий в Китае может привести к такому же внутреннему расколу, который произошел между республиками Советского Союза. Как размышляет британский политолог Марк Леонард, «Китай подобно бывшему Советскому Союзу более напоминает империю, чем национальное государство»^[75].

Окинем взглядом потенциальные «горячие точки» Китая.

Хайнань — провинция КНР, расположенная вне материковой части страны, на одноименном острове в Южно-Китайском море. В состав централизованного китайского государства остров вошел в Средние века, то присутствие китайцев ограничивалось лишь военным лагерем в северной части острова. Колонизация Хайнаня усилилась в XVI- XVII веках, когда под давлением приехавших на остров представителей титульной государственной национальности туземцы вынуждены были уйти на южное побережье. В 1906 году по предложению Сунь Ятсена остров вновь был выделен в отдельное административное образование. В период победного шествия компартии Китая по многочисленным провинциям страны Хайнань дольше всех оставался верным гоминьдановскому правительству укrywшемуся в конечном итоге на соседнем острове — Тайване. В 1980-е годы Дэн Сяопин, чтобы исключить возможность проявления сепаратизма, распорядился создать на Хайнане крупнейшую в стране свободную экономическую зону. Этот шаг заметно улучшил экономическое положение островитян. Однако в чьих-то головах мысли о возрождении «вольного острова» остались.

Гуанси-Чжуанский автономный район (ГЧАР) является национальной окраиной Китая в небогатой сельскохозяйственной южной зоне. По показателю ВВП район занимает 17-е место среди 27 административных единиц страны (22 провинции плюс 5 автономных районов), что, может, и неплохо в сравнении с отсталой соседней провинцией Юньнань, но очень заметно уступает другому соседу — процветающей провинции Гуандун, где сосредоточены три из четырех свободных экономических зон КНР. В национальном составе населения, конечно, преобладают представители ханьской национальности. На втором месте — чжуаны, которых вместе с народностью мяо следует назвать аборигенами этих мест.

Эта область была присоединена к Центральному Китаю в давние времена, еще до начала нашей эры, но в культурном отношении она традиционно тяготела больше к Вьетнаму, чем к северным территориям. В XIX веке именно здесь началось потрясшее Цинскую империю Восстание тайпинов (1850-1864). Это была крестьянская война против маньчжурской династии и иноземных колонизаторов. Идейным вождем восставших стал сельский учитель Хун Сюцюань, христианин по вероисповеданию, который создал мятежное Тайпинское государство на значительной части Южного Китая. Под его юрисдикцией находилось около 30 миллионов человек. Тайпины пытались проводить радикальные социальные преобразования, заменять традиционные религии (конфуцианство, даосизм, буддизм) на заимствованное в Европе христианство. В конце концов восстание было жестоко подавлено направленной из Пекина императорской армией при поддержке англичан и французов. С тех пор прошло полтора века, но, по некоторым сведениям, китайцы-христиане и сейчас нередко подвергаются дискриминации.

В Пекине учитывают потенциальную опасность укрепления антигосударственных тенденций в этой южной национальной окраине. За происходящим в ГЧАР власти следят внимательно, стараясь не допустить поводов для протестных настроений. При возникновении проблемных ситуаций для их локализации в автономном районе появляются даже первые лица государства.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

3 марта 2010 года. ИТАР-ТАСС. Сильнейшая засуха охватила китайские провинции Юньнань, Гуйчжоу, Сычуань, Гуанси-Чжуанский автономный район. По официальным данным, экономический ущерб от гибели посевов уже превысил 19 миллиардов юаней (2,8 миллиарда долларов). Бедствие затронуло свыше 50 миллионов человек, из них по крайней мере 16 миллионов страдают без достаточного количества питьевой воды.

В засушливых районах возник голод. В Гуанси-Чжуанском автономном районе страдают от недоедания более 2,2 миллиона человек. Премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао, срочно выехавший в регион, призвал к наращиванию усилий в деле помощи пострадавшим провинциям.

* * *

В сложившейся ситуации власти КНР должны «нарастить усилия» до такой степени, чтобы напоить, накормить людей и вложить в бедствующие от засухи районы ровно столько средств, сколько потребуется для ликвидации понесенного ущерба. В противном случае факты страдания или даже гибели от голода граждан одного из богатейших в мире государств нанесут ощутимый удар по международному престижу Китая и, как следствие, послужат веской причиной для манипулирования настроениями чжуанов с целью организации массового выступления против ханьского населения и государственной власти. Китайское руководство отдает себе отчет в том, что именно социальный кризис, густо замешанный на этнических противоречиях, способен провоцировать наиболее жесткие выступления. Отвечать на них Пекин предпочитает только силовым вариантом.

5 июля 2009 года в столице Синьцзяна городе Урумчи началась массовая демонстрация уйгуров на центральной площади, в ходе которой выдвигались требования к властям расследовать межэтнический конфликт, произошедший в провинции Гуандун. Там 26 июня в столкновении с ханьцами погибли несколько рабочих-

уйгуров. Демонстранты требовали наказать виновных, но полиция Урумчи применила против них слезоточивый газ. С этого момента события приобрели неуправляемый характер. Толпа вступила в столкновения с полицией, среди силовиков появились убитые и раненые. Затем начались погромы на городских улицах, в ходе которых лилась кровь и мирных ханьцев, и уйгуров. Полиции удалось овладеть ситуацией только к утру 6 июля. По официальным данным, жертвами массовых беспорядков стали 156 человек, еще более 800 человек получили ранения. Арестовано 1434 человека. Неофициальные источники указывают еще большие цифры.

Китайские власти оперативно прореагировали на трагические события. Глава государства Ху Цзиньтао, находившийся в Италии на саммите «Большой восьмерки», вынужден был отказаться от переговоров с мировыми лидерами и срочно возвратиться на родину, чтобы контролировать ситуацию. В официальном заявлении правительства сообщалось, что массовые беспорядки в Урумчи были спровоцированы из-за рубежа. Представители власти убеждены, что межэтнические столкновения случились из-за «трех зол»: терроризма, экстремизма и сепаратизма. По их мнению, средством связи и координации для заговорщиков был Интернет, поэтому в качестве одной из первоочередных мер «мятежный» район изолировали от Всемирной паутины.

Синьцзян-Уйгурский автономный район — территория беспокойная, с отчетливыми сепаратистскими тенденциями. В Китае покушение на территориальную целостность приравнивается к национальной катастрофе. В этом вопросе словно бельмо в глазу сепаратизм Тайваня. Кроме того, СУАР регион пограничный, а Пекин крайне заинтересован в том, чтобы западные рубежи оставались стабильными и подконтрольными. Среди соседей СУАР: Афганистан, Пакистан и Индия, страны, потенциально угрожающие национальной безопасности КНР. Да и афганско-пакистанское влияние на уйгурских экстремистов секретом не является. С другой стороны, среди пограничных соседей СУАР находятся центральноазиатские государства, очень интересные Китаю для экономического сотрудничества. Наконец, этот регион богат природными ресурсами, что для страны с гигантскими темпами роста представляется очень важным.

По мере усиления Китая на международной арене его внутренние проблемы все чаще становятся объектом пристального внимания спецслужб стран-конкурентов. С учетом национальной и конфессиональной специфики Синьцзян выглядит очень перспективным в плане разработки. Именно поэтому на протяжении нескольких лет «уйгурская карта» стала неким джокером в политических играх.

Борьба уйгуров Восточного Туркестана за независимость от Центрального Китая за последние три столетия более 400 раз приводила к восстаниям. Окончательно подчинить себе регион КНР сумела только в 1955 году. Тогда в нем проживало всего около 200 тысяч ханьцев, что составляло 10% населения региона. Потом благодаря политике переселения количество ханьцев увеличилось в сорок раз, а их доля в общей численности населения — в пять раз. С начала 1990-х годов уйгурское сепаратистское движение заявило о себе с новой силой, столкновения с центральными властями продолжились. Можно сколько угодно говорить о естественном стремлении народов к идеалам свободы и демократии, но нельзя не понять, что современные протестные выступления в регионе имеют внешнюю подоплеку.

Это же относится и к столкновениям в административном центре Тибета Лхасе, хронология которых очень похожа на синьцзянские, хотя между ними существует разница по времени в один год.

10 марта 2008 года около трехсот тибетских монахов покинули один из монастырей и направились в центр Лхасы, требуя от китайских властей освободить монахов, арестованных в 2007 году. Полиция перекрыла улицы и взяла буддийские монастыри в кольцо, чтобы не впускать мятежных монахов в город. Среди демонстрантов были произведены аресты. 11 марта продолжились акции протеста, в ходе которых демонстранты выкрикивали лозунги: «Освободите наших людей!», «Мы хотим свободы!», «Нам нужен независимый Тибет!». 14 марта в столкновениях с силами безопасности участвовали около тысячи человек, которые забрасывали солдат и полицию камнями и кусками бетона. Был подожжен главный рынок города, горели военные и полицейские машины. По официальным сообщениям китайских властей, 15 марта город Лхаса был взят под контроль полиции, а жертвами уличных боев стали десять человек. По

неофициальной информации, в беспорядках погибло не менее сотни мирных жителей, десятки людей получили ранения.

Отголоски событий в Тибете проявились и в других районах Китая. Например, в провинции Сычуань 16 марта около 200 человек напали на полицейский участок. Несколько стражей порядка получили ранения. Для разгона демонстрации полиция применила слезоточивый газ.

Духовный лидер тибетских буддистов Далай-лама, проживающий за рубежом, призвал провести международное расследование произошедших беспорядков, выяснить, не проводят ли китайские власти в Тибете политику геноцида. В обращении Далай-ламы говорится: «Эти протесты являются выражением глубокого недовольства тибетского народа нынешним правлением. Я обращаюсь к китайскому руководству с призывом остановить насилие и вступить в диалог с тибетским народом».

Интересные комментарии на происходящие в Китае национальные волнения дал один из ведущих российских китаистов Андрей Девятов в интервью специальному корреспонденту издания «Газета» Надежде Кеворковой.

* * *

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА

В чем заключается китайская этика сейчас?

Партия и правительство провозгласили принцип «человек — основа основ», тем самым возвращая народ от марксизма к традиционным нормам конфуцианской морали.

Это четыре благополучия. Долголетие жизни в кругу семьи. Богатство повседневной сытой жизни и накопления на черный день. Гармония в отношениях с родственниками и соседями. Плюс добродетели.

Добродетелей пять: гуманность (послушание и почтительность в иерархии высших и низших, забота и помощь семье), справедливость (власти), мудрость (отца), верность (матери), долг (сына). Ни любви, ни стыда, ни

совести, ни воздержания от грехов в моральном кодексе строителей духовной цивилизации по-китайски нет.

Как согласуется с духовной цивилизацией полувековое умучивание Тибета?

Наступит свобода, о которой так пекутся западные люди, — будет не развитая, а дичайшая дикость на Тибете. Давайте посмотрим на проблему с той стороны. Китайцы кормят Тибет: там ведь ничего не растет. Там нет ни нефти, ни газа, ни леса, ни руд. На высоте 3,6 тысячи метров, где находится Лхаса, вообще нет ничего, кроме низенькой травы и ячменя. Есть каменная пустыня, снег to песок.

Китайцы освободили тибетцев от рабовладения— буквально. Там похороны проходят с расчленением трупа и скармливанием его орлам. Там сохранилось многомужество, потому что одну женщину с потомством могут содержать только несколько мужчин. Китайцы снабжают Тибет всем. Железную дорогу провели, больницы, построили инфраструктуру...

Неужели Далай-лама, лауреат Нобелевской премии мира, борется, чтобы тибетцы вернулись в рабовладение?

Посмотрите, в его дворце в Лхасе, откуда он бежал к англичанам, стоит радиола. Зачем «океану мудрости» «иностранные голоса»? Так вот и происходила демократизация Далай-ламы. Британцы совратили мальчишку — завоевали ум Далай-ламы. Где он живет теперь? В тепле на высоте 800 метров над уровнем моря.

В Китае есть те, кто занимается гимнастикой фалуныгун. Зачем их преследуют?

Это секта. Западные спецслужбы применили бесконечный путь хитрости, чтобы войти в китайское сознание с помощью ключей цивилизационного кода китайцев. И поместить в китайские умы некитайское содержание. С помощью этой секты Запад хочет управиться с китайцами за счет внедрения индивидуализма даосов.

По этой же причине притесняют уйгуров?

Поскольку Китай одолевает американцев, сдерживать Китай можно только методами сепаратизма, экстремизма, терроризма и распространением наркотиков — это четыре зла. Китайцы решали задачи своего величия последовательно. Для них главным было возвращение Тайваня в лоно родины. И эту задачу они решили. Американцы вынужденно бросили этот фронт, китайцы битву за Тайвань выиграли, сделав «прорезку» на демократию, права человека, либерализм.

Де-факто Тайвань вернулся. Де-юре это займет еще какое-то время — до 2019 года это произойдет.

При отсутствии тайваньского фактора американцам остается жать на эти рычаги — уйгуры, фалуньгун, Тибет. Уйгуров в мире миллионов двадцать, в самом Китае их 7 миллионов всего.

(Мнение Андрея Девятова в интервью «Газете». №1 от 11.01.2010)

* * *

Мнение Андрея Девятова подтверждается высказываниями американского политолога и юриста Ричарда Беннета, который утверждает, что волнения в Тибете застали Пекин врасплох по той причине, что демонстрации планировались за пределами Тибета. «Финансирование и всеобъемлющий контроль подобных волнений связан с тибетским лидером Далай-ламой в силу его тесных контактов с американской разведкой в течение более 50 лет», — считает Беннет. ЦРУ с 1956 года проводит широкомасштабные секретные операции против коммунистического Китая в Тибете и даже содержит тренировочные лагеря для тибетских сепаратистов в Кэмп-Хэйле (штат Колорадо).

«Подножка» пекинскому руководству в Тибете для многих в Вашингтоне кажется идеальной возможностью сбить его с ног, чтобы уменьшить угрозу господству США со стороны Китая в Азии, Африке и Латинской Америке. Хотя официальная поддержка со стороны США тибетского сопротивления прекратилась 30 лет назад, ЦРУ

поддерживает линии связи и по-прежнему финансирует большую часть тибетского освободительного движения. Нет сомнений, что ЦРУ заинтересовано в подрыве Китая, равно как и, например, Ирана.

С этой целью представителям уйгурских, монгольских, гуансийских и хайнаньских сепаратистов с недавнего времени предоставляется больше возможностей для проведения в США кампаний по сбору денег «на освобождение». Их стали чаще приглашать на закрытые слушания в соответствующих американских организациях по китайской и коммунистической тематике. Тибетские же сепаратисты давно «прописаны» на таких мероприятиях. Традиционно жесткие ответные действия китайских властей по пресечению сепаратизма каждый раз вызывают волны антикитайских публикаций в западных, главным образом американских, средствах массовой информации.

В ответ на иностранную подрывную деятельность Народно-освободительная армия Китая реализует программу модернизации, которая предусматривает улучшение взаимодействия родов войск, а также информатизацию управления. По замыслу командования НОАК должна стать более мобильной. Раньше перед войсками стояла задача действовать в основном в пределах своего региона. С 2009 года упор делается на то, чтобы в кратчайший срок доставить боеготовые подразделения в «горячую точку». Прошлогодние итоговые учения НОАК были спланированы до событий в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Но так или иначе маневры были связаны с межэтническими столкновениями, потрясшими летом прошлого года Синьцзян, а годом раньше Тибет. Недаром командир одной из дивизий Пекинского военного округа, которая принимала недавно иностранных репортеров, объявил представителям мировых СМИ, что армия должна быть готова разгромить «террористов» в таких регионах, как Тибет и Синьцзян.

Руководство КНР ясно видит заинтересованность США в разжигании межнациональных и межконфессиональных противоречий внутри китайского общества. Известно, что в конгрессе США еще в 1991 году проводились слушания по проблемам стран социалистической ориентации, где было выработано решение по ускорению реализации вариантов, нацеленных на внутривнутриполитическое и национальное ослабление Китая, прежде всего с помощью его

«федерализации» или «конфедерализации». Более всего вашингтонских политиков устраивала бы модель раскола КНР и образование вместо единого государства подобия эклектичного и недееспособного Содружества Независимых Государств.

Но в Пекине извлекли уроки из трагедии Советского Союза. Как свидетельствует писатель Александр Проханов, «в Китае остро, жадно интересуются проблемами распада СССР. В этом интересе — не просто сострадание по поводу смерти дружественного соседа, но и актуальная потребность понять те угрозы, которые таятся в нынешнем курсе китайских реформ, связанных с либерализацией целых пластов жизни. Где, на каком этапе горбачевская реформа сдетонировала распад великой державы? Что должен делать Китай, чтобы избежать подобной катастрофы?»^[76] К 80-летию Октябрьской революции в России в 1997 году в Китае вышел двухтомник «Причины и последствия распада СССР и развала КПСС», обязательный к прочтению в системах партийно-государственной и комсомольской учебы. Там учатся на наших ошибках, чтобы не оказаться в положении гибнущего Советского Союза. Учатся небезуспешно, не *упуская* из виду никаких возникающих проблем.

А вот совсем недавний пример. Сразу же после террористической атаки в московском метрополитене 29 марта 2010 года пекинская полиция была приведена в состояние повышенной готовности и получила приказ усилить меры безопасности главной китайской «подземки», чтобы исключить повторения московской трагедии. Казалось бы, где Москва, а где — Пекин...

Так что если у кого-то и есть намерения расколоть единую страну, им в данный момент не суждено сбыться. Китайская государственная машина твердо стоит на страже собственной безопасности.

Как Америка боролась против пекинской Олимпиады

Спортивные успехи имеют огромное значение для «общественного самочувствия». Великая держава никогда не будет признана таковой, если она не может похвастаться выдающимися достижениями своих спортсменов. Поэтому большой спорт — это большая политика, здесь в жесткой борьбе сталкиваются противоречивые интересы различных государств. Говорят, что политика — дело грязное. Вслед за ней и большой спорт все чаще признается таковым.

Сейчас уже не все помнят, что Пекин мог принять Олимпийские игры еще в 2000 году. Но на сессии Международного Олимпийского комитета в 1993 году, происходившей в Монте-Карло, предпочтение было отдано австралийскому Сиднею при соотношении голосов 43 к 45. Однако вскоре после этого разразился скандал — всплыла информация, что австралийцы победили нечестно, накануне голосования выплатив взятки в размере 70 тысяч долларов двум членам Олимпийского комитета. Возможно, после скандала право Сиднея на проведение Олимпиады можно было бы и оспорить, но тут вмешались Соединенные Штаты, которые жестко выступили против кандидатуры Пекина, заявив о недопустимости проведения Олимпиады в «стране, нарушающей права человека». Словно бы и не кончилась «холодная война»! В начале 1990-х США еще могли себе позволить такие демарши, но в 2001 году на проходившей в Москве сессии МОК уже никто не смог помешать набирающему силы Китаю завоевать право на проведение Олимпийских игр—2008. Вице-премьер Госсовета Китая Ли Ланьцин отметил, что «победа Пекина в конкуренции за приобретение права организации Олимпиады-2008 — это признание международным сообществом общественной стабильности, социального прогресса и экономического процветания Китая». Поднебесная нуждалась в этом спортивном празднике как в возможности продемонстрировать свои достижения. И этой стратегии Пекин неукоснительно следовал все время подготовки Олимпиады, которая должна была «открыть миру» новый Китай. Весьма

символично, что когда американский режиссер Стивен Спилберг выдвинул свою кандидатуру на роль постановщика церемоний Олимпиады, китайский оргкомитет отказал ему в поддержке и отдал предпочтение китайцу Чжан Имоу, а Спилбергу был предложен пост всего лишь консультанта Имоу. Стремление Пекина придать Олимпиаде-2008 «китайскую специфику» было встречено на Западе с крайним недовольством, и предстоящую Олимпиаду даже начали сравнивать с играми 1936 года, состоявшимися в столице гитлеровской Германии. Тогда Адольф Гитлер использовал Олимпиаду, чтобы доказать миролюбие Германии, а в Нью-Йорке даже был образован Совет борьбы за перенесение Олимпиады из Берлина. Накануне 2008 года западные средства массовой информации много писали о том, что руководство Китайской Коммунистической партии действует по той же схеме, что и Гитлер, — то есть пытается спортивным праздником замаскировать свои агрессивные планы и отвлечь внимание мировой общественности от нарушений прав человека в своей стране. В американском конгрессе даже звучали призывы к бойкоту пекинских игр. Сравнение Китая XXI века и Германии времен Гитлера весьма симптоматично для западного сознания. Казалось бы, фашизм тут совершенно ни при чем. Но любое отклонение от того «стиля жизни», который Запад считает нормой, может быть объявлено проявлением фашизма. Спрашивается, какое общество после этого является тоталитарным — китайское или же западное?..

Однако истинная причина такой озлобленной реакции Запада заключается в том, что Пекин не дал возможности американскому бизнесу заработать на подготовке к Олимпиаде и сделал ставку на собственные силы. Америка этого не простила и активизировала усилия, чтобы если уж не сорвать, то, по крайней мере, осложнить проведение пекинской Олимпиады. Есть достаточно оснований говорить о том, что спецслужбы США попытались «подогреть» обстановку вокруг предстоящих Олимпийских игр — примерно так же, как в 1980 году накануне Олимпиады в Москве американцы старательно подталкивали руководство Советского Союза к вторжению в Афганистан. В частности, на этот раз именно американские спецслужбы, скорее всего, стояли за участвовавшими вылазками китайских мусульман — уйгуров, которые ведут партизанскую войну против Пекина. Не случайно именно в 2008 году

произошел вооруженный мятеж в Тибете, перекинувшийся и на соседние китайские провинции^[77]. За этими эксцессами и провокациями явно стоит чья-то организованная воля, мятежниками и террористами управляли из заокеанского «центра».

Стоит весьма серьезно задуматься и о том, почему именно во время проведения Олимпиады в Пекине американский ставленник — президент Грузии Михаил Саакашвили начал агрессию против Южной Осетии. Как известно, существуют принципы так называемого «олимпийского перемирия». В 1993 году Генеральная ассамблея ООН отдельной резолюцией призвала все государства планеты соблюдать «олимпийское перемирие» за семь дней до открытия игр и не возобновлять боевых действий, пока не пройдет по меньшей мере неделя со дня их закрытия. Но Грузия пренебрегла этой международной нормой. Развязанная Саакашвили война должна была решить две актуальные для Соединенных Штатов задачи. Во-первых, нанести удар по России и попытаться ослабить ее влияние на территории так называемого «ближнего зарубежья», предварительно консолидировав все антирусские «оранжевые» политические силы постсоветского пространства. Во-вторых, вооруженный конфликт отвлекал внимание мировой общественности от Олимпийских игр в Пекине, отодвигал их на второй план в сводках новостей.

Из сложной международной обстановки, сложившейся в августе 2008 года, Россия должна сделать самые серьезные выводы — сейчас, незадолго до зимней Олимпиады 2014 года в Сочи. Эти игры будут проходить поблизости от российско-грузинской границы. Соединенные Штаты могут в любой момент начать закулисную борьбу для дестабилизации обстановки в этом регионе с участием проамериканской «пятой колонны» в Грузии. Определенно будет активизирована в России деятельность разного рода «оранжевых» движений, как правило, получающих финансовую подпитку из-за рубежа. И что самое тревожное, возможны новые террористические акты, цель которых — показать, что обстановка в России не контролируется правительством. Вслед за обострением напряженности США призовут бойкотировать Олимпиаду в Сочи. Возможность такого сценария необходимо учесть нам уже сегодня. Опыт проведения подобных операций у американцев имеется в избытке. Отметим, что в августе 2008 года на страницах «Вашингтон пост» уже был озвучен

призыв бойкотировать Олимпиаду в Сочи в связи с войной в Южной Осетии. А Грузия обратилась в Международный олимпийский комитет с просьбой перенести зимнюю Олимпиаду-2014 из Сочи в другой город. То есть «первое предупреждение» прозвучало.

В 2008 году Вашингтон прекрасно понимал, что высокий уровень проведения Олимпиады в Пекине и спортивные успехи китайцев неизбежно приведут к повышению международного престижа Поднебесной, а следовательно, и к ограничению влияния Соединенных Штатов.

И случилось то, чего боялись американцы и что они были бессильны предотвратить. Китаевед Андрей Девятов отметил, что саму «величественную церемонию открытия Олимпиады по своим последствиям можно сравнить с победой КНР в масштабной войне. На этот раз — в войне смыслов. Когда тысячи людей на поле олимпийского стадиона выложили иероглиф „хэ” со смыслом „гармония мира”, все китайцы, японцы, корейцы и представители других народов, понимающих иероглифические (символические) смыслы даосско-конфуцианской цивилизации, восприняли это именно как знак возрожденного могущества Срединного государства. В то время как цивилизованные по-европейски белые люди и люди других рас и цивилизаций, пользующиеся знаками буквенного письма, — остались в недоумении»^[78]. Сборная Китая выиграла эту Олимпиаду, завоевав 51 золотую медаль, с отрывом от американцев в 15 первых мест. В качестве «утешительного приза» Штаты получили большое количество вторых и третьих мест. Команда китайских спортсменов еще раз подтвердила лидерские амбиции Китая.

Атака клонов. О будущем китайского автопрома

— Кто такой Студебеккер? Это ваш родственник Студебеккер? Папа ваш Студебеккер?

И. Ильф, Е.Петров. Золотой теленок

Кажется, Китай сегодня производит все, что только можно производить. Порой даже не хватает фантазии вообразить всю широту ассортимента «made in China». Если Англию во время промышленной революции XVIII столетия называли «мастерской мира», то сейчас это выражение все чаще применяют по отношению к Китаю. Поднебесная, занимающая сегодня первое место в мире по количеству фабрик и заводов, безусловно, заслуживает такого определения. Но Запад сегодня еще не в полной мере осознал те грандиозные масштабы, которых всеми правдами и неправдами достигла китайская промышленность. Владимир Попов в книге «Т^и капельки воды» приводит забавный эпизод, который прекрасно характеризует отношение «цивилизованного мира» к современному Китаю: «Канадский профессор объяснял в своем офисе китайскому аспиранту, как пользоваться телефоном с несметным количеством кнопок и функций. Он старался четко выговаривать слова, чтобы китаец, не слишком хорошо изъяснявшийся по-английски, его понял.

„А что, Китай производит телефонные аппараты?“ — спросил он.

Китаец, вежливо кивая, перевернул телефон — там было написано „made in China”».

Хорошо известно, что те люди, которые хотели бы носить престижные часы швейцарского производства, иногда вынуждены покупать китайские подделки, внешне порой совершенно неотличимые от оригинала. Точно такую же стратегию избирают россияне, которые мечтают приобрести иномарку, но не имеют средств на престижную модель.

В начале 2009 года Китай был объявлен самым крупным автомобильным рынком мира. Только за январь 2009 года в Китае было

продано 790 тысяч автомобилей, а в США — стране, которая на протяжении нескольких десятилетий уверенно удерживала статус самого крупного авторынка, — всего 668 тысяч автомобилей. Во многом это объясняется тем, что в 2008 году китайское правительство снизило налог на автомобили с объемом мотора менее 1,6 литра — с 10 до 5% от стоимости машины. И покупатели тут же потянулись в автосалоны. В то же время в России проводится прямо противоположная политика — содержать автомобиль становится все дороже. На сегодняшний день китайский автомобильный рынок остается самым быстро развивающимся на планете. Этот феномен уже окрестили «Китайской автомобильной революцией». Вольно или невольно китайцы следуют главному принципу, который в свое время проповедовал Генри Форд — *«автомобиль для всех»*. А эта стратегия неоднократно приводила к успеху, и у нее есть все шансы в XXI веке «поднять» и молодую китайскую автопромышленность. Правительство Китая уделяет огромное внимание развитию национальной автомобильной промышленности, видя в ней чуть ли не «отрасль-локомотив». Государство всячески поощряет граждан приобретать машины отечественного производства, и место автопрома в структуре китайской экономики становится все более значимым. Эксперт Исследовательского центра развития при Госсовете КНР Фэн Фэй прогнозирует, что к 2020 году Китай станет крупнейшим поставщиком автомобилей в мире. Сегодня уже практически все основные мировые производители автомобилей имеют в КНР собственные заводы.

Китайские автозаводы начали свою деятельность с откровенного копирования иностранных образцов, как ранее уже поступили с электроникой, одеждой, часами и т. д. То есть пошли по пути создания «непохожих подобий». Джеймс Киндж в книге «Китай, который потряс мир» рассказывает о своей беседе с основателем китайской компании «Лифань мотосайкл» Инем Миншанем, который не скрывал, что в бизнесе изначально выбрал путь «копирования моделей и кражи технологий». Миншань приходил в мастерские, которые осуществляли лицензионный ремонт техники японского концерна «Ямаха», покупал запчасти, а «через несколько месяцев инженерных разработок он скопировал двигатель фирмы „Ямаха“»^[80]. Сам Инь Миншань не без гордости говорит: «Японцы никогда не могли представить, что традиционные китайские производители способны развиваться так

быстро. Они были невозмутимы и снисходительны, как американцы до Перл-Харбора»^[81]. Китайские инженеры не утруждают себя приобретением лицензии или подписанием контрактов на использование общеизвестных брендов, они проводят политику простейшего клонирования. Это заметно даже в мелочах. Невозможно удержаться от усмешки, сравнив эмблемы американских автомобилей элит-класса «Инфинити» и китайских «Съегу». В обоих значках мы видим овал и вписанный в него треугольник, только «китайский» треугольник более жесткий. Неслучайно автомобили «Съегу» порой называют «Инфинити для бедных». Получается, как говорят, «дешево и сердито». Конечно, при таком подходе неизбежен, образно говоря, конфликт качества и количества.

Сегодня для китайского автопрома Россия — самый идеальный рынок, а на Западе машины из Китая вряд ли в ближайшей перспективе станут популярными. Европейцы ценят в машине надежность и безопасность порой гораздо выше, чем комфорт. Зато россияне чаще всего готовы экономить именно на безопасности. А уже тем паче не думают наши покупатели об экологичности. Китай очень заинтересован в том, чтобы россияне отдавали предпочтение машинам из Поднебесной, и — надо отдать им должное — на российском рынке они проводят весьма грамотную политику, явно рассчитывая на то, что пришли в Россию всерьез и надолго. Некоторые аналитики размышляют о том, что, скорее всего, китайские маркетологи тщательно изучили российский авторынок, а потому так уверенно его завоевывают. На деле же, для того чтобы стать лидером на российском рынке автомобилей, отнюдь не нужно было решать сложные головоломки. Предпочтения российских автомобилистов совершенно понятны. Конечно, россияне покупают китайские автомобили, что называется, не от хорошей жизни. Их главное достоинство — они дешевые. А наши люди давно мечтали о доступных иномарках, даже если они, подобно нашим отечественным авто, будут требовать доделки руками их счастливого обладателя. Китайцы избрали довольно агрессивную политику выхода на рынок.

Успехи Китая выглядят тем более впечатляющими на фоне безнадежно гибнущего, несмотря на мощную государственную поддержку, российского автопрома. Может быть, большинство китайских автомобилей по качеству и надежности и не лучше

российских, но зато, во-первых, гораздо комфортнее, во-вторых, более разнообразны по модификациям и, в-третьих, отличаются куда лучшим дизайном. Уже этих трех факторов достаточно, чтобы обойти в конкуренции русские машины. Не останавливало российских покупателей поначалу даже то, что в случае поломки порой приходилось ожидать нужную деталь больше месяца — система поставки комплектующих была налажена не сразу да и сейчас все еще дает сбои... И здесь парадокс — то, что для других машин было бы недостатком, для китайского автомобиля является достоинством. Демпинг китайских автопроизводителей позволил обеспечить автотранспортом значительное количество российских потребителей «среднего класса».

Можно всерьез задуматься и о том, что, возможно, Россия — это тот плацдарм, с которого Китай совершит прыжок в недружественный пока еще для него мир европейского автомобилестроения.

В Европе импорт китайских машин запретили, ссылаясь на невыполнение китайскими заводами требований по безопасности и экологичности. В России тоже многие автомобилисты пока еще с недоверием относятся к продукции китайского автопрома. Надо признать, что для этого есть все основания. Конечно, те водители, которые пересаживаются за руль, к примеру, автомобиля «Chery» из «Жигулей», почувствуют себя комфортно. Китайская машина стала приятным сюрпризом для тех, кто воспринимает автомобиль скорее как роскошь, чем как средство передвижения. Но для более взыскательного потребителя эта машина покажется малопривлекательной. Противники китайского автопрома даже призывали запретить продажу машин из Поднебесной в Российской Федерации, но это, конечно, невозможно, потому что автомобильный рынок России на сегодняшний день ничем не сможет заполнить ту нишу, которую вот уже несколько лет занимают «Chery» и «Great Wall». А на демпинговую политику ни ВАЗ, ни ГАЗ, ни УАЗ не способны. По компетентному мнению доктора экономических наук, президента Торгово-промышленной палаты Восточной Сибири Константина Шаврина, будущее российско-китайских экономических отношений — в гармонии наших интересов, нужно только нащупать эту «золотую середину»: «Сегодня не более 50% наших изобретений и разработок внедряется в производство. В других странах этот процент

намного выше. Это значит, что сами мы не в состоянии освоить технологии, выработанные нашими умами, значит, мы должны привлекать инвестиции либо развивать их в других странах. В Китае дефицит технологий, недостатка в инвестициях, напротив, нет. Так что мы можем быть друг другу интересны»^[82]. Наблюдение в целом верное, однако есть одно существенное «но». Как мы знаем, китайцы не очень охотно приобретают зарубежные технологии, а чаще всего их просто «клонировать», а это означает, что от реализации в Китае разработок российских ученых нам будет один только убыток — мы ни копейки не получим, а идея «уплывет» в Поднебесную. Поэтому для начала в Китае должен сформироваться цивилизованный рынок высоких технологий, которого пока еще нет. «Способность выпускать высококлассные автомобильные двигатели в течение длительного времени рассматривалась как один из бриллиантов в короне промышленного превосходства, — пишет Джеймс Киндж, — китайские государственные компании, которые создали совместные предприятия с иностранными фирмами, такими как „Дженерал моторе“, „Фольксваген“, „Ниссан“, „Тойота“ и другими, на протяжении ряда лет оказывали на своих партнеров постоянное давление с целью добиться получения от них достаточных технологических данных, позволяющих китайской стороне построить собственный высококлассный двигатель для автомобиля. Но иностранные партнеры отказывались идти навстречу в этом вопросе...»^[83] Некоторые аналитики отмечают, что подобная же атмосфера настороженности и недоверия в недалеком прошлом окружала корейский автопром, который сегодня пользуется заслуженной популярностью и в России и в Европе. Возможно, этот путь от недоверия к признанию пройдет и китайский автопром, преодолев свои «болезни роста». Европейцам, скорее всего, уже в ближайшей перспективе придется «переформатировать» сотрудничество с китайскими автогигантами.

Даже тот, кто принципиально не считает китайские автомобили конкурентоспособными, должен признать, что авторынок Китая развивается семимильными шагами. И все-таки китайский автопром сегодня похож на подростка, который изо всех сил стремится походить на взрослых, но от своих стараний еще больше проявляет свою детскость. Не будем забывать, что именно при поддержке Советского Союза в Китае зародилась автоиндустрия. В 1956 году созданный при

участии СССР первый автомобильный завод начал выпускать грузовики, в основе конструкции которого лежал ЗИЛ-150. У китайцев он назывался «Цзефан» («Освобождение»). В мае 1958 года китайцы попытались производить собственную малолитражку, а чуть позже машину «Дун-фэн» («ветер с Востока»), которая стала первой серийной среди китайских легковых автомашин. В конце 1960-х годов в Китае был выпущен шестилитровый представительский лимузин «Хунцы», созданный, по некоторым сведениям, по личному указанию Мао Цзэдуна. Иметь собственную машину элитного класса было необходимо по идеологическим соображениям — в Советском Союзе руководство страны передвигалось только на отечественных «членовозах» — ЗИЛах и «Чайках». Китайской политической элите казалось зазорным отставать от советской партноменклатуры. В те социалистические времена и вообразить было невозможно, что через полвека китайские автомобильные заводы «ворвутся» в Россию, заняв нишу, освобожденную российским автопромом.

Первым на российский рынок вышел «Great Wall». Вышел и сразу доказал свою востребованность. Внедорожники этой частной китайской компании, основанной в 1996 году, прямо-таки ошеломили российских покупателей своей низкой стоимостью, покорили весьма достойной комплектацией. Все модели созданы на базе известных прототипов, то есть в основном «клонированы». К примеру, пикапы серии «Deer» сделаны на базе «Toyota Hilux», которая признана второй самой продаваемой моделью «Toyota» после «Corolla». Конечно, очень важен вопрос личного отношения. Кто-то назовет технологии «устаревшими», а кто-то «проверенными». Штаб-квартира и основные производственные мощности «Great Wall» находятся в городе Баодин (провинция Хэбэй). Сегодня в состав компании входит десять дочерних предприятий. Осенью 2004 года фирма открыла официальное российское представительство и дистрибьюторский центр компании в Москве и с тех пор уверенно осваивает как столичный, так и провинциальный рынок в России.

Однако начавшиеся попытки «Great Wall» наладить свое сборочное производство в России оказались напрасными. Сначала китайская компания вела переговоры о строительстве завода в Татарстане. Проектная мощность предприятия составляла около 75 тысяч машин в год. Причиной неудачи этого проекта стал отказ

властей Татарстана предоставить китайским производителям льготы, на которые они рассчитывали. Затем оказался замороженным проект открытия завода в Подмоскowie. По официальной версии, строительству помешал глобальный экономический кризис. По неофициальной — высокопоставленные лоббисты российского автопрома попытались таким образом защитить отечественные автозаводы от основного конкурента из Поднебесной.

В 1997 году основана автомобильная компания «Chery» в провинции Аньхой. В 2001 году машины этой марки начали продаваться в Сирии, в 2005 году дочерняя компания «Chery» была зарегистрирована в России, а в 2006-м первая «Chery» сошла со сборочного конвейера в Калининграде. К своему десятилетнему юбилею эта фирма достигла пика рентабельности, продав 381 тысячу легковых автомобилей, при этом 119,8 тысячи машин было реализовано за пределами Китая. Фирма завоевала лидерство как крупнейший в Китае экспортер легковых автомобилей на международный рынок. Джеймс Киндж рассказывает любопытные подробности появления «Chery»: «Автомобильной фирмы „Chery“ еще не существовало, когда „Фольксваген“, лидер на китайском рынке, выпустил популярную модель Jetta" в конце 1990-х годов. Однако через тридцать три месяца после начала работы практически с нуля... фирма „Chery" произвела свой первый автомобиль, четырехдверный седан, который очень сильно походил на Jetta" — на тот момент самый продаваемый в Китае автомобиль. Мгновенно возникли подозрения, отчасти потому, что основной инвестор в „Chery" — компания „САИК" является партнером „Фольксвагена" по совместному предприятию... Компания „Фольксваген" провела собственное расследование и обнаружила свои оригинальные детали в автомашине „Chery". Они написали соответствующие письма и провели переговоры с руководителями фирмы „Chery"... и в конце концов эта китайская компания согласилась не использовать более оригинальные детали в своих моделях»^[84]. Отметим, что подобное воровство было бы невозможно, если бы эту беззастенчивую политику промышленного пиратства, которую проводят китайские производители, не поддерживало руководство страны.

Китайцы хорошо понимают, что без пиратства и незаконного клонирования технологий они не смогли бы развить мощную

автоиндустрию. На создание эксклюзивных технологий уйдут годы, а рынок нужно завоевывать прямо сейчас. Поэтому им пришлось «узаконить» воровство — во имя прогресса!

Широко представлена в России и продукция автомобильной фирмы «Geely». Эта частная компания возникла в 1986 году как производитель комплектующих для холодильного оборудования, затем перешла на производство отделочных материалов, а в 1992 году по лицензии фирмы «Honda» начала собирать легкие мотоциклы и скутеры. С 1997 года она работает уже в автомобильном бизнесе. Штаб-квартира компании располагается в Ханчжоу, административном центре провинции Чжэцзян, а производственные базы сосредоточены в городах Линьхай, Нинбо, Тайчжоу и Шанхай. Если в 2004 году компания произвела 96 тысяч автомобилей, то к 2015 году она планирует увеличить производственный объем до 2,2 миллиона машин.

В 2004-2005 годах в Россию начали поставляться и китайские грузовики. Одним из наиболее крупных поставщиков грузовой техники стала Первая китайская автомобильная корпорация (China First Automobile Group Corporation) с торговой маркой FAW, выпускающая до 2 миллионов грузовиков в год. Компания является прямым наследником Чанчуньского автомобильного завода № 1, построенного в 1950-е годы с помощью Советского Союза. Штаб-квартира и основные производственные мощности корпорации находятся в городе Чанчунь на северо-востоке Китая.

В 2005 году южнокорейский концерн «Hyundai» не на шутку встревожился возможностью утечки в Китай информации о своих эксклюзивных технологиях. Компания «Hyundai Motor» обнаружила, что один из ее подрядчиков активно общался с китайскими производителями, и информация, которая могла представлять интерес для конкурентов из Китая, сразу же была закрыта. С этой точки зрения совершенно понятен тот интерес, который китайцы проявляют к приобретению «раскрученных» европейских брендов, например «Volvo». В конце марта 2010 года американский автопроизводитель «Ford Motor Company» спустя несколько месяцев переговоров согласился продать компанию «Volvo Cars» и все связанные с ней активы китайской фирме «Zhejiang Geely Holding Group Company Limited» за 1,8 миллиарда долларов. Весьма характерно, что другим

претендентом на покупку «Volvo» была шведская инвестиционная группа «Konsortium Jakib AB», куда также входили два бывших топ-менеджера «Ford» — Майкл Дингмэн и Шамель Рушвин. Но выиграли китайцы. Сенсационная сделка состоялась в шведском городе Гетеборге, где расположена штаб-квартира «Volvo». Руководство «Geely» заявило, что они обязательно сохранят существующие производства в Швеции и Бельгии, но основные усилия бросят на выпуск «Volvo» в Поднебесной. Было хорошо известно, что «Volvo Cars» — убыточная компания, но все равно в реальность того, что знаменитый бренд «Volvo» станет китайским, не верилось до самого последнего момента. В приобретении «Volvo» есть один очень важный добрый знак — возможно, с этой сделки начнется постепенный отказ Китая от привычной для них стратегии промышленного пиратства. Хотелось бы на это надеяться. Как только схлынула первая волна бурного обсуждения покупки «Volvo», китайцы вновь дали повод для горячих дискуссий — концерн из Поднебесной «BYD» обмолвился о намерении купить марку «Maybach» — бренд дорогостоящего элитного автомобиля, который часто называют любимой машиной шахов. Хотя владеющий сегодня маркой автоконцерн «Daimler» еще не делал никаких заявлений о продаже «Maybach», китайцы уже говорят, что готовы побороться за право производить этот элитарный автомобиль в своей стране. Очевидно, это заявление китайцев можно расценить как «коммерческое предложение».

Как бы то ни было, сегодня российским автоконцернам есть чему поучиться у китайских коллег. Когда в соответствии с требованиями ВТО в Китае были отменены ограничения, связанные с ввозом в страну иностранных автомобилей, китайские производители машин немедленно снизили цены примерно на 15%, тем самым обеспечив их конкурентоспособность. А в России мы по-прежнему продаем отечественные авто по цене иномарок экономкласса

Аналитики автомобильной отрасли говорят, что Китай постепенно вырабатывает собственный стиль автомобилестроения. Возможно, основой для будущего собственного «лица» станут технологии приобретенного китайцами «Volvo». Но пока еще этот индивидуальный почерк автоиндустрии Поднебесной очень нечеток и

напоминает мозаику из разных элементов, в которых угадываются знакомые черты мировых автомобильных брендов.

Контрафакт «в законе»

Недавно в Пентагоне разразился скандал. Оказалось, что один из поставщиков оборонного ведомства США, мошенник из Калифорнии по имени Нил Фелахи, в течение последних двух лет поставлял Военно-Морскому флоту США контрафактную продукцию, изготовленную в китайской провинции Гуаньдун. Как выяснилось, предприимчивый Фелахи тщательно зачищал маркировку песком и кислотными растворами. По предварительным данным, обвиняемый успешно «сплавил» американскому флоту порядка 30 тысяч поддельных чипов с фальшивой маркировкой Intel, Fujitsu, VIA, National Semiconductor и Analog Devices^[85]. Было также установлено, что недобросовестные поставщики продавали китайские контрафактные комплектующие для компьютеров, установленных в кабинетах сотрудников правительства США.

Когда речь идет о государственных закупках, то, скорее всего, контрафакт будет рано или поздно обнаружен. А сколько неучтенного контрафакта из Китая уже разошлось по миру — даже не хватит фантазии представить!

Весной 2010 года в ЮАР были арестованы поддельные товары с символикой предстоящего Чемпионата мира по футболу на общую сумму 6 миллионов долларов. Как удалось установить, большинство подделок было произведено в Китае. В основном мошенники подделывали официальные футболки сборной ЮАР, которые завозятся в страну через порт Дурбан и международный аэропорт имени Оливера Тамбо близ Йоханнесбурга.

Американцы считают, что в США активно действуют агенты китайской разведки, которые охотятся за их эксклюзивными технологиями, чтобы потом изготовить промышленные «клоны». Шпионские скандалы с участием китайцев или их «агентов» разгораются в Штатах регулярно и, возможно, небеспочвенно. По опубликованным в прессе США данным, только в 2008-2009 годах в суды было передано четырнадцать дел, связанных со шпионажем граждан США в интересах Китая. Под подозрение о передаче данных Китаю уже попали более 3 тысяч американских фирм, большинство

которых расположено в Калифорнии, где сосредоточены основные центры высоких технологий, за которыми идет охота. В 2008 году сотрудник аналитического отдела Министерства обороны США Грегг Уильям Бергерсен был признан виновным в шпионаже в пользу Китая, а вместе с ним по делу проходили двое уроженцев Поднебесной — Тай Шэнькуо и Ю Синкан. Представитель министра иностранных дел Китая Лю Цзяньчао тогда назвал эти обвинения абсолютно необоснованными. В феврале 2010 года американский суд приговорил к пятнадцатилетнему заключению бывшего инженера компании «Боинг» выходца из Китая Донгфан Чанга, который, якобы занимаясь промышленным шпионажем, собрал более трех сотен секретных документов, относящихся к программе изготовления шаттлов и военных самолетов, и передал их на свою историческую родину.

Подобные же шпионские истории имели место и в России. В 2004 году к 14 годам лишения свободы был приговорен красноярский физик Валентин Владимирович Данилов, которого обвинили в передаче китайской государственной фирме уникальных технологий по защите искусственных спутников Земли от солнечного излучения. По оценке Федеральной службы безопасности России, Данилов, будучи директором теплофизического центра Красноярского государственного технического университета, передал секретные сведения, благодаря которым Китай примерно на 15 лет сократил срок создания собственной военно-космической группировки с высокой степенью защищенности.

Одиннадцать с половиной лет колонии дал Лефортовский суд Москвы генеральному директору Научно-исследовательского института «Машэкспорт» Игорю Андреевичу Решетину за незаконную передачу Всекитайской экспортно-импортной корпорации точного машиностроения технологий, экспорт которых контролируется государством и может быть использованы при создании ракетных средств доставки оружия массового поражения. О шпионаже в пользу Китая сделал заявление директор ФСБ Н. П. Патрушев. По материалам следствия, Решетин и сотрудники возглавляемого им института передавали китайской стороне секретную информацию с 1998 по 2003 год, за что в общей сложности получили около 2 миллионов долларов.

Недавно экономисты ввели особое понятие *«китайская цена»* — это случилось после того, как стала очевидной способность китайских

производителей демпинговать относительно цен иностранных компаний по самому широкому ассортименту продукции. Демпинговать же Китай может совершенно безболезненно благодаря существующей в стране, словами профессора Калифорнийского университета Питера Наварро, «защищенной государством системы подделок и промышленного пиратства»^[86]. Контрафакт — это обратная сторона «китайской цены». Сегодня, пожалуй, уже все страны мира столкнулись с серьезной проблемой, которую несет их национальным экономика «китайская цена» и связанная с ней нелегальная продукция. Вы можете изготовить самый лучший товар, но окажетесь неконкурентоспособны, потому что китайский продавец предложит на рынке очень похожую продукцию, но на порядок дешевле. И вы ничего не сможете противопоставить этой жульнической уловке. Сегодня на ней «ломают зубы» даже мощнейшие мировые производители.

Жестко критикующий Китай американский профессор Наварро, называя китайцев «*нацией пиратов*», прямо указывает, что в Китае система изготовления контрафакта не только не находится вне закона, но даже «вмонтирована» в официальную экономику страны. «Китайская цена» — это оружие современных торговых войн. Для того чтобы защитить собственных производителей, занимающихся промышленным пиратством, в Китае существуют законодательно установленные «лазейки», о которых рассказывает Питер Наварро: «Правовая система Китая в этом отношении построена по принципу „первой регистрации“. Согласно законодательству, торговая марка, известная во всем мире, не будет защищена, если она неизвестна в Китае. Эта правовая уловка ранее уже позволяла многим китайским предпринимателям регистрировать иностранные торговые марки на свое имя... В действительности защита торговых марок в Китае — жульническая игра, которую коррумпированные судьи и чиновники ведут против крупнейших транснациональных компаний, владеющих торговыми марками»^[87].

Джеймс Киндж в книге «4 Китай, который потряс мир» говорит, что «некоторые виды воровства приобрели систематический характер. Почти каждый блокбастер, снятый и смонтированный в Голливуде, появляется на DVD в Китае раньше, чем выпускается в том же формате в Америке... Другого рода жертвы — в сфере индустрии

книгоиздательства. Шестой том из серии романов о Гарри Поттере появился в Китае за месяц до того, как Дж. К. Роулинг закончила над ним работу. Когда книга только вышла из печати, несколько пиратских фирм соперничали в скорейшем переводе этого издания и продаже его через Интернет...»^[88]

Сегодня китайцы, скорее всего, с удовольствием отказались бы от оскорбительного статуса «*нации пиратов*». Что и говорить, неприятно жить с таким клеймом. Однако они понимают, что на кон поставлено будущее национальной экономики, которая оказалась слишком тесно связанной с промышленным пиратством. И отказаться от бесстыдного «клонирования» зарубежных технологий пока не получается.

Смерть «made in China»

«Золотой треугольник» — это не просто красивая метафора. Это территория, расположенная в горах на стыке границ трех государств Юго-Восточной Азии — Таиланда, Мьянмы и Лаоса. Еще партия Гоминьдан здесь наладила производство мака. Генералиссимус Чан Кайши использовал доходы от продажи наркотиков для поддержки своей борьбы против Коммунистической партии Китая. Политика тесно сливалась с криминалом. Сегодня «Золотой треугольник» остается крупнейшим местом производства традиционного опиума, а также и синтетических наркотиков — метамфетаминов. «Золотой треугольник» в чем-то можно сравнить с Бермудским — здесь тоже идут ко дну человеческие души. Китай граничит с этим заповедником наркобизнеса, и это соседство выражается в том, что Китай стал одним из важных звеньев в международном наркотрафике.

По официальным данным, сейчас в Китае проживают более 700 тысяч зависимых от героина, причем 69% от этого числа — младше 35 лет. В результате Опиумных войн 1839-1860 годов европейцы заставили правительство Китайской империи легализовать торговлю этим сильнодействующим наркотиком, который англичане доставляли из Индии. Так как раньше китайцы были практически не знакомы с наркотиками и не имели опыта их употребления, то эпидемия наркомании буквально захлестнула страну. Именно китайцы в начале XX века приучили к опиуму многих россиян на Дальнем Востоке.

Питер Наварро замечает, что «ни одна страна не играет более важной роли в мировой системе производства, перевозки и распространение всех четырех „тяжелых“ наркотиков (кокаин, героин, метамфетамин и экстази. — *Авт.*) и составляющих их веществ, чем Китай»^[89]. По данным профессора Наварро, Китай играет ключевую роль как главный транзитный коридор для поставок героина с территории «Золотого треугольника». Китай ежегодно производит порядка 100 тысяч метрических тонн ацетонангидрида, и значительная часть изготовленного вещества поставляется на подпольные заводы для обеспечения экстракции героина из мака. Китай занимает одно из лидирующих мест в мире по объемам производства природного и

синтетического эфедрина, который контрабандой доставляется в подпольные лаборатории по изготовлению метамфетамина. Таким образом, Китай прочно «вмонтирован» в черную паучью сеть мирового наркобизнеса.

Идут поставки «наркоты» из Поднебесной и в Россию. Недавно Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков обнародовала данные о том, что «на наркорынке отмечается появление синтетических наркотиков не только европейского, но и китайского происхождения, которые намного более губительны для наркоманов, однако пользуются в их среде популярностью ввиду невысокой цены». Как всегда, Китай демпингует, продает свой товар дешевле конкурентов. В Россию также в большом количестве ввозятся биологически активные добавки, содержащие сильнодействующие вещества, которые в Китае можно купить легально — в каждой аптеке. А на российском Дальнем Востоке Китай вообще является абсолютным лидером по поставкам наркотиков и сильнодействующих веществ. Китайские наркоторговцы сажают российскую молодежь «на иглу».

В последние годы в самом Китае участились скандалы, связанные с употреблением наркотиков в среде звезд шоу-бизнеса. Например, в 2008 году известный певец Се Дун был задержан по обвинению в употреблении наркотиков, несмотря на то что год до этого после подобного же обвинения стал волонтером, пропагандирующим борьбу с наркотиками^[90].

В декабре 2009 года в Китае был казнен подданный Великобритании 53-летний Акмаль Шейх, пакистанец по происхождению, который был арестован в городе Урумчи, сразу же по прилете из Таджикистана. При задержании у него было обнаружено почти 4 килограмма героина. Он был обвинен в контрабанде наркотиков, а затем приговорен к высшей мере наказания. Иного приговора и не могло быть вынесено, если учесть, что по китайским законам смертный приговор может быть вынесен при попытке провоза всего лишь 15 граммов наркотика, а у Шейха, по утверждению следствия, был с собой практически целый чемодан наркотиков. На защиту своего подданного поднялась Великобритания и лично премьер-министр Гордон Браун, попросивший Китай помиловать Шейха. Оказалось, что Шейх — отец троих детей, страдает

маниакально-депрессивным психозом, что могло вызвать у китайского правосудия снисхождение. Кроме того, по версии самого Шейха, он стал жертвой мошенников, которые подбросили ему наркотики. Однако аргументы защиты не были услышаны китайской стороной и смертный приговор привели в исполнение. Гордон Браун заявил, что не одобряет казнь британского подданного, на что власти Китая выразили недоумение, почему в Великобритании казнь обычного контрабандиста вызвала столь бурное обсуждение на столь высоком правительственном уровне. Однако Шейх перестал быть «обычным контрабандистом» с того момента, когда за него лично заступился Гордон Браун. Поднебесная ничуть не боялась расстроить британского премьера и омрачить отношения дипломатическим скандалом. Китайцы ни на *секунду* не усомнились в собственной правоте и настаивали на неотвратимости наказания. Кроме того, Китай отвесил англичанам звонкую оплеуху, заявив устами представителя китайского министерства иностранных дел Цзян Юй, что «никто не имеет права высказываться относительно судебной власти в Китае». В печальной истории Акмаля Шейха отразилось очень многое — и беспрецедентная жестокость китайского законодательства в отношении наркоторговли, и высокомерное нежелание Пекина прислушиваться к голосу международного сообщества, и стремление китайских властей «поставить на место» западных политиков и глав государств. Именно с учетом этих мотивов Китай решил в деле Акмаля Шейха проявить принципиальность и идти до конца. И Европа оказалась бессильной что-либо предпринять.

Пятый братец Лю пьет и пьет воду

В 1950-е годы прошлого века многие советские дети хорошо знали старинную китайскую сказку о близнецах-братьях Лю. Про подвиги былинных персонажей можно было прочитать на страницах сборника «Китайские народные сказки», изданного в нашей стране, узнать из мультфильма или диафильма «Братья Лю». По сюжету сказки одного из братьев решил казнить жестокий правитель. Но другие братья, каждый из которых обладал разными сверхъестественными способностями, подменяли своего близнеца на рассвете перед казнью. Палачи пытались обезглавить братца, шея которого была крепче железа, и меч разлетелся на куски. Тогда его решили сжечь, но появился тот, который в огне не горел. И так далее. Тиран в гневе надумал утопить строптивца. Вот тут-то и пришел пятый братец, который стал быстро пить воду и пил до тех пор, пока не осушил до дна все моря, реки и озера в Поднебесной и вокруг нее.

Именно о невероятных способностях пятого братца Лю вспоминаешь, когда читаешь сообщения СМИ о нехватке пресной воды в современном Китае. Так, газета «Комсомольская правда» (25 ноября 2009 года) пишет, что главная боль МИД Казахстана — вода. Китай давно и бесстыдно осуществляет бесконтрольный водозабор из рек Или и Черный Иртыш. Угроза экологической катастрофы висит теперь не только над Казахстаном, но и над российскими регионами.

Одного взгляда на географическую карту достаточно, чтобы найти голубые ниточки этих рек, берущих начало в отрогах Алтайских гор, которые расположены в китайском Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Дальше русла выходят на территорию Казахстана. Воды Или питают Капчагайское водохранилище, рукотворное море среди пустынных барханов. Оно служит резервуаром чистой воды для огромного города Алма-Ата, лежащего в нескольких десятках километров южнее. Все засушливые районы вокруг бывшей столицы Казахской Республики зависят от полноводности русла Или. Река Черный Иртыш пересекает земли Восточного Казахстана и в России вливается в систему водных артерий Западной Сибири. Одностороннее

решение водных проблем властями китайского Синьцзяна сулит соседним государствам большие беды.

По данным ООН, к 2050 году от нехватки пресной воды будут страдать 3 миллиарда человек в пятидесяти странах. Россия, которая наряду с Бразилией занимает лидирующее положение в мире по внутренним запасам воды, должна уже сегодня понимать, что настанет день, когда именно вода станет главным экспортным продуктом вместо нефти и газа. Такое богатство следует беречь, хотя оно и относится к восполняемым природным запасам. И к самодеятельности огромного Китая в вопросах перераспределения гидроресурсов надо присматриваться внимательно.

Несколько лет назад Госсовет КНР принял решение об искусственной переброске воды из богатых водными запасами южных районов страны на север, где ощущается ее нехватка. Эта программа именуется «Водами Юга напоить Север». О ней недавно в нашей прессе написал статью известный писатель-китаевед Всеволод Овчинников. По разработанному плану пять процентов годового стока крупнейшей в стране реки Янцзы будет ежегодно отводиться в северные районы. Таким путем там планируется решить вопрос о снабжении питьевой водой и о расширении площади орошаемых земель. Одновременно уменьшится угроза частых наводнений в среднем и нижнем течении Янцзы.

По общим запасам воды Китай стоит на шестом месте в мире, но в пересчете на каждого жителя этот показатель в четыре раза ниже среднемирового. 80% водных ресурсов приходится на бассейн Янцзы, годовой сток реки — 1000 миллиардов кубометров, и районы южнее него. Для сравнения: сток Янцзы — больше, чем у наших сибирских рек Оби, Иртыша и Енисея вместе взятых. Оставшиеся 20% приходятся на районы к северу от Янцзы, где находится две трети обрабатываемых земель страны.

Власти КНР долгие годы потратили на четырехкратное увеличение площади орошаемых земель. Ныне поливные угодья составляют почти половину пашни и обеспечивают две трети валового сбора зерна. Вторая крупная водная артерия страны — река Хуанхэ лишь немногим уступает Янцзы по длине, но годовой сток Желтой реки (так переводится название Хуанхэ) составляет всего 50 миллиардов кубометров. На сегодняшний день в ее бассейне

возможности искусственного орошения исчерпаны. Из реки разбирают на полив столько воды, что летом она почти пересыхает.

В то же самое время главные районы выращивания поливного риса в бассейне Янцзы хронически страдают от паводков. Частые наводнения несут огромные разрушения и гибель людей. Для уменьшения угрозы катастроф китайцы возвели на Янцзы крупнейший в мире гидроузел «Три ущелья». В государственных планах по перераспределению гидроресурсов строительство этого гигантского сооружения стало лишь первым шагом.

Существуют инженерные проработки трех маршрутов переброски воды: западный, центральный и восточный.

Первый предполагает соединить верховья Янцзы и Хуанхэ, что может быть весьма результативно, но очень сложно с технической точки зрения. Для ежегодной переброски 30 миллиардов кубометров воды необходимо построить плотину высотой 300 метров и прорубить в горах стокилометровый тоннель.

По второму варианту необходимо прорыть с юга на север канал от водохранилища Даньцзянкоу, созданного на одном из притоков Янцзы. По каналу ежегодно будет пропускаться 16 миллиардов кубометров в год. В инженерном отношении этот вариант проще, но он не менее грандиозен: ради его осуществления уже начато переселение в другие местности 330 тысяч жителей центрально-китайских провинций Хубэй и Хэнань.

Третий, восточный, вариант направлен на то, чтобы перекачивать воду с юга на север по древнему руслу Великого китайского канала, вдоль которого необходимо построить современные насосные станции.

Проекты китайских гидротехников и политиков, как обычно, впечатляют масштабами. Но при знакомстве с ними возникает наше русское сомнение по поводу того, что «гладко бывает на бумаге»... Пока строительство ни по одному из перечисленных вариантов еще не начато, есть время поразмыслить над экологическими последствиями грандиозного проекта по вмешательству в нетронутую пока природу.

В конце 2009 года военный китаевед Андрей Девятков описал свои впечатления о совершенном путешествии по реке Янцзы.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА

В Чунцине я сел на пароход и отправился вниз по великой реке Янцзы до грандиознейшего сооружения: гидроузла электростанции «Трех ущелий»... Река представляла бесконечную вереницу судов: большей частью наливных и контейнеровозов. Но особенно интересными для меня были весьма многочисленные специальные суда для перевозки трейлеров. На такое судно паромного типа своим ходом заезжают примерно тридцать фур и плывут себе по реке на сотни километров, а затем без перегруза разъезжаются по дорогам до мест назначения.

Однако на реке проявился и очередной признак кризиса: кризиса экологии. После строительства на выходе из второго ущелья грандиозной плотины уровень воды в верхнем течении Янцзы, зажатой горами, поднялся на 175 метров, а скорость течения сильно замедлилась. Теперь кое-где, в тихих заводях, почти стоячие воды реки цветут, а местами, даже и на стремнине сильно замусорены».

(Андрей Девятов. Кризис и Китай. Путевые заметки военного китаевода [//www.clubvi.ru](http://www.clubvi.ru). 18.11.2009)

* * *

К свидетельству очевидца остается лишь добавить, что решение о создании гидроузла «Санься» («Три ущелья») было принято Всекитайским собранием народных представителей в 1992 году. Русло реки Янцзы было перекрыто строителями в 1997 году. Работы на плотине завершились пару лет назад. А сегодня уже можно говорить о нанесенном экологии ущербе при решении насущных экономических и социальных задач.

Поражающие человеческое воображение планы по переброске части вод Янцзы в другие районы Китая, призванные укротить буйный нрав крупнейшей реки страны и напоить засушливые края, приводят к размышлениям о продолжении подобных экспериментов над природой. На северо-востоке КНР, в Дунбэе, течет с юга на север полноводная Сунгари, приток пограничного с Россией красавца-

Амура, «Реки Черного Дракона». Сунгари вкупе с Амуром не раз демонстрировали жителям Дунбэя свой дикий нрав, захлестывали паводковыми волнами низинные территории провинции Хэйлунцзян, несли экономические бедствия и человеческие жертвы. А что, если китайские руководители в будущем задумают навести рукотворный порядок и на северо-востоке, отвести воды Сунгари, к примеру, в безводные степи соседней Внутренней Монголии, уменьшив водосток самой Сунгари заодно с «Рекой Черного Дракона»? Амур уже сегодня периодически мелеет до критического *уровня*, поэтому не перенесет никаких экспериментов.

Тревожно становится, когда читаешь про высыхающее русло великой реки Хуанхэ, про бесконтрольный водозабор на реках Или и Черный Иртыш, про грандиозные планы вторжения в природу. Что будет дальше? В сказке о братьях Лю пятый братец, осушив все водоемы Поднебесной, вернул потом выпитую воду обратно. В реальности вода, поглощенная гигантом Китаем, назад не вернется.

Вредный-вредный-вредный Китай

Вложения в защиту окружающей среды китайцы считают непозволительной роскошью. Действительно, на экологических программах заработать куда труднее, чем, например, на контрафакте.

Китайские промышленники не думают об «экологической стороне» бурного экономического роста. Сегодня экологи считают Китай второй страной в мире по уровню загрязнения окружающей среды выбросами в атмосферу так называемых «парниковых газов», в этом списке Китай следует сразу за самой «грязной» в мире страной — США. Однако при этом Китай, наряду с США и Индией, отказался от участия в Киотском протоколе — международном договоре, страны-участники которого, в том числе и Российская Федерация, согласились в целях борьбы с глобальным изменением климата на период с 2008 по 2012 год включительно ограничить загрязнение атмосферы.

Шестнадцать из двадцати самых загрязненных городов планеты находятся в Китае. Около 75% воды в реках и водоемах Поднебесной недостаточно чисты для того, чтобы ее употреблять в пищу. А воду некоторых рек нельзя использовать даже для сельскохозяйственных нужд.

Перед проведением в Пекине Олимпийских игр 2008 года многие европейские страны выражали сильную обеспокоенность тем, что состояние окружающей среды в Китае небезопасно для здоровья спортсменов. Китайские власти вынуждены были отчасти согласиться с этой критикой и накануне открытия игр пошли на беспрецедентные меры — для обеспечения чистоты воздуха в Пекине они остановили все строительные работы, прекратили деятельность большей части промышленных предприятий и ограничили эксплуатацию автомобилей. Почти за месяц до открытия игр в Пекине были введены правила, согласно которым по четным дням въезд в центр Пекина был разрешен только машинам с четными номерами (то есть тем, чей номер заканчивается на четную цифру), а по нечетным — наоборот. Конечно, такое возможно только в Китае! Но все равно игры 2008 года были признаны самыми «неэкологичными». Всемирная организация здравоохранения заявила, что практически все время, проведенное в

Пекине, спортсмены вдыхали воздух, в котором концентрация вредных веществ в несколько раз превышала допустимую.

Экологические проблемы — расплата Китая за промышленный бум, достигнутый в том числе за счет нещадной эксплуатации природных ресурсов.

В 2006 году губернатор Хабаровского края Виктор Ишаев заявил, что **фактически Китай развивает свою экономику за счет природных ресурсов России, за счет здоровья россиян.** По берегам реки Сунгари находится более ста китайских заводов. Ишаев подчеркнул: «Одни предприятия не имеют очистных сооружений вовсе, на других они устарели, а третьи их просто не используют». Не используют, надо полагать, из соображений банальной экономии. Губернатор также обратил внимание на то обстоятельство, что между Россией и Китаем нет соглашения о компенсации ущерба в случае загрязнения окружающей среды на российской территории. Кто же будет отвечать, случись — не дай Бог, конечно) — катастрофа?.. «Нам не нужна техническая помощь со стороны Китая, главное, чтобы они обеспечили поставку воды на территорию России с химическим составом в пределах нормы, что определено международным правом и соглашениями», — говорил Виктор Ишаев в интервью телекомпании НТВ.

Однако на деле все получается наоборот. 13 декабря 2005 года в результате взрыва на химическом заводе «Jilin Petroleum and Chemical Company» в городе Гири в Сунгари — правый приток Амура, являющегося источником питьевого водоснабжения Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре, — попало около 100 тонн бензола и других ядовитых веществ. А летом 2008 года в провинции Хэйлунцзян, также граничащей с Россией, произошла утечка химических веществ, в результате которой погибли три человека. Но официальной информации об аварии китайская сторона России не предоставила, хотя по международным договоренностям обязана была сообщить об угрозе заражения. Минприроды России в связи с этим инцидентом вынуждено было даже направить ноту в Пекин.

Лесные массивы давно называют «легкими планеты». Китай сегодня стал самым крупным производителем мебели и главным потребителем необработанной древесины на планете, и достигнуто это лидерство ценой беспощадной вырубке лесов. Темпы как законной,

так и браконьерской вырубке растут в Поднебесной год от года. Исчезновение зеленых массивов — одна из причин учащения песчаных бурь, которые становятся настоящим национальным бедствием Китая. Так природа отвечает на грубое отношение к ней.

Уже не первый год западные страны, а также Южная Корея и Япония ввозят в Китай неэкологические производства, которые считают опасным развивать в своих государствах. Китай только рад их принимать, ведь они приносят прибыль. А ущерб, наносимый окружающей среде, китайские бизнесмены предпочитают не подсчитывать...

Поднебесная также не спешит переходить на новые технологии в энергетике, и большая часть электростанций там работает на угле, а значит, они выбрасывают в атмосферу сотни тысяч тонн сажи и других вредных веществ. Есть данные, что этот растворенный в воздухе уголь ежегодно убивает до полумиллиона китайцев^[91]. Неизбежно страдает от этого и население российских приграничных территорий. Несмотря на это Китай, планирует к 2012 году завершить постройку еще более пятисот электростанций, работающих на этом экологически вредном виде топлива. Сегодня в КНР сжигается угля больше, чем в США, странах Евросоюза и Японии вместе взятых.

Китай сделал свой выбор. Он ставит экономические доходы выше жизни и здоровья людей.

Ну а при чем здесь мы, россияне?

Столица России должна быть перенесена на Дальний Восток?

Недавно в России была высказана «сумасшедшая» на первый взгляд идея — перенести столицу нашей страны на берег Тихого океана.

Строитель империи Петр Великий перенес столицу из «первопрестольной» Москвы на берега Невы, на отвоеванные в ходе Северной войны земли, чтобы приблизить Россию к Европе, ввести Российскую империю в плеяду крупнейших западных держав. Это было необходимо, чтобы Россия совершила технологический рывок, сделала важнейший шаг по интеграции в европейскую экономику.

Смена столиц — это смена политических векторов. Несомненную мудрость проявили в 1990-е годы власти Казахстана, когда решили перенести столицу из Алма-Аты в Астану, чтобы дать импульс развитию северной территории государства, привлечь туда финансы, создать условия для заселения пустовавших земель. Сегодня перенос российской столицы на Дальний Восток означал бы утверждение России как государства — лидера Тихоокеанского региона, создавал бы мощный «центр силы» на Востоке. Во времена Петра Европа находилась в зените могущества и славы, а сегодня пульс мировой истории бьется на Востоке.

Именно из акватории Тихого океана Россия получит возможность повернуть вспять глобализацию по-американски, опираясь на поддержку восточных гигантов — прежде всего Китая и Японии.

Целостности европейской России сегодня ничто не угрожает. Сепаратизм региональных элит, который пышным цветом расцвел во время правления Бориса Ельцина, сегодня преодолен с помощью четко выстроенной «вертикали власти». Но остается проблема отдаленных дальневосточных территорий, которые словно бы уже и не в составе России. Побывать, например, во Владивостоке или Хабаровске удастся редко кому из петербуржцев или жителей Калининграда. Страна словно бы разорвана, за Уралом начинается неведомая земля, которую центральная Россия, сжимающаяся подобно шагреновой коже до пространства Великого княжества Московского, вынуждена вновь

«присоединять» и «осваивать». Молодежь Дальнего Востока сегодня практически лишена возможности учиться в вузах Москвы и Санкт-Петербурга, а значит — поставлено под сомнение духовное и культурное единство русского народа, который оказывается буквально «расчлененным». Как справедливо пишет военный журналист Илья Крамник, «при Александре II Россия уступила свои американские владения США за не очень большие деньги, и прежде всего потому, что тогдашнее развитие экономики страны и технические возможности не позволяли ни осваивать их, ни защищать в случае возможной войны. Камчатка, Курилы и Сахалин, которые сейчас кажутся естественной и неотъемлемой частью России, могут внезапно очутиться в положении Аляски, если непонимание значения Дальнего Востока для России, его роли военного щита и природной кладовой не будет преодолено. Оно должно быть преодолено в умах граждан, которые должны ощущать Петропавловск, Кунашир и Южно-Сахалинск такими же „своими“, как привычные поля, леса и города европейской части России. И конечно — в умах политиков, военных, людей бизнеса и экспертов, которые должны, наконец, создать давно ожидаемую стратегию развития и освоения Дальневосточного региона, с учетом потребностей его жителей, с учетом необходимости заселения этого края, его промышленного, энергетического, транспортного развития, с учетом необходимости его защиты»^[92].

Весьма уместное напоминание о потерянной Россией Аляске. У России не было возможности удерживать это отдаленное владение, поэтому легче было от него избавиться. Неужели и Дальний Восток станет «новой Аляской», которую так трудно удержать?.. К сожалению, в России не хватает политической воли для того, чтобы вплотную приступить к решению проблем Сибири и Дальнего Востока.

Тихий океан — самый большой из мировых океанов, самый древний по происхождению, самый глубокий... По двум его берегам — две сверхдержавы планеты, Россия и Соединенные Штаты Америки. В свое время Александр Герцен размышлял о том, что Тихий океан может стать «Средиземным морем будущего», то есть колыбелью грядущей мировой цивилизации. Придав столичный статус одному из дальневосточных городов, мы сможем привлечь огромные средства

для модернизации промышленности и хозяйства этого огромного региона, направить сюда миграционные потоки, сделать, Дальний Восток магнитом для российских и зарубежных инвесторов. Во многом будет снята и проблема «китайской угрозы» для Дальнего Востока: на фоне активного переселения русских количество китайских мигрантов не будет казаться избыточным. С вымиранием и опустыниванием дальневосточных территорий тогда будет покончено. Люди едут туда, где есть интересная работа и перспектива карьерного роста, где возможны хорошие заработки. Именно этих стимулов сегодня недостает, чтобы дать толчок переселению русских людей на Дальний Восток.

По сей день Япония не оставила своих претензий на обладание Южными Курилами, хотя доподлинно известно, что японцы впервые появились на этих территориях после россиян, и, высаживаясь на Курилах, они опрокидывали русские указательные столбы и ставили на их месте другие — с надписью «Владение Великой Японии». В 2009 году премьер-министр Японии Таро Асо в очередной раз назвал Южные Курилы «незаконно оккупированными территориями» и заявил, что ждет от России предложений к решению этой проблемы. Во многом расчет японцами делается на то, что высокому московскому руководству нет дела до весьма отдаленных территорий, а в случае ослабления федеральной власти Россия просто не сможет защитить и удержать эти земли под своим контролем. Ресурсами для полноценного развития Курил Россия сегодня по-прежнему не обладает. Перенос столицы на Дальний Восток поспособствует решению и Курильской проблемы.

Сторонник данного проекта политолог Юрий Крупное пишет: «Географическое пространство вокруг Тихого океана есть, а вот политико-экономического единого региона нет. Отсутствие тихоокеанского цивилизационного единства отражает и состояние организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Россия должна предложить всем народам и странам вокруг Великого океана строить новую цивилизацию и вокруг именно такой инициативы находить понимание ведущих держав мира, вовлекать их в справедливый миропорядок. Освоение, колонизация, обживание гигантских малозаселенных или недостаточно освоенных и обустроенных ныне северных дальневосточных пространств

невозможно вне цивилизационного проекта. Чисто ресурсный проект, выразившийся в позднесоветском БАМе, помимо своей безусловной величественности и правильности, показал и принципиальную недостаточность. Необходим именно цивилизационный проект. Тихоокеанское побережье России может и должно стать базой новой цивилизации»^[93]. Известный политтехнолог Глеб Павловский, узнав об общественной инициативе переноса столицы за Урал, положительно ее оценил, сославшись на успешный опыт Казахстана. Похожие мысли высказывает писатель Эдуард Лимонов, утверждающий, что столица Российского государства должна находиться в Южной Сибири.

Звучали уже и конкретные предложения: новый политический центр предлагалось разместить в Амурской области, а именно—в районе Углегорска, где должно начаться строительство космодрома «Восточный», который в перспективе может стать дублером «Байконура». Вокруг космодрома должен вырасти настоящий мегаполис — жилые кварталы, промышленная зона и аэропорт международного класса. Возможно, именно с реализации этого стратегического проекта начнется новая эра российского присутствия в космосе, и будет особенно символично, если Россия начнет новое покорения звездного пространства, стартовав с Дальнего Востока!

Можно сказать, что идея переноса столицы сегодня «носится в воздухе», ее подхватывают представители самых разных идеологий и политических взглядов.

Проект переноса столицы России на Дальний Восток, безусловно, будет еще обсуждаться. Пока все это напоминает «зондаж» общественного мнения. Как бы то ни было, у проекта появились как сторонники, так и противники: многим такой переезд кажется излишне грандиозным и дорогостоящим, а кроме того, рискованным с той точки зрения, что во время перебазирования деятельность центральных органов власти может быть дезорганизована, может начаться неразбериха в управлении страной.

Власти Китая пока никак не комментируют данный проект, однако можно предположить, что перевод столичных функций в Дальневосточный регион позитивно отразится на российско-китайском сотрудничестве. Наши столицы станут ближе не только в географическом, но и в политическом плане.

Несмотря на обилие весьма непростых вопросов, нужно признать, что реализация проекта способна возродить Дальний Восток, вернуть ему утраченные величие и славу — во благо всех россиян. Ведь край, откуда начинается рассвет, — это наша Русская Земля!

Россия и «китайское счастье».

Подводим итоги

Федор Михайлович Достоевский писал, что «в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе». Время подтвердило правоту русского классика. Наша страна с надеждой смотрит на Восток. Какие-то надежды сбываются, а каким-то никогда не суждено воплотиться. Год от года «китайский вопрос» занимает все более важное место в общественном сознании россиян.

В этой книге мы проследили основные вехи развития российско-китайских отношений. Однако книга не о прошлом, а о будущем.

Мы много размышляли на темы истории и культуры Китая. Однако эта книга — не о Китае, а о России.

В этих утверждениях нет парадокса. На всех этапах своей истории Россия смотрелась в «китайское зеркало», чтобы лучше понять себя.

Пожалуй, ни об одной стране мира не существует такого количества мифов, как о Китае. И это неудивительно, ведь, несмотря на рыночные реформы Дэн Сяопина, Китай остается одним из «закрытых обществ». Причина этой «закрытости» — в тысячелетнем менталитете жителей обширного восточного государства. Духовной основой государственной власти в Китае, как и столетия назад, служит конфуцианство, в соответствии с идеологией которого народ — это большая семья: *«Если сам человек в порядке, то и семья в порядке. Если семья в порядке, то и государство в порядке. Если государство в порядке, то и мир в порядке»*. Каждый человек стремится оградить свою семью от вмешательства посторонних людей. Так же действуют и китайцы, которые рассматривают Поднебесную как дом, где живет большая семья.

Покупка китайцами знаменитого автоконцерна «Volvo» в марте 2010 года — это не просто сенсация международной экономической жизни, вызвавшая настоящий шок европейцев. Это — символ новых надежд Китая, его меняющегося статуса в мире. Приобретенный «Volvo» — знак того, что, хотим мы того или нет, «глобализация по-китайски» шествует по планете. И прежде всего она пугает Россию. Вот-вот нас накроет «тень Черного Дракона», который уже проснулся,

расправил свои гигантские крылья, размял кости и готов взмыть ввысь. Китай уже не такой, каким был еще вчера. Сегодня многие говорят, что Китай стремится доминировать не только экономически, он стремится проводить политику духовной и культурной экспансии. Однако подобное утверждение — свидетельство полного непонимания национального китайского менталитета. Китаю нужны российские рынки, их он и будет старательно завоевывать. А о «духовной экспансии» России в Китае никто не помышляет, саму эту идею китайцы могут поднять на смех. Китайцы — народ прагматичный, их не слишком волнует, какой цвет кожи будет у их делового партнера в Москве или Санкт-Петербурге. Главное, чтобы сотрудничество с ним было китайцам выгодно. Сторонникам теории «китайского заговора» против России, политики «окитаивания» русских и европейцев следует помнить известное в Китае выражение: **«Я не боюсь ни неба, ни земли. Я боюсь только иностранцев, которые говорят по-китайски».**

Страх России перед Китаем возник не сегодня. И исчезнет он не завтра. Уже не первое столетие Россия живет в предчувствии, что китайцы заселят Дальний Восток, который будет для нашей страны навсегда потерян. Если же мы посмотрим правде в лицо, то поймем, что «желтая угроза» экспансии Дальнего Востока — это зеркальное отражение нашей российской демографической проблемы. Нет необходимости ставить заслон на пути китайцев. Нужно повышать рождаемость, поддерживать молодые русские семьи, помогать молодоженам решать жилищную проблему, стимулировать появление многодетных семей. Только так мы спасем города Дальнего Востока и Сибири от опустынивания. А если спасем, то и «желтая угроза» будет России не страшна.

Даже если гипотетически вообразить, что российско-китайская государственная граница вовсе исчезла с лица земли, то из-за этого количество китайцев, желающих навсегда переселиться на российские территории, возросло бы весьма незначительно.

Прежде чем разглагольствовать о «китайском вторжении», давайте для начала задумаемся: а почему потерпели крах фермерские хозяйства, созданные китайцами в России? Не потому ли, что китайцам трудно жить и возделывать землю в условиях сурового

российского климата?.. Китайцы, конечно, не негры, но и к нашим тридцатиградусным холодам, метелям и буранам они как-то не приучены. Им куда вольготнее вести хозяйство в долине Янцзы. Негодные из китайцев получаются «оккупанты», что и говорить.

Китаем удобно пугать. Политические силы разного толка наживаются дивиденды на спекуляциях «китайской угрозой». Видимо, им выгодно стряпать свои темные дела в тени Черного Дракона. Вооруженный конфликт с Китаем, китайская экспансия на Дальнем Востоке — эти мифы способны быстро «наэлектризовать» российское общество, посеять панику и привести к деморализации.

Самое удивительное, что мы закрываем глаза на реальные угрозы и впадаем в панику от угроз мифических. Россияне, которые вообще достаточно легкомысленно относятся к вопросам экологической безопасности, пока еще не осознали масштаб того разрушительного воздействия, которое оказывает Китай на природу нашей страны и здоровье россиян. Со слепым упорством приближаясь к экологической катастрофе, Поднебесная может увлечь за собой и Россию. Не так страшны «чайна-тауны» в российских городах, как китайские машины, у которых во время аварии могут не сработать подушки безопасности, или детские игрушки, содержащие токсичные вещества. Почему-то не думаем мы о судьбах наших юных россиян, которые «сели на иглу» благодаря дешевой «наркоте» из Поднебесной. Китай — действительно опасный сосед, но отнюдь не потому, что он якобы собирается оккупировать наш Дальний Восток.

Нужно признать, что мы боимся не подлинного Китая, а нашего представления о нем. Точно так же мы стремимся перенимать опыт того же мифического Китая, который в большинстве случаев существует лишь в нашем воображении. Слишком долго отношения России и Китая определялись не реальными взаимными интересами, а идеологическими установками, мешающими понять Друг друга. Кажется, сегодня у нас есть шанс наконец избавиться от этого негативного пережитка.

Все-таки как же мы доверчивы! Едва успев разочароваться в применимости европейского опыта, тут же пытаемся начать следовать китайским рецептам. И уже спешим сделать первый шаг по дороге, ведущей в никуда.

Хотелось бы спросить у проповедников «китайского пути» для России: что же вы, господа, хотите перенять у Поднебесной?

Самую крупную на планете численность безработного населения?..

Тотальную нищету сельских регионов на фоне относительного благополучия крупных городов?..

Низкий уровень оплаты труда и слабое законодательство в сфере охраны жизни и здоровья трудящихся?..

Тяжелейшую экологическую обстановку, превращающую людей в инвалидов?..

Отсталую даже по сравнению с современной Россией медицинскую отрасль?..

«Замороженные» социальные гарантии, практически полное отсутствие пенсионной системы?..

Официально существующую систему промышленного пиратства?..

Чудовищную коррумпированность государственного аппарата, чиновников, которые берут взятки даже под страхом пожизненного заключения и смертной казни?..

Совершенно бесперспективные и заранее обреченные на неудачу попытки китайских властей установить цензуру в Интернете?..

Неужели «плюсы» экономического развития Китая способны совершенно затмить названные выше «минусы», о которых мы говорим в этой книге?..

Нужно ли России такое «китайское счастье»?

Беспристрастный анализ внутреннего положения Китая дает основание говорить, что перспектива его экономического роста и победоносного завоевания мировых рынков отнюдь не выглядит безоблачной. Китай в большей степени является империей, чем мононациональным государством, а значит, обречен на регулярные всплески межнациональных противоречий, которые сегодня вновь обостряются. Неразрешенные социальные и национальные проблемы позволяют предполагать, что Китай рискует в *будущем* вообще утратить свою политическую и даже территориальную целостность. Никто не может однозначно отвергнуть вероятность советского или югославского сценария для Китая. Как мы помним, рушились и более мощные империи, чем сегодняшней Китай. Этого трагического

сценария вполне можно избежать, если сегодня четко осознать риски, связанные с мобилизацией всех ресурсов страны на реализацию проекта «экономического чуда».

С другой стороны, неизбежный крах пророчат Китаю уже не одно десятилетие. Об этом, в частности, в интервью 2006 года вспоминал бывший посол России в Поднебесной Игорь Рогачев: «Когда в 1992 году я стал послом в Пекине, у меня прошло много протокольных встреч с коллегами из дипкорпуса. Так вот, многие послы, прежде всего из развитых западных стран, в один голос уверяли меня, что Китай ждет неминуемый и близкий крах. Дескать, экономика не выдержит таких высоких темпов роста, а вместе с ней рухнет и режим. Прошло почти пятнадцать лет. Китайская экономика жива, и режим не выказывает признаков краха. Но что любопытно: сегодня многие эксперты на Западе, да и у нас по-прежнему проводят мысль о том, что у китайской экономики слишком высокие темпы роста, она их не выдержит, впереди, дескать, неизбежны социальные катаклизмы и крах режима. Думаю, эти мрачные прогнозы имеют под собой столько же оснований, сколько в 1992 году. Китайские лидеры — прагматики. Они прилагают усилия для смягчения возникающей в разных секторах экономики и социальной жизни напряженности. Одна из фундаментальных проблем — это выравнивание уровня развития и уровня жизни на востоке и на западе страны, в больших городах и сельской глубинке. Успехи есть, но относительные. Уровень жизни повышается везде, но разрыв при этом не сокращается, а растет»^[95]. Таким образом, получается, что у Поднебесной сегодня слишком много внутренних проблем, чтобы втягиваться в любой вооруженный конфликт — будь то война с Индией или с Россией. Ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН Александр Ларин справедливо отмечает: «Китай нуждается в *длительном мире* для осуществления своих масштабных программ модернизации. У него складываются сложные, противоречивые отношения с Западом, куда он стремится интегрироваться, но не ценой перерождения, к которому Запад его подталкивает, и не ценой перехода на зависимое от Запада положение в мировой политике. В такой ситуации Китаю нужен спокойный, желателен дружеский тыл. Для него важно, чтобы Россия не превратилась в младшего партнера США и не вознамерилась бы подчинить их интересам свою политику на китайском

направлении»^[96]. Также и бывший посол Советского Союза в Китае Владимир Павлович Федотов уверен, что разговоры о грядущих китайской гегемонии и военной агрессии — пропагандистский миф, цель которого — посеять выгодную Соединенным Штатам вражду между Россией и Поднебесной. «Китай сегодня полностью вкладывается в собственное экономическое развитие и не предпринимает никаких шагов по расширению ареала своего геополитического влияния, — подчеркивает дипломат. — Даже когда в Киргизии и Монголии, пограничных с Китаем государствах, разворачивалось нечто наподобие „оранжевых революций“, никакой резкой реакции со стороны официального Пекина не было. С моей точки зрения, мы можем быть уверены: когда Китай говорит, что не будет добиваться гегемонии, что будет придерживаться пяти принципов мирного существования, он говорит именно то, что хочет сказать и что будет делать. За спиной у китайского руководства — гигантская страна, которую нужно развивать, нужно ликвидировать нищету, безграмотность, болезни... Никакие авантюры в такой ситуации ему не нужны — напротив, нужны мир и стабильность»^[97].

Несмотря на видимую мощь и растущий оборонный потенциал, сегодня Китай вряд ли способен на *«маленькую победоносную войну»*¹. Он не хочет войны, хотя и любит поигрывать стальным мускулом, бряцать оружием, стращать своих европейских и американских оппонентов. Но это — превентивно. Китай делает все для поддержки мифа о своей неуязвимости. Китайская пропагандистская машина работает в полную силу. И этот миф действительно очень силен — его воздействие чувствуют, пожалуй, все россияне. Однако перед Китаем сегодня стоит задача не «покорения мира», а сохранения стабильности в собственном обществе. Если Поднебесная и втянется в вооруженный конфликт, то его последствия, скорее всего, будут для Китая самыми трагическими. Как минимум, война приведет к сворачиванию программ модернизации китайской экономики, а это уже будет равносильно поражению. У внешне неуязвимого Китая нет того ресурса прочности, который позволил бы ему вести военную кампанию с сильным противником, таким, например, как Индия или Россия.

Так уж случилось, что россияне прекрасно осведомлены об успехах современного Китая, но мало что знают о его проблемах.

Авторы этой книги отнюдь не стремились «сгущать краски» и изображать действительность Поднебесной преимущественно в негативных тонах. Однако мы считаем необходимым предупредить наших соотечественников о тех огромных рисках, которые таит в себе излишнее увлечение «китайской моделью» экономического развития.

Давайте не будем искать «русское счастье» вдали от родного дома.

Путь России — не американский, не европейский и не китайский. Путь России — русский. При этом самобытность не отрицает необходимости перенимать самое лучшее и полезное из иностранного опыта, в том числе из новейшей истории Китая.

Основные источники и литература

Акопян А. Русский с китайцем — братья навек? // Русский обозреватель. 2009.13 июля.

Бурлацкий Ф. Мао Цзэ-дун. «Наш коронный номер — это война, диктатура». М., 1976.

Водолеев Г.С. Мировое правительство грядет в составе ЦК КПК // Вестник политической психологии. 2001, № 1.

Галенович Ю. Ц. Китайское чудо или китайский тупик? М, 2002.

Голобков А. Силы для антитеррора // Военно-промышленный курьер. 2009.16 декабря.

Гончаров С. Китайцы в России — кто они? // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 4.

Гусев Ю. А. Капитал, доллар США, рубль и юань (жэньминьби) и что за этим кроется. М., 2006.

Давыдов А. С. Олимпиада в Пекине: «игры» вокруг Игр // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 6.

Дацьшен В. Г. Китайская трудовая миграция в России. Малоизвестные страницы истории // Проблемы Дальнего Востока. 2008. №5.

Дацьшен В. Г. Китайцы в Сибири в XVII-XX вв.: проблемы миграции и адаптации. Красноярск, 2008.

Девятов А. П. Кризис и Китай. Путевые заметки военного китаевода // www.clubvi.ru, 18.11.2009.

Девятов А. П. Практическое китаеведение для тех, кто принимает решения. М., 2008.

Девятов А. П. Экспо-2010 // Завтра. 2008. № 48.

Ждать ли конца света в 2012 году? // Комсомольская правда. 2007. 4 мая.

Жемчугов А. Китайская головоломка. М., 2004.

Жулин Ю. Россия и Китай: военно-политические проблемы взаимной безопасности на пороге XX-XXI веков. Саранск, 2005.

Задерей Я. Эволюция восприятия Шанхайской организации сотрудничества на Западе // Проблемы Дальнего Востока. 2008. №1.

Зотов Г. В Китае за коррупцию — расстрел // Аргументы и факты. Северо-Запад. 2009.17 июня.

История внешней политики России. Первая половина XIX века. М., 1999.

Кальвокоресси П. Мировая политика после 1945 года. М., 2000.

Киндж Д. Китай, который потряс мир. М., 2010.

Китайская Народная Республика: политика, экономика, идеология. М., 1985.

Китайский контрафакт в Пентагоне // Независимое военное обозрение. 2010.15 января.

Корсун В. А. Внешняя политика Китая на пороге XXI века. М., 2002.

Крамник И. Край, откуда начинается рассвет // Русский обозреватель. 2009.16 октября.

Кругман Я. Китай во власти США // NEWSru.com. 15.03.2010.

Крупное Ю. Столица России должна стоять на Тихом океане // Завтра. 2005. № 45.

Кузнецов В. С. Под сенью древних храмов (заметки о современной духовной жизни китайцев) // Проблемы Дальнего Востока. 2007. №2.

Куминов А. С. Китай — надвигается война? СПб., 2005.

Ларин А. Г. Китайцы в России: вчера, сегодня, завтра. М., 2003.

Ларин А. Г. Российско-китайские отношения и китайская миграция в оценке россиян // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 5.

Леонард М. О чем думают в Китае? М., 2009.

Лукин А. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII-XXI вв. М., 2007.

Лукьянов А., Переломов Л. Из истории идеологемы «сяо кан» // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 3.

Мясников В. С. Квадратура китайского круга: Избранные статьи. М., 2006.

Наварро И. Грядущие войны Китая. Поле битвы и цена победы. М.; СПб., 2007.

Настоящий Китай // <http://www.kreml.org/interview/181087499>.

Образцов И., Шенгелевич М. 2012. Конец света: ложь и правда. М., 2009.

Овчинников В. Взлет Китая // Российская газета. 2009.15 апреля.

Овчинников В. Водами Юга — напоить Север // Российская газета — неделя. 2009, 22 октября.

Переломов Л. С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М., 2007.

Попов В. В. Три капельки воды: заметки не Китаиста о Китае. М., 2001.

Пионтковский А. Китайное стало явным // <http://grani.ru>. 11.01.2010.

Почему в Китае нет олигархов? // Российская газета. 2006. 15 июня.

Проханов А. Китайский ответ // Завтра. 1996. № 43.

Приходько С. Мы не должны бояться Китая // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st-1080043020>.

Распад мировой долларовой системы: ближайшие перспективы / Под ред. Ю. Д. Маслюкова. М., 2001.

Рахманин О. Б. К истории отношений России-СССР с Китаем в XX веке. Обзор и анализ основных событий. М., 2002.

Рогозин Д. О. Враг народа. М., 2006.

Розман Г. Китай, Япония и кардинальные изменения на постсоветском пространстве. Глобальные возможности и региональные угрозы // Российско-китайские отношения глазами американцев. М., 1997.

Романов П. Обама и Горбачев // <http://www.rian.ru/authors/20090720/177932547.html>.

Садовская Е. Современная китайская миграция в Казахстане: основные тенденции, проблемы и перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 5.

Селищев А. С., Селищев Я. А. Китайская экономика в XXI веке. СПб., 2004.

Соловьев В. Краткая повесть об Антихристе // В. Соловьев: Избранное. М., 1990.

Стригин Е. Эра Дракона. М., 2008.

Тихвинский С. Л. Восприятие в Китае образа России. М., 2008.

Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2001.

Федотов В. «Китай не будет добиваться гегемонии» // Завтра. 2006. №12.

Фефелов А. Китайская грамотность // Завтра. 2007. № 37.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

Хоу Вэнчжу. Политика Китая в отношении внешней миграции // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 6.

Храмчихин А.А. Пекинский тигр изготовился к прыжку // Независимое военное обозрение. 2009.26 июня.

Храмчихин А.А. Ближайший сосед — будущая военная сверхдержава // Независимое военное обозрение. 2009.27 марта.

Храмчихин А.А. Поднебесная осваивает околоземный ТВД // Независимое военное обозрение. 2009.13 ноября.

Чернявский А. Опасная концентрация китайских овощеводов // Независимая газета. 2010.10 февраля.

Чан Г. Китайский век? Не в этом столетии // Русский журнал. 2009.14 декабря. Вып. 28.

Чен Х. Эти удивительные китайцы. М, 2006.

Чубаров В. Эпоха развитого колониализма // Деньги. 2010. 25 января.

Шенкар О. Варварская модернизация // Русский журнал. 2009. 14 декабря. Вып. 28.

Шлындов А. Сотрудничество России и Китая в научно-технической, технологической и производственной сферах // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 6.

Ясин Е. Китай не образец для модернизации России // Русский журнал. 2009.14 декабря. Вып. 28.

Мир меняется. И в этом новом мире все большую роль начинает играть Китай. Все громче звучат угрожающие голоса, предсказывающие России полное исчезновение под «тьмой с Востока». Не надо никаких войн. Просто русских станет гораздо меньше, чем китайцев. Все это случится мирно, почти незаметно: на российских улицах, в кафе и магазинах зазвучит китайская речь, появятся вывески на китайском, в киосках будут лежать китайские газеты.

Базы НАТО у наших границ покажутся детскими игрушками в сравнении с глобальной экспансией Китая, надвигающейся подобно лавине. Противостоять стихии бесполезно?

Мощное экономическое развитие и прагматический политический курс уже не одно десятилетие считаются слагаемыми небывалого китайского успеха. Вместе с восхищением китайским экономическим чудом в мире множатся страхи.

В этой книге авторы постарались показать со всех сторон загадочное Среднее государство и найти ответы на вопросы:

- Как поведет себя «сильный Китай», когда он осуществит свои грандиозные планы модернизации?
- Нужно ли России бояться Китая? Ждать ли нам новой войны?
- И не станет ли расхожий анекдот о «китайско-финской границе» печальной реальностью?

Заказ книг:

197198, Санкт-Петербург, а/я 127
тел.: (812) 703-73-74, postbook@piter.com
61093, Харьков-93, а/я 9130
тел.: (057) 758-41-45, 751-10-02, piter@kharkov.piter.com

www.piter.com — вся информация о книгах и веб-магазин

ISBN 978-5-46807-908-0

9 785498 079080

notes

Леонард М. О чем думают в Китае? М, 2009. С. 18. 8

Попов В. В. Три капельки воды: заметки некитаиста о Китае. М., 2001. С. 20.

Почему в Китае нет олигархов? // Российская газета. 2006.15 июня.

4

Ждать ли конца света в 2012 году? // Комсомольская правда. 2007.
4 мая.

Романов *П.* Обама и Горбачев//
<http://www.rian.ru/authors/20090720/177932547.html>

Леонард М. О чем думают в Китае? С. 19.

7

Сорос Дж. Всегда играю по правилам! //

<http://www.inosmi.ru/world/20081219/246199.html>

Война Индии и Китая неизбежна, она произойдет в 2012 году // [http:// www.inopressa.ru/corriere/2009/07/29/13:07:00/india](http://www.inopressa.ru/corriere/2009/07/29/13:07:00/india)

Война между Россией и Китаем в 2012 году // <http://www.luberblog.ru/post91463265>

Водолеев Г.С. Мировое правительство грядет в составе ЦК КПК // Вестник политической психологии. 2001. № 1. С. 31.

Кундера М. Бессмертие. СПб., 2002. С. 135.

Там же.

Лукьянов А., Переломов Л. Из истории идеологии «сяо канн» // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 3. С. 34.

<http://ua.china-embassy.org/rus/xwdt/t337658.htm> 28

Мясников В. Квадратура китайского круга. Избранные статьи. Кн. 2. М., 2006. С. 368.

Лукин А. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII-XXI вв. М., 2007. С. 471.

См. подробнее: *Садовская Е.* Современная китайская миграция в Казахстана не: основные тенденции, проблемы и перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 5.

Когти барса // Завтра. 2000. № 49.

<http://russian.people.com.cn/31518/6538612.html>

В буквальном переводе — «восточный ветер». — *Примеч. ред.*

Гончаров С. Китайцы в России — кто они? // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 4. С. 15.

См. *Стригин Е. Эра Дракона*. М., 2008. С. 430. 84

Ларин А. Г. Китайцы в России: вчера, сегодня, завтра. М., 2003. С. 37. 86

См. *Дацышен В. Г.* Китайцы в Сибири в XVII-XX вв.: проблемы миграции и адаптации. Красноярск, 2008. С. 36.

См. *Дацешен В.* Китайская трудовая миграция в России. Малоизвестные страницы истории // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 5.

Лукин А. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII-XXI вв. М, 2007. С. 159.

<http://www.sps.ru/7id-209501>

Россия боится объятий своего гигантского восточного соседа // [http:// www.inosmi.ru/world/20090803/251249.html](http://www.inosmi.ru/world/20090803/251249.html)

Тихвинский С. Л. Восприятие в Китае образа России. М., 2008. С. 205.

Куминов Л. С. Китай — надвигается война? СПб., 2005. С. 5.

См. *Стригин Е. Эра Дракона. С. 310.*

Рогозин Д. О. Враг народа. М., 2006. С. 299.

Жемчугов А. Китайская головоломка. М., 2004. С. 26.

Мясников В. Квадратура китайского круга: Избр. статьи. Кн. 1. М, 2006. С. 16.

См. *Девятов Л. П.* Практическое китаеведение для тех, кто принимает решения. М., 2008. С. 119.

Рахманин О. Б. К истории отношений России-СССР с Китаем в XX веке. Обзор и анализ основных событий. М., 2002. С. 81.

Розман Г. Китай, Япония и кардинальные изменения на постсоветском пространстве. Глобальные возможности и региональные угрозы // Российско-китайские отношения глазами американцев. М., 1997. С. 63.

См. *Бурлацкий Ф.* Мао Цзэдун. «Наш коронный номер — это война, диктатура». М., 1976. С. 310.

Селищев А. С., Селищев Н. А. Китайская экономика в XXI веке.
СПб., 2004. С. 201.

Девятков А. П. Практическое китаеведение для тех, кто принимает решения. М., 2008. С. 136.

См. *Корсун В. А.* Внешняя политика Китая на пороге XXI века. М., 2002. С. 172.

Цит. по: *Рахманин О. Б.* К истории отношений России-СССР с Китаем в XX веке. С. 384.

Рахманин О. Б. К истории отношений России-СССР с Китаем в XX веке. С. 385.

<http://www.inosmi.ru/usa/20090506/248895.html>

<http://www.rian.ru/world/20080807/150144812.html>

Леонард М. О чем думают в Китае? С. 99.

Фефелов А. Китайская грамотность // *Завтра.* 2007. № 37.

Жулин Ю. Россия и Китай: военно-политические проблемы взаимной безопасности на пороге XX-XXI веков. Саранск, 2005. С. 19.

Леонард М. О чем думают в Китае? М., 2009. С. 127. 134

Попов В. В. Три капельки воды: заметки некитаиста о Китае. С. 64.

См.: *Задерей Н.* Эволюция восприятия Шанхайской организации сотрудничества на Западе // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 1. С. 64.

Богданов В. Тегеран обещал Москве ответить на предложения «шестерки» // Российская газета. 2006.17 июня.

США идут к краху // Завтра. 2006. № 4. 154

Гусев Ю. Л. Капитал, доллар США, рубль и юань (жэньминьби) и что за этим кроется. М., 2006. С. 121-122.

Акопян А. Русский с китайцем — братья навек? // Русский обозреватель. 2009.13 июля.

Российская газета. 2007. 29 мая.

Цит. по: *Зотов Г.* В Китае за коррупцию — расстрел // Аргументы и факты. Северо-Запад. 2009.17 июня.

Попов В. В. Три капельки воды: заметки некитаиста о Китае. С. 49.

Киндж Д. Китай, который потряс мир. М, 2010. С. 260.

Чен Х. Эти поразительные китайцы. М, 2006. С. 114.

Почему в Китае нет олигархов. На этот и другие вопросы отвечает бывший российский посол в КНР Игорь Рогачев // Российская газета. 2006. 15 июня.

Китайский путь — ложное искушение Владимира Путина // <http://www.inosmi.ni/inrussia/20071205/238208.html>

Немцов *Б.* Россия и Китай //
<http://www.rasolidarnost.ru/novosti/glavnoe/2010-02-12-boris-nemtsov-rossiya-i-kitai>

Чем Владимир Путин отличается от Дэн Сяопина // <http://www.inosmi.ru/world/20071229/238727.html>

Пушков А. Различие между Китаем и Россией не позволит Путину
быть Дэном Сяопином // <http://www.km.ru/uncensored/index.asp?data-07.08.2006%2012:20:00&archive-on>

Федотов В. Китай не будет добиваться гегемонии // *Завтра*. 2006.
№ 12.

Кузнецов В. С. Под сенью древних храмов (заметки о современной духовной жизни китайцев) // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 2. С. 161.

Галенович Ю. М. Китайское чудо или китайский тупик? М., 2002.
С. 14.

Наварро П. Грядущие войны Китая. Поле битвы и цена победы.
М; СПб., 2007. С. 25

Наварро П. Указ. соч. С. 26.

Настоящий Китай // <http://www.kreml.org/interview/181087499>

Наварро П. Указ. соч. С. 204.

Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2001. С. 239.

Леонард М. О чем думают в Китае? С. 104.

Проханов А. Китайский ответ // Завтра. 1996. № 43.

См.: *Давыдов А.С.* Олимпиада в Пекине: «игры» вокруг Игр // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 6. С. 12-13.

Девятов Л. Экспо-2010 // Завтра. 2008. № 48.

Попов В. В. Три капельки воды: заметки некитаиста о Китае. С. 4.

Киндж Д. Китай, который потряс мир. М., 2010. С. 96.

Там же. С. 97.

<http://www.chinapro.ni/rubrics/5/3097>

Киндж Д. Китай, который потряс мир. С. 186.

Киндж Д. Китай, который потряс мир. С. 101.

Китайский контрафакт в Пентагоне // Независимое военное обозрение. 2010.15 января.

Наварро П. Грядущие войны Китая. Поле битвы и цена победы. С.
23. 210

Наварро П. Грядущие войны Китая. С 67.

Киндж Д. Китай, который потряс мир. С. 99.

Наварро П. Грядущие войны Китая. С. 143.

Китай объявил войну наркотикам //
<http://www.rosbalt.ru/2008/03/04/462407.html>

Стригии Е. Эра Дракона. М, 2008. С. 284.

Крамник И. Край, откуда начинается рассвет // Русский обозреватель. 2009. 16 октября.

Крупное Ю. Столица России должна стоять на Тихом океане // Завтра. 2005. №45.

Чен Х. Эти удивительные китайцы. М., 2006. С. 73.

Почему в Китае нет олигархов? // Российская газета. 2006.15 июня.

Ларин А. Г. Российско-китайские отношения и китайская миграция в оценке россиян // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 5. С. 122.

Федотов В. Китай не будет добиваться гегемонии // *Завтра.* 2006.
Jsfe 12.